

ВАЛЕРИЯ КОРЕННАЯ

ЗАВТРА БЫЛА ЛЮБОВЬ

ЛЮБОВНЫЙ
РОМАН

ИСТОРИЯ
О НАС

ИСТОРИЯ
О НАС

ВАЛЕРИЯ КОРЕННАЯ

ЗАВТРА БЫЛА ЛЮБОВЬ

ЛЮБОВНЫЙ
РОМАН

ИСТОРИЯ
О НАС

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К66

Издательство выражает благодарность
литературному агенту *Ирине Горюновой*
за помощь в получении прав на издание книги.

Коренная, Валерия.

К66

Завтра была любовь / Валерия Коренная. — Москва :
Издательство «Э», 2017. — 400 с. — (История о нас).

ISBN 978-5-699-91694-8

Такой роман могла написать только женщина. Он очень личный, в известной мере исповедальный. Героиня, в прошлом московская актриса, а ныне ведущая на русско-американском телевидении, живет в Нью-Йорке двадцать лет. Разрыв с любимым, внезапно вернувшимся на родину, мучителен. Оставшись в одиночестве, Катя думает, что больше никогда не найдет любовь, без которой не мыслит существования. Тем не менее по совету подруги регистрируется на сайте знакомств. Она начинает встречаться с разными мужчинами-американцами — творческими и умными, порядочными и самоуверенными, смешными и трогательными. Она видит, что мужчины влюбляются в нее, у нее появляется надежда. Встретит ли она настоящую, главную, безусловную любовь, будет ли эта любовь говорить с ней на одном языке?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-91694-8

© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Часть I. Держись, взлетаем!

Сегодня

— Ни один нормальный мужик не подаст мне больше руки, — Витька мечется на пассажирском сиденье своего джипа, размазывает по щекам пьяные слезы и колотит кулаком по стеклу. — Я последняя сволочь. Что я делаю? Она этого не переживет.

В лобовое стекло бьют, как из пулемета, крупные снежинки.

— Не будь идиотом, — говорит Рудик, держа одной рукой руль, а второй вытаскивая из пачки сигарету, — еще не поздно остановиться. Она ни о чем не догадается. Ты же сам понимаешь, что это глупость. Так не поступают.

Звонит Витькин телефон. Он раздраженно нажимает кнопку отбоя и смотрит на часы: семь ровно. Минуту спустя слушает сообщение: «Кот, представляешь, я так быстро доехала, уже в Манхэттене. Снимешь сегодня мою новую песню? Мя».

— Какая, к черту, песня? Какие съемки? — задыхаясь от слез, орет он и трясет телефоном перед глазами. — Неужели ты не чувствуешь, что это — всё? Ты думаешь, что знаешь меня, что можешь просчитать все мои ходы? Ничего ты не знаешь и не чувствуешь...

Рудик открывает окно, закуривает и перестраивается в правый ряд — ехать осталось недолго.

Семь дней назад

Раздался легкий хлопок, и компьютер завис. Витька чертыхнулся, но решил, что раз уж появилось время покурить и подумать, то так и надо сделать. Он включил кнопку перезагрузки, накинул куртку и вышел на балкон.

Над пустой дорогой одиноко возвышался фонарь со склоненной головой, высвечивая крупные хлопья танцующего в воздухе снега. Редкие машины почти бесшумно скользили по заснеженному асфальту. «Какая колючая тишина», — мелькнуло в голове. С ментоловым дымом в легкие втянулся морозный воздух, по телу пробежал холодок. «Последняя зима в Америке. Надо бы запомнить в деталях», — Витька выдохнул то ли горячий воздух, то ли сигаретный дым. Когда куришь на морозе, непонятно, где заканчивается дым и начинается пар, и ты выдыхаешь дольше обычного. Сигарета обожгла указательный палец. Кошка усмотрела бы в этом какой-нибудь знак. «Мы с тобой уже целых девять лет, — сказала она недавно, положив голову на Витькино плечо, — на год больше, чем я прожила с мужем. Это что-то значит. Даже не

верится. Но я знаю, именно знаю, а не чувствую, что мы будем вместе всегда... если только ты не сделаешь какую-нибудь глупость». Витька промолчал. Много лет подряд, каждый вечер, слыша поворачивающийся в замке ключ, он вскакивает со своего кресла у компьютера и, словно пес, бежит к дверям. Если бы он действительно был собакой, то в эти мгновения его хвост вилял бы от восторга. Вроде и сейчас ничего не изменилось. Он так же бежит к ней навстречу, только глубоко внутри совсем другое чувство. Кошка по-прежнему приносит в дом свет и радость. Эта светлая радость витает вокруг весь вечер и всю ночь до утра — ее ухода на работу. «Ну вот, надела улыбку, — говорит Кошка после утренней чашки кофе, — пойду быстренько, с радостью, поработаю, а вечером с еще большей радостью вернусь домой». Радость на ее лице — величина постоянная.

Какое-то время назад и Витька по ее примеру стал учиться притягивать к себе такое состояние. Кошка говорила, что в этом ей помогают две театральные школы: она прошла через обе. Одна — школа представления — от внешнего к внутреннему, то есть надел костюм и вошел в образ, другая — школа переживания — от внутреннего к внешнему. Это значит прочувствовать образ изнутри и костюм не обязателен. С улыбкой и радостью сочеталась, по ее мнению, школа представления.

— Попробуй каждое утро надевать улыбку, независимо ни от чего, даже от погоды, фокусироваться на хорошем, и счастье само начнет притягиваться, — говорила она.

Счастья Витька хотел и потому настроился решительно. Он сразу начал с самого трудного — самоконтроля за рулем. Где еще, как не в сумасшедшем Нью-Йорке, закалять характер? Здешние водители — сорвавшиеся с цепи питбули. Взвинченные, они не пропускают ни других водителей, ни пешеходов, взрываются без всякого повода и готовы разодрать любого на части. Иногда бывает достаточно одного беглого взгляда в сторону таксиста, чтобы он истолковал его как агрессию в свой адрес и рванул следом за тобой, выгавкивая проклятия на незнакомом тебе языке — неважно, пешеход ты или водитель.

Как ни странно, но довольно быстро у Витьки что-то стало получаться, он и сам не поверил. Победоносно откинувшись на спинку кресла, удивленно поднимая брови, он рассказывал Кошке, каких невероятных усилий стоило ему не послать подальше подрезавшего его лимузинщика, как он спокойно пропустил психопата-таксиста, который влез в его ряд, как не выставил прежде всегда готовый к уличному бою средний палец, когда бездомный ударил по его бамперу за то, что Витька своим джипом загородил ему переход.

Увы, уже через пару недель решимость притягивать счастье сдулась, как проколотый футбольный мяч. Витька сорвался.

Прикладывать слишком много усилий — мучительно и, соответственно, неинтересно. В таких случаях он говорил себе: «Пусть Кошка сама лепит из себя гармоничную личность». И тут же недоумевал: как ей это удастся? Невозможно же всё время быть «железной леди», надо же хоть

иногда, не только перед ним, но и перед другими, становится беззащитной или хотя бы прикидываться. Да и перед ним она не очень-то расслабляется. Всё может сама: и пресловутого коня на скаку, и в горящую избу... Когда она брала на себя не свои роли и превращалась из любовницы в мамку, Витька забывал, что перед ним — любимая женщина.

— Перчатки надел? — спрашивала она зимой, когда он звонил ей в перерыве между очередными съемками.

Ему приходилось много времени проводить на улице, снимая новостные сюжеты. В холодную погоду пальцы деревенели так, что он не мог нажимать кнопки на телевизионной камере. Сам знает, что надо надевать перчатки. Делает он это или нет — уже другое дело. Но разве ее напоминания помогут? Потом Витьку стало раздражать, когда Кошка превращалась в коллегу и давала ему советы относительно монтажа той или иной сцены. Нет, иногда он и сам спрашивал у нее совета, зная, что она умеет видеть картинку целиком и в то же время подмечать детали. Но одно дело, когда спрашивал он, и совсем другое, когда она проявляла инициативу. Наружу свое раздражение он не выплескивал, оно оставалось внутри, как в кипящем котле с закрытой крышкой. Опасная это штука. Да и Кошка всегда побаивалась молчунов, не говорящих открыто о своих чувствах. Она считала, что в какой-то момент у таких людей сносит крышу и они могут натворить нечто ужасное. И еще молчуны умеют вынашивать вероломные планы. Несдержанным людям, по ее мнению, наоборот,

можно верить. Пускай они и срываются, и заводятся с пол-оборота, но зато, выплеснув эмоции, быстро успокаиваются.

В последнее время Кота раздражает практически всё, даже его вынужденное признание самому себе, что превратился в заложника компьютерных игр. Несколько раз он предпринимал попытки излечиться от игромании и обещал Кошке покончить с этим раз и навсегда. В такие полные решимости дни он стирал из компьютера все игры и обнулял свой мозг. В голове рождались интересные идеи, осуществление которых казалось простым делом: несколько маленьких шагов — и замысел превратится в реальность. И вот он уже разрабатывает проекты музыкальных клипов, договаривается с режиссерами-документалистами о съемках, изучает новинки на рынке программ для видеомонтажа, звонит творческим людям и назначает деловые встречи. Кошка радуется тоже. Она верит в него и его новую жизнь.

Почему именно в день зарплаты выходит очередная игра? Назло ему, наверное. Витька покупает ее и остывает к тому, что задумал совсем недавно. Он вновь просыпается по ночам в холодном поту, кажется, что нашел верный ход в новой стратегической игре — недаром он считает себя истинным знатоком стратегии. Он уговаривает себя, что игры помогают развитию личности не хуже, чем Кошкины умные книги.

Уже через пару-тройку недель у подтянутого и спортивного Кота появляется небольшой животик, темные круги под глазами от недосыпа и он становится похож на сытого енота.

Сегодня

День кажется необычным, не как всегда. Даже стук ее сердца непривычно громкий. Почему она его слышит? Катя тормозит на долгом светофоре — не успела проехать на зеленую стрелку. На лобовое стекло медленно укладываются и через мгновение стекают слезами крупные снежинки. За три минуты можно многое разглядеть вокруг. Номер впереди стоящего серебристого «мерседеса» совпадает с номером ее дома — странно. К чему бы это? Внутри машины девушка нависает над юношей-водителем, он целует ее, пытаясь из-за копны ее рыжих волос наблюдать за действиями светофора. Правой рукой он собирает ее волосы, но она мотает головой, и грива рассыпается, становясь еще пышнее.

Катя переводит взгляд в зеркало заднего вида. За рулем миниатюрной машины вишневого цвета с капотом, помятым в форме знака «бесконечность», сидит тучный мужчина неопределенного возраста, занимая всё внутреннее пространство салона. Он смачно жует гамбургер, держа его в одной руке, а другой сжимая огромный пластиковый стакан с кока-колой. Толстяк размахивает стаканом и что-то кричит в свисающий на грудь телефонный провод с микрофоном. Его машина сотрясается.

В «лексусе» справа молодой человек с темными кудрявыми волосами до плеч, слишком молодой, двигаясь в такт музыке, похлопывает руками по рулю и игриво подмигивает Кате. Она не сразу поняла, что подмигивания адресованы ей, а поняв, отвернулась.

Происходящее на улице интереснее. Слева от дороги в ожидании зеленого сигнала светофора стоят два парня и девушка, похоже, корейского происхождения. Они беспрестанно смеются, держась друг за друга, чтобы не упасть на скользком тротуаре. Один из парней пытается фотографировать друзей, но стоит ему отступить на шаг в сторону и нацелить объектив, как его заносит. Покачиваясь и заливаясь пьяным смехом, друзья подхватывают фотографа и ставят его на ту точку, которая кажется им наиболее подходящей для удачного кадра. Так повторяется несколько раз. После очередной попытки вновь раздается неудержимый хохот. Девушка выкрикивает по-английски, обращаясь к фотографу:

— Ты же пьяный!

Эти слова вызывают у всей троицы очередной приступ смеха. Катя тоже невольно улыбается. Пьяных корейцев можно увидеть нечасто. Их организм плохо принимает спиртное — косеют они быстрее, алкогольный токсикоз сильнее, дозы им для этого нужны меньшие, чем русским, англичанам или американцам. Зато спиваются корейцы сразу и навсегда. Правда, они совсем не похожи на наших пьяниц. Корейцев отличает алкогольный непрофессионализм и неагрессивность. Наши люди так не умеют. Им генетически необходимо завершить торжественный вечер коронным «Ты меня уважаешь?» и мордобоем. Наутро они в том же составе как ни в чем не бывало опохмеляются в прибрежном брайтонском ресторане. Корейцы же дерутся исключительно по делу, выясняя, какая из сухопутных границ с Корейским полуостровом более протяженная — российская или китайская.

Наконец фотографу удастся сделать снимок, и он радостно кричит друзьям:

— Получилось!

Катя смотрит на светофор. В поле зрения попадает наклейка с лобового стекла ее «тойоты» с цифрой, показывающей, когда нужно менять масло. За все годы совместной жизни с Котом ей не приходится беспокоиться о таких неженских делах, как замена масла или проверка тормозов. Эти мужские обязанности полностью ложатся на его плечи. Кот выполняет их с удовольствием.

Полтора месяца назад

«Понял, я живу с рентгеновской установкой», — Витька нервно улыбнулся своей догадке. Раньше он звонил, зная, что вернется домой позже Кошки. Но с тех пор, как она научилась вычислять его состояние по голосу, он перестал звонить. Кошке достаточно даже не голоса, а одного его слова «привет».

— Ты как на рентгене, — искренне смеется она, — настолько легко читаешься, что всегда ясно, сколько ты выпил и как будешь оправдываться.

С годами просвечивание его мозга превратилось для нее в забавную стратегическую игру. И ведь всегда права. Ни разу не ошиблась.

— Меня можно обмануть глаза в глаза, но ухо никогда не подводит, — говорит Кошка, — приятная внешность и обаяние, конечно, могут обезоружить, но звук голоса в телефоне — ни за что. Да, я могу обольститься красивым низким тембром, как у тебя, но это ненадолго.

В том, что ее слова чистой воды правда, Витька убеждался неоднократно. Сколько раз, окончив съемки, он выпивал в баре одну невинную кружечку пивка и звонил ей сказать, что едет домой, но тут же был уличен в принятом на грудь. Он бесился от собственного бессилия и неумения скрыть залитую в организм всего одну кружку. Витькин голос звучал трезво. Никто, ни один человек, кроме нее, не догадался бы, что он выпил. Тогда он придумал надежную обманку: стал звонить заранее, до того, как намеревался остаканиться.

«Привет, как дела?» — спрашивал Витька невинным голосом. «Что, выпить собрался? — вопросом на вопрос игриво отвечала Кошка. — Только не перебирай».

Это становилось невыносимым. Витька напивался, конечно же, назло ей. Он не верил, что не в состоянии обвести ее вокруг пальца, и однажды сорвался.

В праздничную новогоднюю ночь Кошка должна была петь в одном из загородных домов отдыха. Им предстояло уезжать вечером тридцать первого декабря, после работы. Новостники строчили сюжеты, стуча по клавиатурам компьютеров, как по телетайпу, а коллеги-телевизионщики начали отмечать наступающий праздник с утра. Они пили всё подряд — от шампанского до коньяка и водки. Витька выпивал с каждым по отдельности и со всеми сразу.

В семь вечера Кошка вышла из студии. Витька стоял на ногах нетвердо, но душа его пела. Какая разница, держат его ноги или нет? Голова же трезвая. Да и за рулем будет Кошка.

— Зачем ты напился? — спросила она с укором, пока они спускались по лестнице в гараж. — Ты же знал, что нам ехать два часа, а мне еще и работать.

— Я абсолютно трезв, — икнул он, — начинаются твои фантазии.

Кошка не ответила. Ему бы тоже замолчать, но чувство справедливости должно было восторжествовать. Почему она не подтверждает, что он трезв? Почему она незаслуженно обвиняет его? У него Новый год, в конце концов! Витька размахнулся дверью гаража и со всей силы хлопнул ею. Кошка остановилась.

— Я с тобой в таком виде никуда не поеду, — сказала она твердо.

Как получилось, что кто-то взял пульт управления его гневом и перещелкнул на другой канал? Произошло это мгновенно. С истошным воплем «Я трезвый!» он вырвал из ее рук ключи от своей машины, впрыгнул в джип и завел мотор. Кошка мгновенно оказалась перед движущимся на нее железным конем. «Ты можешь разбиться!» — одним прыжком она вскочила в салон, как показалось Витьке, через открытое окно, в общем, телепортировалась, выключила мотор и рывком выдернула из зажигания ключ. Всё произошло в секунду. После виртуозного циркового номера Кошки в Витькином сознании наступил провал.

Следующий кадр был домашний: он стоит на балконе и мирно беседует по телефону с бывшей женой. Но почему-то из всех окон здания высовываются любопытные и смотрят на него. Его это раздражает. Он входит в квартиру и видит сидящую на диване Кошку. На ее ногах туфли на шпильках.

Она сжимает руками голову. Витька удивляется: почему шпильки, ведь она же дома? В квартире гробовая тишина. Глупо и не в такт мигает елка. Витьку выводят из себя две вещи: елкино разноцветно-оптимистичное мигание и Кошкино напряженное молчание.

Внезапно наступает нестерпимое чувство голода. Он отправляется на кухню, варит пельмени, забрасывает их в себя, но чувствует, что не наелся — нужен десерт (праздник все-таки, это он помнит!), открывает банку со сгущенкой и вылизывает ее до дна. Или наоборот — сначала ушла сгущенка, а после его пробило на пельмени. Последовательность Витька так и не восстановил, но это и неважно. Важно, что наступило «хорошо». Но вскоре «хорошо» сменилось «плохо», «очень плохо».

...Он очнулся утром лежащим на диване в гостиной в джинсах и свитере. Из-под дивана выглядывали наглухо зашнурованные ботинки. Даже в самом трезвом виде он не смог бы их снять, не расшнуровав. Разноцветными лампочками, не в такт, словно издеваясь, мерцала елка. Он пнул ее ногой. Елка шевельнулась, но удержала равновесие и даже не погасла. «Это я так прочно укрепил ее на крестовине», — не без гордости подумал Витька, приподняв от удивления брови. От непроизвольного жеста бровями загудела голова, а покачнувшиеся игрушки издали неприятный стеклянный звон. Голова с ускорением дробилась на множество кусков, во рту обосновался сушняк имени Сахары. Витька встал и, шатаясь, поплелся на кухню. Вода из-под крана, альказелцер, ледяная кока-кола, литр огуречного рассола, горячий вперемежку

с холодным душ — Витька испробовал всё, но ничего не помогало. Он не мог понять одного: куда делся обещанный Новый год? «Кажется, меня прокатили», — заподозрил он. Спросить было не у кого. Он сел в кресло и тупо уставился в цветную точку на паркетном полу — ■ ней отражалось елкино глумливое подмигивание.

Послышались легкие шаги. Витька напрягся. Из спальни вышла Кошка. С трудом сфокусировав на ней взгляд, Витька увидел ее заплаканные глаза.

— Что я скажу людям? Что я скажу? Какой позор! — проговорила она самой себе, не приглашая его к диалогу.

«Какой позор, почему позор, где позор?» — не понял Витька, но заговорить не решился. Он подозревал, что что-то натворил, но что?

Оставшиеся от первого января часы Кошка произносила только два предложения — про «позор» и про «людей».

Для Витьки праздник омрачился не только тяжелым похмельем, но и вынужденными клятвами. Да, вчера он выпил много и намешал всё подряд. Что очевидно — то очевидно. С этим он не стал бы спорить.

— Клянусь, это было в последний раз, — искренне каялся и клялся он к вечеру, когда уже смог произносить слова без ударов набата по голове изнутри, — больше ни грамма.

Витька и сам верил ■ свою клятву — так плохо ему не было никогда. Переносить похмелье с годами становится всё труднее.

Закалка осталась, но организм не молодеет. Кошка тоже, кажется, поверила ему и простила.

Она прощала ему всё. «Почему я не могу послать его? — думала она в такие дни. — С какой стати я должна терпеть рядом этого человека?» Потом говорила себе, что стала для него и любовницей, и другом, и коллегой, и матерью. Всё в одном флаконе.

Внешне жизнь потекла мирно и спокойно, но что-то невидимое внутри у Витьки надломилось. Оно стало подтачивать его исподтишка, маленьким червячком. Он жалел себя. Все пьют, а он не может, и всё потому, что Кошка завязала десять лет назад и, как все бросившие пить, стала ярким противником алкоголя. Но это же ее проблемы. При чем тут он? Потом Витька начинал жалеть ее. Как можно не пить вообще? Ну хоть по чуть-чуть, хоть по праздникам. Она же пропадет без алкоголя. И без него, Витьки, тоже пропадет. Не в том смысле, что она не способна на самостоятельную жизнь, а в том, что даже не представляет, как это — без него. Кошка действительно была счастлива тем, что имела сегодня. Она говорила, что большего ей и не надо. Это была ее зона комфорта.

Кот, наоборот, всё реже чувствовал себя комфортно. Его периодически охватывал страх перед чем-то недоступным ему.

Особенно остро он ощущал этот страх, когда вдруг посреди разговора Кошка замолкала, хватала ручку, подвернувшийся под руку листок бумаги и что-то быстро писала. Ладно бы записала и успокоилась. Но нет. Она словно выпадала из времени, входила в транс. Губы ее шептали, но это была

не медитация, а нечто другое, особенное. В такие минуты она могла разговаривать с Котом или тем, кто оказывался рядом, отвечать на вопросы, поддерживать беседу, но взгляд ее устремлялся дальше глаз собеседника. Ее состояние было похоже на лунатизм, но только творческий. Через полчаса Кошка брала гитару. «Послушай», — говорила она и пела только что родившуюся песню. Кот вынужден был отрываться от компьютерной игры, что его раздражало. Нет, он любил ее песни. У него даже были особенно любимые, просто незаметно Кошкин творческий процесс превратился для него в рутину. Акт созидания больше не вызывал того трепета и благоговения, которые он испытывал когда-то. Были времена, когда его завораживало ее сочинительство, и он даже пытался просчитать дальнейший ход ее поэтической мысли, как делал это в стратегических играх. Но каждый раз его расчеты оказывались неверными. Он не сразу смог понять, что именно его раздражает. А когда понял, пришел в ужас: в своих стихах она рассекречивает его тайный мир, а пишет вроде как об абстрактных мужчине и женщине. «Это ведь обо мне!» — эта простая мысль ужаснула его. Вместе с этой мыслью в Кошкином творчестве для Витьки исчез элемент игры и загадки.

Куда больше увлекали его настоящие игры и... ревность. В ревности всегда присутствует элемент игры. Ревнуя, как и в стратегических играх, можно заниматься расследованием. Для Витьки была интересна только жизнь, превращенная в игру.

С первых дней их знакомства он ревновал Кошку ко всем и ко всему, даже к песням, которые она

написала до него. Но Кошка объяснила, что эти песни написаны от лица лирической героини и, как автор, она имеет право на свою трактовку действительности. Кот понял.

Семь дней назад

Витька не заметил, как выкурил две сигареты подряд и опомнился, только когда вновь обжегся бычком. Он коснулся подушечками пальцев ледяных перил балкона, отряхнул ноги от снега и вошел в теплую комнату. Компьютер уже перезагрузился. Витька посмотрел на часы: до возвращения Кошки с работы еще минут двадцать. Он открыл почту и напечатал: «Моя дорогая, любимая девочка. Меня опять переполнило эмоциями, я не могу сдержаться, чтобы не написать тебе пару строк. Ты сделала меня счастливым человеком...»

Сегодня

Катя не была исключением. Она, как и многие другие, верила в приметы, но без фанатизма. Как и у коллег-артистов, ее жизнь тоже была снабжена малопонятными зрителю ритуалами: ступить на сцену только определенной — в ее случае правой — ногой; если упал текст роли, обязательно сесть на него и т.п. Что же касалось общеизвестных примет, тут понятно: черная кошка переходит дорогу — надо дотронуться до черного и трижды сплюнуть через левое плечо, возвращаясь за забытой вещью — посмотришь в зеркало. Но была у Кати еще одна примета, персональная. Появи-

лась она много лет назад, еще в московской жизни, когда над ее головой очень низко пролетел самолет. В тот момент словно кто-то дал ей знать, что скоро и ей самой неожиданно предстоит куда-то лететь. На следующий день действительно оказалось, что ей срочно нужно вылетать в другой город. Потом Катя стала замечать четкую связь между низко пролетевшим самолетом и ее отъездом. Это повторялось от раза к разу.

Сейчас она вспомнила об этой своей персональной примете, когда тронулась с места на зеленую стрелку светофора, проехала по мосту до Grand Central Parkway и увидела, точнее, услышала оглушительный рев двигателей идущего на посадку в La Guardia «Боинга». Это вызвало необъяснимую тревогу. «Куда ей может понадобиться срочно лететь? На сей раз совпадение, не больше». Тревога улеглась. Через несколько минут Катя въехала в безумный, никогда не спящий Манхэттен.

Этот город-остров с первой же минуты их знакомства влюбил в себя. Он принуждал смотреть на свое бесстыдство с нескрываемым ужасом и благоговейным восторгом. В деловой части Уолл-стрит он играл роль властной женщины в строгой юбке-карандаше чуть выше колена. Эта женщина знает, что и как надо брать от жизни и от мужчин. На своих высоких, но вполне удобных каблуках она летит вперед, используя мужчин и сметая с пути соперниц. Женщина-Уолл-стрит вызывает зависть подруги, спрашивая и в то же время как бы делясь: «Директор дилерской “Ягуара” хочет переспать со мной. Как ты думаешь, стоит?» Пока подруга соображает, что ответить,

женщина-Уолл-стрит уже не с ней, она устремила свой взор на табло, на котором бегут цифры индекса Доу-Джонса.

В Гринвич-Виллидже этот город, вернее, та же женщина, мастерски умеющая принимать разные обличия, переключается на роль таинственной незнакомки. О, она знает, как заинтриговать мужчину своей бесшабашной распущенностью. Она уже сменила строгие наряды на яркие и бессовестные. Ее высоченные каблуки больше похожи на ходули, чем на обувь, но ей привычно. Глядя на нее, мужчина испытывает целую гамму чувств — от неловкости за свои низменные интересы до восторга перед ее абсолютной свободой, не связанной условностями и ограничениями. Мужчина, словно магнит, послушно пойдет за ней следом и не заметит, как окажется в темном помещении с невыветриваемым запахом марихуаны. Сам он раньше никогда не курил коноплю, но в его руке появится стеклянный инкрустированный мундштук с пьянящей травкой, женская кисть с тонким запястьем поднесет к мундштуку зажигалку, и он, опьяненный дурманящей красотой этой руки, сделает пару глубоких затяжек, с непривычки закашляется, а потом, опьяненный еще раз, но уже наркотиком, будет долго и заразительно смеяться, лежа беззастенчиво-голым в постели с милой незнакомкой. Смешным будет всё вокруг: причудливая тень свечи на стене, похожая на икающего жирафа; кошка, мяукающая за стенкой голосом известного актера из мультфильма; громкий сигнал автомобиля за окном, напоминающий нескончаемый школьный

звонок, да и собственная небритость, которая в зеркале пригрезится ему крокодиловой шкурой. Не отсмеявшись и не протрезвев, он выйдет из гостеприимного дома под утро, сядет в подземку и провалится в сон. Ему будет сниться незнакомка с тонким запястьем. Он проснется на своей станции, преодолеет, пошатываясь, несколько кварталов, войдет в свой дом, который покажется ему чужим и неприветливым, и рухнет на кровать — досматривать свой сон.

Много раз он будет приезжать на ее улицу, вглядываться в лица прохожих в надежде узнать свою смешливую безымянную незнакомку. Снова и снова он будет всматриваться в двери и окна домов, в попытке вспомнить тот самый подъезд, в который он входил, держа ее за руку. Но, как и подобает прекрасному сну, его видение больше никогда не повторится. Оно так и останется звучать в его голове пьяным цветным смехом.

Впрочем, кто сказал, что Нью-Йорк — это женщина? Может, это — мужчина, которому хочется посвящать стихи. Может, потому Катя и пишет сразу обоим — и городу, и мужчине:

Нью-Йорк

Мы говорили ни о чем,
и мы не спали по ночам.
Я — руку — на твое плечо,
и тихо таяла свеча,
а отраженья в зеркалах,
как будто с нами заодно,
в углу, по краешку стола,
стекало медленно вино.

Мы выпивали ночь до дна,
до самой утренней звезды,
когда она едва видна,
и пробуждаются мосты,
и шины тихо шелестят
по ненагретой мостовой,
а в отъезжающих гостях
есть что-то схожее со мной.

Но вот врывается рассвет
в кварталов ровные ряды,
здесь не бывает слова «нет»,
здесь не растут давно сады,
здесь на лотках живут часы,
носки, и сумки, и кресты,
а вдоль проезжей полосы
когда-то здесь цвели кусты.

А ныне жарится асфальт
и сотрясаются лотки,
в окне ревет надрывно альт
и, как набат, звенят брелки.
Здесь нету птичьих голосов,
здесь звезды спрятаны в бетон,
здесь есть леса, но нет лесов,
а дом — разодранный картон.

Здесь гром гремит из-под земли,
посуда скачет на столе,
и сюр, такой же, как Дали
нарисовал своей Гале,
когда она стоит спиной
на диске солнца золотом
и утопает под водой
последний уцелевший дом.

Здесь башни падают с небес.
И — гробовая тишина.
Но вырастает новый лес,
и приближается луна.
А мы всё так же, ни о чем,
и вновь не спится по ночам.
Я — руку — на твое плечо....
Вот и растаяла свеча.

Вдруг, в одну секунду, огромный невидимый ластик стирает с этого города цвета, превращая его в черно-белый. По сквозным улицам хлещет ураганный ветер, над головами кружатся обрывки газет и стаи целлофановых пакетов. Эти пластиковые птицы с крыльями из нарисованной красными сердечками раздвоенной буквы «О» в слове Love раздуваются, взлетают, цепляются за облезлые ветви деревьев, словно за последнюю надежду на жизнь. Асфальт покрывается мурашками, вздыбливается, его вмятины заполняются ливневой водой с пузырями. На этой черно-белой пленке цветными остаются только глаза светофоров и желтые такси. И мчит, забыв про тормоза, автомобиль с подбитым глазом. Он летит по опустевшим улицам, разбрызгивает в стороны фонтаны воды, злобно сигналист, обгоняет другие машины, пытается проскочить меняющий цвет, как хамелеон, светофор, чтобы взять голосующего на перекрестке промокнувшего пассажира. Ехать пассажиру не больше двух кварталов. Таксист его высадит, ругаясь про себя, что не успел урвать предыдущего, кварталом ранее, не такого ухоженного, как этот, но тому наверняка нужно было в Бруклин. А это уже другие деньги.

До конца смены далеко, но желающих ловить такси под проливным дождем больше нет.

Несколькими метрами ниже — другая жизнь, мир грохочущей подземки. Именно так должен выглядеть вход в ад. Из кондиционированных вагонов, как из морозильной камеры, на душные платформы выскакивают пассажиры, торопящиеся пересесть на другой поезд. Сломая голову они несутся по нескончаемым переходам, на бегу бросают мелочь в футляры музыкантов, играющих то ли Бетховена, то ли рэп, то ли Бетховена рэпом, влетают в поезд и сквозь немытые окна на станции на фоне грязной кафельной стены видят женщину. Укутанная в лохмотья, женщина без возраста сидит, приклеенная к скамейке, и думает, что едет она, а не они. Женщина в окнах своего поезда высматривает свою остановку. Вокруг нее — полуоткрытые сумки и узлы, из их недр торчит изодранное в клочья тряпье — ее пожитки. Безумная беззубая женщина, прилипшая к скамейке, в пути, вечно в пути. Перед ней открываются и закрываются двери поездов, а она так и сидит на станции в ожидании своей остановки. На завтра она вновь будет на той же станции, на той же скамейке, в окружении тех же сумок и узлов с вываливающимися из их пасти чужими, изношенными вещами. Вновь в своем недвигающемся поезде она будет ждать своей неприближающейся станции.

Внезапно Нью-Йорк начинает скользить по недолгой зиме. Дороги города не превращаются в каток лишь потому, что под асфальтом проложены горячие трубы. Сделано это вовсе не для удоб-

ства горожан, а чтобы неглубоко копать, протягивая новые коммуникации. А копают в Нью-Йорке круглый год, но в недрах ничего ценного не находят. Зато благодаря круглосуточной пахоте строительные профсоюзы всегда обеспечены работой. Ночью и в выходные в их копилку капает тройной тариф. Отсюда и постоянные пробки на главных транспортных артериях.

Даже в особо холодные дни, когда температура опускается намного ниже нуля, ньюйоркцы, которые обычно не любят экипироваться по-зимнему, укутывают носы наспех вынутыми из шкафов шарфами в надежде, что эта зима — ненастоящая, однодневная и уже завтра будет тепло. В этом городе возможно всё.

Ему неведомо межсезонье. Из ледяной зимы одним скачком он впрыгивает в жаркий летний зной, а когда решает, что достаточно измотал горожан, внезапно берет прямой курс на прохладу. И кажется, будто лета и не было вовсе.

Катя подъезжает к Карнеги-холлу, и — о чудо! — в двадцати метрах от входа в концертный зал — место для парковки. Повезло — сработал ее давний тумблерок под названием «парковочная удача». Как правило, больше одного круга она не делает. Обязательно кто-нибудь уедет в тот момент, когда она ищет место. Много лет подряд она чертыхалась и материлась, когда часами колесила в надежде на парковку. Несколько раз она даже бросала машину на гидранте, получала штраф и считала, что просто эта парковка — дорогая. Однажды попробовала методику своей знакомой, которую та называла

«парковочной удачей». «Надо говорить себе так, — наставляла ее знакомая, — парковка меня ждет». Катя могла бы ответить: «Что за чушь? Это из области фантастики, в Нью-Йорке найти место невозможно по определению». Но она исходила из другого принципа: попробуй, а думать будешь потом. Решить, что это чушь, всегда успеешь. Так открывается больше возможностей. И она попробовала. Когда получилось первый раз, обалдела, на второй — улыбнулась, а потом по-другому и не бывало. На поиск ждущей ее парковки, как правило, уходит не больше пяти минут. И всё же сегодня эта добыча кажется слишком уж легкой. Но если в Нью-Йорке выпадает парковочное везение, раздумывать некогда, надо молниеносно захватывать свои владения, так как особо изворотливые лихачи могут своим автомобилем опуститься на свободное место, как вертолет.

Катя вышла из машины, ловя завистливые взгляды водителей, у которых прямо из-под носа ускользнул лакомый кусочек манхэттенского асфальта, и вновь набрала номер телефона Кота. Снова — автоответчик. Наверное, он еще на съемках и не может говорить. «Представляешь, я так быстро доехала, уже в Манхэттене. Снимешь сегодня мою новую песню? Мяу», — сказала она автоответчику.

Наблюдать за Котом во время работы — сплошное удовольствие. Когда Кот снимает какое-нибудь событие, он движется с камерой и впрямь с кошачьей грациозностью. Катю это завораживает. Он словно левитирует, не касаясь пола. Кот специально надевает мягкие ботинки, они помогают ему передвигаться бесшумно и в одной плоскости. Тогда и кадр

получается ровный, без скачков, будто он снимает со стедикамом. В такие мгновения Катя замирает и, как настоящая кошка, наблюдает за движущейся мишенью. Особенно красиво, с ее точки зрения, он снимает танцоров, становясь с ними одним целым. Сам он танцевать не умеет и не любит, считая, что танцы — не для мужчин.

Катя входит в двери концертного зала, здороваается с парой знакомых интеллектуалов, которые не обходят вниманием ни одно стоящее событие из мира музыки или художественных галерей. Несколько ничего не значащих фраз из разряда «как дела-хорошо-рада видеть-прекрасно выглядишь-ты тоже», и вот она — на своем месте, в ложе над сценой, посреди которой стоит величественный черный Steinway. Ее узнаёт какая-то женщина.

— Хочется Вас хоть чем-то угостить, Вы такая худенькая, — говорит женщина и протягивает конфету из русского магазина. Катя благодарит, разворачивает фантик «Белочки», запускает конфету в рот и наслаждается вкусом тающего шоколада.

Впереди появился указатель «Аэропорт». От коньяка и нервов Витьку развезло. Он вытаскивает из внутреннего кармана куртки конверт и протягивает Рудику:

— Вот, оставишь у швейцара.

— Что это?

— Письмо.

— Ты больной, что ли? — Рудик едва не выпускает руль. — У какого швейцара? Ты что, не мужик,

что ли? Так поступают только трусы. Ты даже не попрощался с ней, а вместо этого, как подонок, вещи по частям вывозил.

— Между прочим, не без твоего участия.

— Тоже верно. Убедил. Пригвоздил соучастника, — Рудик засовывает конверт за пазуху.

Витька снимает со связки ключ от квартиры.

— И это отдашь швейцару.

Он открывает окно машины до самого конца. В лицо ударяет ледяной февральский воздух, в салон врываются крупные снежинки и начинают кружить по нему мини-смерчем. Мороз немного приводит Витьку в чувство. Оправдываться не хочется. Да и перед кем? Рудик знает его лучше, чем он себя. Рудик младше на семь лет и на столько же мудрее. Он родом из Средней Азии, жил в Израиле, служил там в армии, в Нью-Йорк приехал в гости к родственникам. Ему понравилось, и он остался.

Лет пять назад Витька решил сделать ремонт в их с Кошкой квартире. Ему нужен был помощник. Он зашел в русский магазин спросить хозяина, не знает ли он кого-то, кто хочет подработать.

— В чем проблема? Я как раз ищу работу, — за Витькиной спиной звучал голос с легким восточным акцентом. Обладателем голоса оказался темноволосый молодой мужчина среднего роста, крепкого телосложения. Витька протянул руку.

— Очень хорошо. Я Витёк.

— Рудик.

Рукопожатие Рудика было крепким. Витька это ценит. Общий язык они нашли быстро. Так же быстро в лице Рудика Витька приобрел нового

друга, которого ему в последние годы не хватало. Все его друзья из американской жизни потихоньку растворились. Он сам ограничил общение с ними из-за неловкости за них перед Кошкой. Это были сильно пьющие и матерящиеся мужики. Он был уверен, что Кошке с ними неинтересно или даже неприятно. Но главное — Кошка была взрослее. Именно взрослее, а не старше. Витька понимал, что это не ее круг, хотя сама Кошка никогда не ставила себя выше других, а ее друзья изъяснялись матом с не меньшей виртуозностью, правда, литературно и изысканно, не то что Витькины шалопаи. Он называл ее компанию «аэлитой» и говорил, что в таком веселом обществе только кретин может не пить (Кошка не в счет).

Через пару недель после злополучного Нового года он пытался выклянчить «одну бутылочку пива».

— Ты же понимаешь, что от бутылки пивка ничего страшного не произойдет, — убеждал он.

— Не только я тебя знаю, но и ты знаешь себя не хуже, — вздыхала Кошка, — очень скоро одной тебе будет недостаточно.

— Ну что ты глупости говоришь? С какой стати? Я сказал: одну, значит, одну. Ты же знаешь, крепкие напитки я не пью. Этого мало, что ли?

Через короткое время всё произошло в точном соответствии с ее предсказаниями: одной дозы пивка Витьке действительно оказалось мало — только дразнить себя. Он выпивал вторую, и ему становилось всё по фигу. Дальше шли третья и четвертая. А напившись, он вел себя неподобающим, с точки зрения Рудика, образом.

— Не понимаю, как она может быть с таким дегенератом, как ты? Что она в тебе нашла? Где она и где ты! — искренне недоумевал Рудик.

Он высоко ценил Кошку и даже обращался к ней подчеркнуто уважительно — «мадам». Витька знал, что за их с Кошкой спинами шептались из-за разницы в возрасте и уровня интеллекта, но только один Рудик мог сказать ему правду. Сама Кошка никогда не давала почувствовать Витьке, что они — на разных ступенях развития. Если она штудировала тонны литературы по личностному росту, то он буксует на месте. Книгу как таковую он не брал в руки уже много лет. Кошка упрекала его в этом, но Витькин аргумент звучал убийственно:

— Ты же пересказываешь мне всё, что читаешь. А это интереснее, чем читать самому. Тебя слушать — одно удовольствие.

Окончательно убедившись, что приучить его к чтению невозможно, Кошка сдалась и решила хоть таким способом, в виде пересказа, вкладывать знания в голову «неуча и невежды». Так она называла его в шутку (или не в шутку). В то время как процесс чтения вызывал у Витьки скуку и сонливость, лучше любого снотворного, стратегические игры переполняли восторгом и заряжали энергией. В них он мог соревноваться с Кошкой. Бывало, что она садилась к компьютеру рядом с ним и подсказывала решение задач. Витька хотел справляться сам, чтобы не выглядеть перед ней совсем уж неполноценным. Иногда он состязался с Кошкой в сообразительности. «Все-таки из меня мог бы получиться классный разведчик», — не без гордости

думал Витька, когда ему удавалось решить задачу самостоятельно.

Незаметно, исподволь к нему стало подкрадываться ранее незнакомое чувство. Всё чаще он ловил себя на том, что Кошкина положительность и хорошесть почему-то действует ему на нервы. Он не понимал, отчего это происходит, вроде и придраться не к чему, но не хватало какой-то перчинки. Именно перчинки, а не изюминки. Изюминка-то как раз была — и в Кошке, и в их отношениях. А вот перчинки... Нет, упрекнуть Кошку было не в чем — она внимательна к нему, всячески помогает, поддерживают, делится, вселяет в него уверенность, не обманывает, не гуляет. Но Витька всё равно раздражался. Одной нетронутой раздражением зоной осталась постель. Для нее. Происходящее там по-прежнему, как и много лет назад, было для Кошки притягательным и желанным. «Наверное, только постель и держит ее рядом со мной», — эта мысль приходила ему в голову всё чаще. Другой причины, чтобы Кошка была с ним, Витька не видел.

Сам он в последнее время под разными предложениями — от смертельной усталости до плохого самочувствия — старался избегать «постельных сцен». Когда люди телесно близки, их энергии проникают друг в друга и утаить что-то, даже вне этой зоны, становится сложно. Он это знал опять же от Кошки и боялся, что она просканирует его и обнаружит истинные причины его апатии. Единственное, что оставалось для него обязательным, — засыпать с ней в обнимку. По-другому он и представить себе не мог. Тепло ее тела действовало на него успокаивающе.

Он научился скрывать от нее многое, в том числе и растущие долги. Витька брал в долг деньги у общих знакомых, возвращать было нечем, и он перезанимал снова и снова. С оформлением американских документов всё застопорилось. Сколько денег засосалось в эту адвокатскую прорву — никто не знает. Кошка, как гражданка США, желая облегчить ему жизнь, предложила зарегистрировать их отношения, но только после того, как он выплатит то, что должен, налоговой службе. По какой-то причине Витька не торопился.

Одним из его секретных занятий стало пьянство. Эта тайна давала ощущение некоторого превосходства над Кошкой — он делал то, о чем она не догадывалась. Свой день он начинал в шесть утра и уже к полудню нередко освобождался. До восьми вечера, прихода Кошки с работы, он успевал и выпить, и протрезветь. Домой возвращался в прекрасном расположении духа аккуратно перед ее появлением. Мятная жвачка — и никакого запаха. Он садился к своим компьютерным играм и молчал. Всё чаще он молчал... рядом с ней.

Рудик был единственным человеком, посвященным во все детали Витькиного существования. Рудик много не нравилось в жизни друга, он честно говорил ему об этом. «Ну и что, ты сам, что ли, святой?» — возмущался Витька и был прав. В течение всего лишь одного года Рудик успел жениться, родить ребенка и развестись. Свадьба была дорогостоящей и громкой. Она собрала несколько кланов из Средней Азии и Израиля. А вот бракоразвод прошел значительно скромнее.

Разводились они в суде Квинса, рядом с рестораном, в котором гуляли свадьбу. По причине отсутствия денег (всё было угрохано на бракосочетание) адвокат у них был один на двоих. Двусторонний защитник пришел в суд в мятом пиджаке цвета скошенной травы, с рыжими пятнами от кетчупа на лацканах. В роли тамады выступил сонный судья в огромных очках со стеклами толщиной сантиметров пять. Когда он незаметно почесывал под мантией интимный судебный орган, его очки удивительным образом поднимались выше бровей. Свидетелями стала пара полицейских, вызванных на случай, если разводящиеся начнут бить друг друга морды. То, что полицейские гендерно отличны друг от друга, стало понятно, только когда один из них вытащил из бюста ярко-красную помаду и стал красить губы, а второй развернулся в сторону Рудика усами. Во всём остальном два стража порядка ничем не различались. Голоса у обоих были визгливыми, шея как одного, так и другого плавно переходила в складку груди, а грудь — еще в одну складку — животную. Униформа на задницах стражей порядка чуть ли не лопалась от традиционной диеты — пончиков «Данкин-Донатс». На ремнях грозно сверкали наручники и болтались дубинки. Мордобоя между разводящимися не случилось, и менты, позевывая, наблюдали, как бы никто из присутствующих в зале не вздумал пользоваться мобильниками. За это они обещали штраф вплоть до пожизненного расстрела.

Рудик прошел с женой по классическому маршруту: скандалы, вызовы полиции, ночевки за решеткой в разношерстном обезьяннике, суды, борьба

за ребенка, который по большому счету отцу «на-фиг-не-нужен». После развода Рудик переехал в маленькую подвальную комнату и заскучал. Ему нужны были приключения, он искал их в каждом проходящем мимо женском теле. Он и Витьку приглашал развлечься в компаниях с недорогими девочками, но друг не поддавался соблазну и всегда уезжал домой.

— Мне вполне хватает Кошки, — говорил Витька.

Сегодня

Рудик тормозит возле терминала Украинских авиалиний.

— Ты точно хочешь, чтобы я оставил письмо у швейцара, а не вручил ей лично в руки? — смотрит он Витьке в глаза. — Как ты себе представляешь эту картину? Она же будет дома одна и сойдет с ума, когда прочтет твою писанину.

— Ты прав, Рудик, отдай лично, — вздыхает Витька. Руки его дрожат. — У меня не хватило духа попросить тебя об этом. Ты не обязан расплачиваться за мои грехи.

— Зато хватило духа всё это заварить, — бурчит Рудик.

Витька, шатаясь, выходит из машины, вытаскивает из пачки сигарету и щелкает зажигалкой. Эту золотую зажигалку в виде кошки Кошка купила пару месяцев назад, когда они остановились на бензозаправке. Витька остался в машине, а она вышла в магазин за водой и, вернувшись, протянула ему зажигалку.

— Это тебе подарок, чтобы не забывал обо мне.

«Почему она это сказала? Она что-то знает? Но откуда? Рудик? Не может быть. Тогда кто? Не интуиция же ее, в самом деле» — поток этих мыслей проскочил в Витькиной голове, пока он прикуривал от новой зажигалки. Руки его дрожали. Он опустил глаза, поблагодарил ее и тут же возненавидел за ничегонепонимание. «Мне не стыдно от задуманного», — уговаривал он себя. Для верности он повторил эту фразу несколько раз, как мантру. Действительно, он уже столько раз испытывал угрызения совести, что эта навязчивая совесть начинала его тяготить.

Две недели назад они с Рудиком забили проводами и компьютерными дисками несколько коробок для отправки почтой на Украину. Витька попросил Рудика сфотографировать его на фоне этих коробок. Тот сделал несколько снимков, и Витька отправил их в Киев. На фотографии, возле коробок, перевязанных черной клейкой лентой, стоял счастливо улыбающийся Витька. Он подписал снимок: «Вот так мы с Рудиком упаковываем вещи». В тот же день он сделал и фотографию дивана, в мягкости которого они с Кошкой любили тонуть вечерами. Собственно, диван этот, как и всю остальную мебель, задолго до их знакомства покупала Кошка. Из его вещей в доме был только компьютер. В который раз история повторилась, будто шла теми самыми циклами, о которых любила размышлять Кошка. От бывшей жены он тоже уходил с компьютером, напичканным играми, но не потому, что всё оставил ей, а потому, что в той квартире также не было ни одного предмета, принадлежащего ему. Он отправил через

океан фотографию Кошкиного дивана со словами: «На этом диване я проспал твой звонок». Потом щелкнул стол с компьютером и подписал: «Мое рабочее место». Увидев в зеркале свое отражение, подумал: «Еще очень даже ничего!» Разделся до гола, подкорректировал освещение и через зеркало сделал художественный снимок, который пометил: «Для тебя. Эксклюзивно». Этот «эксклюзив» стал его последним снимком в Америке.

Теперь он докуривает свою последнюю сигарету в аэропорту страны, в которой прожил семнадцать лет. «Сколько здесь было выкурено? Больше шести тысяч пачек», — машинально считает он. О том, что он уезжает, знают лишь несколько человек. Всю подготовку он провел в обстановке строжайшей секретности. Если бы это дошло до Кошки, она остановила бы взлетающий самолет. Она и это может. Оправдывал он себя тем, что решение уже принято. По-человечески всё равно не получилось бы.

Рудик вытаскивает из багажника два Витькиных, точнее, Кошкиных чемодана, ставит их на землю и обнимает друга.

— Держись, не пропадай, — говорит он и трижды постукивает его по спине. Рудик рассказывал, что, когда он служил в израильской армии, отец провожал его на боевые действия таким постукиванием. Этот ритуал он считает своим оберегом.

— Спасибо тебе, — всё, что может выдать из своего горла Витька.

Сердце его выскакивает. Он бросает законченный под завязку окурок, берет чемоданы и быстрым шагом входит в здание аэропорта. В голове звучит одна из его любимых Кошкиных песен.

Молчали оба

Молчали оба. Руки не сплетали.
Не верили. Не знали ни о чем.
Устали оба от пустых баталий,
От слов, оброненных через плечо.
Сидели рядом. Не крестили взгляды.
И не было ни тени теплоты.
Он думал: «Надо что-то сделать, надо».
Она считала: «Сожжены мосты».
Снег за окном птицей белою.
Что же, зима, ты наделала?
Решили оба: «Прекращаем споры».
И принимали безразличный вид.
Он думал: «Бесполезны разговоры».
Она ждала, что он заговорит.
Кричали оба, как глухонемые,
Сжимая крик ладонями в горсти.
Он знал: она уйдет, они — чужие.
Она молила: «Не давай уйти!»
Снег за окном птицей белою.
Что же, зима, ты наделала?
Молчали оба, в полном отрешенье,
Две половины, как враги.
А было, было всепрощенье
На расстоянии протянутой руки.
Снег за окном птицей белою.
Что же, зима, ты наделала?

Она долго ждала сегодняшнего вечера. И вот, наконец. На сцену уверенной походкой выходит пианист. Зал взрывается аплодисментами. Маэстро садится за рояль, зрители замирают и несколько

минут не дышат. Пианист смотрит прямо перед собой, в свою бесконечность. Какие мысли в этот момент в его голове? Может, он повторяет мантру для настроя или, может, на кончиках его пальцев в ускоренном темпе незримо проигрывается предстоящая программа концерта? А что, если он читает про себя стихи никому не известного автора или вспоминает текст эсэмэски, присланной ему любимой женщиной перед выходом на сцену? Кто знает? И вот над клавишами взмывают руки-крылья и, на мгновение зависнув в воздухе, опускаются на них. Катя погружается в мир музыки и чувств. Перед ней рождаются и умирают волшебство и безумие, страсть и отчаяние, любовь и боль. Пианист играет по памяти Чайковского, Рахманинова, Мусоргского. Катю давно не переполняли столь сильные эмоции, когда дыхание останавливается, а глаза запруживаются слезами. Музыкант и рояль превращаются в один мощный организм, в грозу, бьющую в бушующие у берега волны.

Как жаль, что Кот не смог пойти с ней. Он бы не остался равнодушным. Такое исполнение не может не тронуть. Почему Кот не ходит с ней на спектакли или концерты? Он говорит, что ему неинтересно. Даже на днях рождения общих знакомых Катя появляется одна. Каждый раз она уговаривает его поехать вместе, но в ответ слышит, что у него много дел.

— Ты и сама, без меня прекрасно справишься, — говорит Кот.

Так было и на сей раз. Два бесплатных билета в Карнеги-холл, на концерт одного из лучших

музыкантов в мире, предлагают не каждый день. Тем не менее Кот сказал, что классика его мало интересует, он наверняка заснет и Кате будет за него неловко. Да и вообще, у него много работы.

Она сидит в зале, оторвавшись от спинки кресла, словно зависнув над ним. Всё ее тело, до последней клеточки, превратилось в слух. У нее есть индикатор того, нравится ей происходящее на сцене или на экране или нет. Когда она в восторге или потрясении, тело само отрывается от спинки кресла, начинает как бы парить, она перестает чувствовать свой вес, а дыхание словно останавливается. И наоборот, если ей неинтересно или, того хуже, скучно, если происходящее на сцене не удерживает ее внимания, она спокойно облакачивается на спинку кресла, впечатываясь в него всем весом, дышит спокойно и глубоко, изучая детали освещения или сценографии.

Звучит последний аккорд первого отделения, взрываются и затихают аплодисменты, публика начинает выходить из зала. Сидевшая рядом с Катей пара тоже пробирается к выходу. Они говорят между собой по-немецки.

— Genie, — восхищенно комментирует женщина своему спутнику.

Странно: только вчера женский голос в компьютерной программе Кота по изучению немецкого языка произнес это слово.

— Как красиво, «джени», — сказала Кошка, услышав его, — не говори, что это означает. Попробую сама догадаться... Гениально, что ли?

— Ну, это легко, — не поворачиваясь, ответил Кот и углубился в процесс изучения немецкого.

Эта идея пришла ему в голову месяца три назад. Он купил дорогую программу по изучению языка и стал просиживать дни напролет, оттачивая произношение. Взявшись за иностранный язык, он даже потерял интерес к своим «тра-та-та»-играм. Выбор немецкого языка, с точки зрения Кошки, был неразумным. В Америке гораздо важнее знать испанский, нежели немецкий, который, по их обоюдному мнению, неблагозвучен и напоминает лай овчарок. Кажется, что произносить нежности на немецком невозможно. А как на нем любить, чтобы это не было грубым? В каждом немецком слове Кате слышалось *Hande hoch*, и от одного звука немецкого ее руки действительно норовили подняться вверх.

— Почему именно немецкий? — недоумевала она.

— Захотелось, — односложно отвечал Кот.

— Почему, к примеру, не испанский? — пыталась она взять логикой. — На нем скоро будет говорить вся Америка. А ты мог бы заодно и со своим местным сыном общаться на его родном языке.

— Мне просто интересно, — отмахивался Кот.

— Не убедил... Тем не менее это всё же лучше, чем твои бессмысленные стрелялки и пулялки, от которых можно сойти с ума. Ты даже свои стратегические игры забросил.

Немецкий он изучал на бытовом уровне, с самых азов, радуясь тому, что программа удобна, понятна и наглядна.

Витьку всё еще пошатывает. Он становится в хвост очереди к стойке регистрации на рейс, вытаскивает из нагрудного кармана куртки бумаж-

ник, открывает и... на него с фотографии смотрит улыбающаяся Кошка. Он сделал это фото несколько лет назад: Кошкин взгляд направлен чуть в сторону, на ее лицо и шею загадочно падает боковой свет. Снимок стал предметом профессиональной гордости Кота, потому что тогда Кошка подписала его в стихах:

Смотрю на себя. Ну ни дать и ни взять,
Моложе себя я на двадцать пять лет.
И только с годами начнешь понимать,
Что главное — правильно сделанный свет.

Ком подкатывает к горлу. Резким движением Кот вытаскивает фотографию из бумажника и бросает в мусорную корзину. Так легче. Он старался завершить всё, связанное с Кошкой, до отъезда. Когда-то она говорила о том, что уехала из Союза, физически находясь еще там.

— Я отрезала до того, как уехала, чтобы потом не было больно, — сказала она, — и приехала в Нью-Йорк без ожиданий. Так что у меня не было ни сожалений, ни иллюзий. Решение принято, дело сделано. Какой смысл в переживаниях? Тем более тогда, в девяностом, мы уезжали навсегда, зная, что назад дороги нет.

Она даже умудрилась на самом пике «отрезать» свою последнюю московскую любовь, ворвавшуюся к ней за три месяца до отъезда.

— Нельзя жить с сожалением и осознанием своей вины, — голос ее тогда задрожал, глаза стали влажными, — лучше мысленно попросить прощения у всех, кого обидел, и двигаться дальше.

Кошка заметила, что в последние недели Кот стал чужим, не таким, как раньше. «Ты в порядке, может, тебе нужна помощь?» — спрашивала она. Он молчал, а ему хотелось крикнуть: «Ты что, не видишь: я уезжаю? Не понимаешь, что меня здесь уже нет? Всё, что я сейчас делаю, — это доживаю на автопилоте до того момента, когда меня унесет самолет». Он не спорил, не перечил, выполнял все ее просьбы и пожелания, словно последнюю волю приговоренного. Отказать ей он не мог. Ему хотелось, чтобы финальные дни их многолетней любви остались в светлых тонах. По крайней мере, в ее воспоминаниях. Их многое связывало. Кошка принадлежала к той категории женщин, которые окружающим кажутся сильными и умеющими постоять за себя. Так оно и есть. Но Кот знал ее такой, какой не знал никто больше. Он знал ее ранимость, которую она научилась скрывать за своими песнями и стихами и в то же время выливать в стихах все свои страхи и боль, знал, как она оберегала и укрепляла свой внутренний мир, будто готовясь к серьезным испытаниям.

Месяц назад, в самый разгар январских холодов, Кошка решила нырнуть в зимний океан. По ее просьбе Кот должен был запечатлеть этот героический поступок на видео. Одетый в теплую куртку, шапку и перчатки, он продрог до мозга костей, пока снимал Кошку и ее дочку, которая последовала примеру мамы и тоже бросилась в ледяную воду. В рекордно короткие сроки Кот смонтировал сюжет, и Кошка не могла нарадоваться скорости, с которой он выполнил ее просьбу. Обычно ей приходилось просить несколько раз, прежде чем

он приступал к работе. Этот случай стал исключением. Почему — она не знала, но знал он — дата его отъезда уже была определена.

Очередь движется медленно. Витька слушает очередное сообщение от Кошки на автоответчике. Сейчас антракт, и она сожалеет о том, что Кот далеко. Если бы она только знала, насколько далеко.

«Это было волшебство, а не концерт, — говорит Кошка автоответчику, пока поток толпы выносит ее из зрительного зала на улицу, — как некстати у тебя сегодня работа. Дома расскажу подробнее. Сыграть так гениально, как он, конечно, не сыграю, но эмоции передать постараюсь». Она открывает дверь машины, садится за руль, машинально кидает взгляд на автомобиль, запаркованный перед ней и видит, что опять, второй раз за день, номер чужой машины совпадает с номером ее дома, только теперь — задом наперед. Дорога пуста. В голове всё еще звучит рояль. Его звуки соединяются с грохотом вновь пролетающего над ней самолета. Интересно, куда он летит? В какую страну? Наверное, кто-то в этом большом самолете смотрит в иллюминатор на ее машину и думает: «Интересно, кто и куда едет в этой маленькой машине?»

Кошка подъезжает к дому, но почему-то не сразу заезжает в гараж, а объезжает здание с другой стороны. Она не знает, что ею руководит, она просто подчиняется какой-то силе и останавливается напротив своих окон. На темном балконе в накинутой на плечи куртке стоит Кот. Его рука подносит ко рту сигарету, и в пальцах на

несколько мгновений загорается оранжевым маячком огонек. Он дома. Кошка делает глубокий вдох-выдох, счастливо улыбается, нажимает на газ и едет в сторону гаража. «Вот дура, и чего дергалась на ровном месте? — говорит она вслух. Проехав несколько метров, внезапно останавливается. — Нет, подожди, что-то не то, это не наш балкон. В нашей квартире темно». Она дает задний ход, притормаживает и считает этажи — то снизу, то сверху. И квартира правильная, и свет горит, и каждый раз получается их, шестой, этаж. Всё верно, только почему на кухне — длинная кишка лампы дневного света, а не их круглая желтая лампа? «Значит, это не наша квартира. Да, но на балконе-то — Кот. Как такое может быть?» Ей нечем дышать, она открывает окно машины, вместе со снегом в салон врывается ледяной воздух. Не отрывая взгляд от балкона, Кошка звонит Коту. В телефоне идет сигнал. Фигура Кота заходит с балкона в комнату, наклоняется к столу, берет телефон и подносит его к уху. «Ну, слава Богу, всё в порядке, а то ведь так можно сойти с ума». Фигура начинает говорить в трубку — Кошка понимает это по жестикуляции, но в ее телефоне продолжают гудки вызова. Резкая боль сдавливает виски, она делает глубокий вдох холодного воздуха. «Нет, я точно схожу с ума». Она резко трогается с места и въезжает в гараж. Быстрее бы понять, что происходит. Лифт, как назло, висит на верхних этажах. Ждать невозможно. В два прыжка она взлетает по лестнице на шестой этаж, пробегает по коридору до квартиры, дрожащей рукой вставляет в замок ключ и поворачивает его.

Три дня назад

В замке поворачивается ключ. Кот вздрагивает, на спине и лбу у него выступает холодный пот. За долю секунды он выключает кнопку компьютерного монитора, вскакивает с кресла и открывает дверь. Входит, как всегда, улыбающаяся Кошка. Он целует ее.

— Ура, я дома, — выдыхает она, кладет на полочку у входа ключи, снимает зимнюю куртку, сапоги, вставляет ноги в тапочки и направляется в спальню. Кот — следом. Там, в «опочивальне», как она ее называла, начинается ежедневное представление из жизни кошачьих. Настоящим котом он ложится животом на кровать и, мурлыча, наблюдает таинство. Без всякого намека на кокетство, Кошка снимает с себя одну за другой, как она говорит, тряпки и рассказывает о событиях прошедшего дня.

Они с Котом научились общаться даже не междометиями, а мыслями. Один мог начать разговор с полуслова после длительной паузы, и другой, мгновенно понимая, о чем речь, отвечал. Никто не переспрашивал: «Что ты имеешь в виду?» или «На чем я остановился?». Невольный свидетель этих малопонятных диалогов, Рудик недоумевал:

— О чем это вы? Как вы понимаете друг друга?

Они отшучивались. Не объяснять же ему, почему за секунды до звонка Кота Кошкина рука тянется к телефону. Она всегда знает, что сейчас позвонит именно он.

Кошкина интуиция и умение проникать в его мысли сначала забавляли Кота, но потом стали пугать. Он засыпал на правом боку, лицом к ней, так, что его ладонь оказывалась над ее макушкой.

Кошке это не нравилось, она говорила, что его рука перекрывает энергетический канал, проходящий через ее темечко. Якобы по ночам через этот канал должна беспрепятственно поступать положительная энергия. Кот убирал руку, но через несколько минут рука самостоятельно водворялась на то же место, над Кошкиной головой, и она не могла уснуть. Однажды она сказала, что вычитала интересную информацию: если держать руку над чьей-то макушкой, то хозяин макушки может прочесть мысли хозяина руки. Коту стало не по себе, он поверил, что Кошка на самом деле читает его мысли. Кот начал внимательно следить за тем, чтобы его кисть больше не попадала на это злосчастное место, у ее темечка, куда утекают его сокровенные помыслы.

Сам он тайком пытался читать ее мысли, но ничего не получалось. В эту область, как и в область стихописания, вход для него был закрыт. В Кошкином творческом процессе он не понимал ровным счетом ничего, хотя стихи и песни рождались на его глазах и всю авторскую кухню он видел изнутри. Кот мог твердо сказать, что Кошка стала единственной в его жизни женщиной, которую он полюбил по-взрослому, к которой сильно привязался и от которой оторвать его можно было только вместе с мясом. Самого же себя в Кошкиной жизни он считал случайным, приблудившимся пассажиром.

Как-то она читала ему статью о том, как определяется любовь женщины к мужчине. В одном из двадцати пунктов статьи было написано: если женщина гордится своим мужчиной, значит, она

его по-настоящему любит. Кошка дошла до этого пункта и напряженно замолчала. Кот почувствовал, что интересоваться, является ли он предметом ее гордости, себе дороже, это как подписать себе смертный приговор. Он мог бы только мечтать, чтобы она им гордилась и считала настоящим мужчиной. Изю всех сил он пытался стать предметом ее гордости, но спотыкался на каждой второй ступеньке. Одну вроде проскакивал, думал: вот сейчас она скажет: «Кот, я горжусь тобой», но уже со следующей сваливался и кубарем летел вниз. В достижении этого почти совершенства мешали комплексы! Их у него хватало на все случаи жизни.

Так, в числе ахиллесовых пят Кота были два предмета гардероба: шорты и сандалии. Он не мог заставить себя надеть ни то ни другое. Он признавал только закрытую обувь, джинсы или в крайнем случае брюки, лишь бы штаны в полную длину. Адовой мукой для Кота была необходимость вынести на лестничную клетку мусор в шортах, тапочках или спортивном костюме. Такая вольность в одежде позволительна, с его точки зрения, только в стенах собственной квартиры. Кот боялся в этом непотребном виде столкнуться с соседями. Кошка подшучивала над ним:

— Действительно, что люди подумают, увидев человека, выносящего мусор в спортивном костюме? Представляешь, завтра весь дом будет гудеть: «Видели Кота в спортивном костюме. Как он посмел в таком виде появиться у мусорки?»

У этих проблем были свои истоки — из детства и юности. В семь лет Витька отдыхал с родителями на Черном море. В один из дней штормило.

Витька с папой бултыхались у берега, а когда они выходили из воды, мощные волны стали затягивать их назад. Папа схватил Витьку за руку и потащил к берегу, но накатившаяся волна сбила маленького Витьку с ног. Папа крикнул: «Давай, шевелись, коротконожка». Витькины ноги быстрее шевелиться не стали, они, наоборот, подогнулись, а к голове прилила горячая кровь. Кое-как папа вытащил его из воды. До конца дня Витька молчал. В тот день он впервые придирчиво посмотрел на свое отражение в зеркале. Его визави оказался мальчишкой с непропорционально большой головой, длинными волосами и действительно короткими ногами. Картинка не сильно обрадовала Витьку. Надо было как-то скрывать свои изъяны. С головой что-либо сделать трудно, а с короткими ногами справятся длинные штаны. Отныне все купленные мамой шорты после бурного скандала, требований и мольбы «хотя бы примерить» хоронились в шкафу, а через некоторое время переходили эстафетой к более юным двоюродным и троюродным братьям.

Потом Витька достиг гормональной зрелости. Ему исполнилось тринадцать. Еще пару лет назад они с дружкой Славиком были одного роста. Теперь же Славик перегнал Витьку на полторы головы, а сам Витька застыл на полутора метрах. У Славика были ровные длинные ноги и пропорциональная фигура. Все девчонки заглядывались на это совершенство. Единственным недостатком Славика был голос. Если Витька басил, то Славик разговаривал противным девчоночьим голоском, который портил его обладателю жизнь. Пока Славик молчал,

незнакомая женская половина человечества была в его руках и даже у его красивых ног, но стоило ему открыть рот, как добрая половина этой половины теряла к нему интерес. Однажды на пляже Славик указал Витьке на двух симпатичных девчонок, расположившихся на подстилке неподалеку.

— Ну как тебе?

— Пошли знакомиться, — решительно пробасил Витька.

Славик почесал затылок, что-то прикинул.

— Не, я не пойду. Иди ты, — сказал он как можно более безразличным тоном.

— Не, чего это я? Ты высокий, ты и иди.

— Зато ты басышь. А девки любят низкие голоса.

— Тогда пошли вместе, — предложил компромиссный вариант Витька, — ты будешь молчать.

На том и договорились. Друзья окунулись в Днепр, вышли на берег, загорелый в бронзу Славик занял выгодную позу, чуть бочком, чтобы хорошо был виден рельеф его мускулатуры с капельками воды на смуглой коже, напряг мышцы пресса, постоял в этой позиции какое-то время и скомандовал:

— Вперед!

Девчонки лежали на животах, спинами к ним. Славик указал Витьке на ту, что справа, с крупным крупом, и поднес указательный палец к своей груди. Витьке оставалась левая, тоже вполне. Витька кашлянул и для затравки закинул традиционную, ни к чему не обязывающую фразу:

— Девушки, можно с вами познакомиться?

Обе как по команде вскочили, перевернулись через правый бок, сели неваляшками и, щурясь от солнца, уставились на двух молодых людей.

По блуждающим всего пару секунд взглядам девчонок было понятно, что они угадали, кому принадлежит низкий голос. У Витьки шансов не было. Хозяин голоса однозначно тот, кто повыше и пофигуристей. Обе смотрели на Славика с открытыми ртами и вытаращенными глазами, не веря своему счастью. Наконец правая, кокетливо закатив глаза, облизнулась и обратилась к нему:

— А это смотря как — познакомиться.

«Интересно, как он будет выкручиваться», — подумал Витька. Славик моментально сориентировался. Он улыбнулся сразу обоим, несмотря на то что согласно договоренности левая числилась за Витькой, вздохнул, развел руки в стороны и жестами пантомимиста показал, как громко стучит его сердце от ослепительной красоты милых дам. На этом, увы, его актерский диапазон из жанра немого кино закончился. Время шло. Витька молчал. Если минуту назад девушки улыбались — пантомима оказалась оригинальным способом знакомства, — то теперь они смотрели на двух друзей с недоумением. Выглядело так, будто один из молодых людей — неговорящий. Судя по жестике Славика получалось: точно не Витька. Тогда та, что справа, взяла инициативу в свои руки и обратилась к Витьке:

— А что, ваш друг вообще не говорит?

Витька лихорадочно соображал, что делать. Открыть рот — значит заложить Славика, но и продолжать молчать тоже нельзя.

— Это Славик. Он глухонемой, — сказал Витька первое, что пришло ему в голову, и кивнул в сторону друга. Славик пронзил Витьку взглядом до

самого нутра, как если бы тот назвал его фашистом. Девушка справа, которую Славик выбрал для себя, окинула его презрительным взором, приподнялась и кокетливо протянула руку Витьке:

— Лара.

— А я Лера, — еще более игриво сказала вторая и тоже протянула Витьке руку.

— Виктор, — пробасил Витька и мужественно пожал дамам руки.

Славик кивнул, но в пустоту — девушки его не замечали. Витька заговорил с барышнями о погоде, о том, в какой школе они учатся. Славик же стоял как идиот, только улыбался и кивал. Наконец не выдержал и потащил друга за плавки.

— Нам пора, — сказал Витька, — Славику нужно к врачу.

— Ну всё, сволочь, я тебе отомщу, вот увидишь, — зашипел Славик, когда они отошли от недоумевающих девушек.

Повод для мести не заставил себя долго ждать. Через несколько дней друзья вновь пришли на пляж. На песке у кромки воды сидели две юные незнакомые женские спины. Ножки молоденьких созданий игриво плескались в воде и разбрызгивали в разные стороны лучики Днепра. Девушки оживленно беседовали и хохотали заливистыми голосами. Славик сбросил одежду и походкой свободного во всех отношениях человека, зашел в воду по колено. Делая вид, что не замечает девушек, он встал прямо перед ними и начал разминку. Он широко размахивал руками, как бы перед заплывом на длинную дистанцию, и приседал. Девушки замолкли, Славик расценил это как

сигнал к действию. Грациозно, как балерун, он развернулся и помахал поверх их голов стоявшему метрах в десяти Витьке, приглашая его окунуться. Витька подошел и встал рядом. Друзья спинами почувствовали взгляды девушек. Вдруг Славик внезапно повернулся и, обращаясь к девушкам, сказал шепотом:

— Я вот тоже, как вы, на днях громко разговаривал и сорвал голос, но это еще ничего. А Витёк, — он направил в сторону друга палец, — вообще в детстве с лестницы упал, и с тех пор у него ноги больше не растут. Тело растет, голова растет, а ноги — нет. И так будет всю жизнь.

Витька остолбенел. Такой подлости он не ожидал.

— Ой, как интересно, я знаю про это, — радостно запищала девушка номер один, — я кино смотрела про одного французского художника. Он тоже в детстве упал с лестницы и никогда не вырос.

Девушка номер два ткнула подругу локтем в бок. Киноманка пропищала:

— А чё? Чё я сказала-то?

Некоторое время подружки исследовали Витьку с ног до головы, потом, закатив глаза, перевели взгляды на Славика. Он рассказывал анекдоты, опять же шепотом (Славик был мастером анекдотического жанра), травил школьные байки, что вызывало у двух хохотушек приступы смеха вперемежку со слезами. Витьку они словно не замечали. Так и не промолвив ни слова, он отправился отмокать в реке. В этот день только вода могла его понять. Он даже подумал, не доплыть ли до середины Днепра, но его отвлекла редкая

птица. Витька загляделся на ее полет и забыл о своем желании. Да, ничего не скажешь: свой реванш Славик взял.

С этого дня Витька смотрел на себя глазами Славика. Да, он и впрямь коротконогий, папа тоже так говорил, и с большой головой. Значит, надо стричься под ежика, чтобы хоть немного зрительно уменьшить размеры головы — густая шевелюра и длинные волосы, которые он носил все свои тринадцать лет, делали его башку еще больше. Он стал стесняться своей фигуры, перестал ходить на пляж и в другие людные места, где надо было раздеваться, включая баню. В одежде свои недостатки можно было хоть как-то прикрыть.

Три дня назад

Кошка снимает с тела последний штрих в виде нижнего белья, и оно, тело, в своем первоизданном виде, отправляется в ванную. Кот — следом. Пока льющаяся из душа вода нагревается до правильной температуры, Кошка с помощью всяких женских приспособлений-смывок избавляется от рабочего макияжа на лице и продолжает ворковать о прошедшем дне.

— Ты знаешь, что новости я не запоминаю, но эта запомнилась, — говорит она, — представляешь, корейцы сделали «Аватар» в четырехмерном формате. Включаются все пять органов чувств. Кресла в кинотеатре движутся, вода брызжет, ветер дует, и даже запахи передаются. Скоро люди вообще перестанут встречаться лицом к лицу. Все будут сидеть в виртуале, и можно будет тактильно

ощущать друг друга на любом расстоянии. И так уже многие из дома не вылезают — жратву доставляют, что еще нужно?

Кошка заныривает за прозрачную занавеску с нарисованными на ней рыбками. Кот стоит в дверях, глядя, как она намыливает тело, а в кармане у него вибрирует телефон. Не так давно, заботясь о его здоровье, без всякой задней мысли Кошка спросила:

— Почему ты ни днем, ни ночью не расстаешься с телефоном?

Она прочиталась научных статей о том, что постоянное наличие в кармане брюк телефона может негативно отразиться на мужской потенции. В ответ Кот пробормотал что-то невнятное. Невнятное он бормочет уже несколько месяцев. Он боится ее вопросов, но даже себе самому не может в этом сознаться. Когда нечего ответить, он бесится. К счастью, Кошка на это не реагирует. Большую часть времени она живет в собственной голове, куда, как в компьютер, помещает программу для разработки. В ее головном компьютере круглосуточно крутятся как философские прозаические мысли, так и их стихотворный вариант. Обыкновенному человеку невозможно понять ее способность писать стихи в любом месте и в любой момент, когда ей это нужно. Творческий процесс кажется Коту непостижимым.

Несколько лет назад Кошка отмечала свой день рождения в ресторане, в кругу пятидесяти гостей. Специально к этому событию она написала эпиграммы на каждого приглашенного. Не то чтобы это был мучительный процесс, который она осили-

вала в муках творчества. Нет, накануне торжества она взяла блокнот, ручку, чашечку кофе и сигарету (тогда она еще курила), устроилась на балконном кресле и записала то, что несколькими днями ранее заложила в виде отрывочной информации в свой компьютерный мозг, — около пятидесяти эпиграмм. Если бы Кот сам не был свидетелем этого магического действия, то никогда бы не поверил, что подобное возможно сделать за два часа. Много раз ее спрашивали: «Как рождаются стихи?» Чтобы ответить всем сразу и снять дальнейшие вопросы на эту тему, она написала песню «Всё просто». Кот даже запомнил ее наизусть.

Вы, как всё гениальное, просто записали стихи на бумагу или файл сохранили в компьютере и, скорее всего, вы не сразу прочитали стихи близким в комнате, может, даже вы их отложили на три месяца... может, и больше.

А потом вы подумали вечером, что давно не писали — три месяца, значит, больше уже не напишется, значит, так и придется вам старое петь... и стариться рядышком с песнями, с ними рядом, конечно, не страшно и даже как-то теплее, привычнее. Так себя успокаивать принято.

Только ночью строка в дверь открытую забежала, ударила обухом. Вы вскочили среди ночи и — к лампочке...

записать на бумаге... скорее же...
вы сейчас... вы вот-вот потеряете...
этот миг, это стихо-творение...
это психа, конечно, творение...

потому что вы есть ненормальная,
потому что вам слышится музыка,
потому что вам пишется полночью,
когда спит большинство человечества,
потому что стихи так рождаются,
без наркоза — укола всесильного —
и без мук, как рождались когда-то вы.

Вот теперь вы достанете записи
или файл вы найдете в компьютере
и добавите то, что записано
так давно, что вы это не помните.
И неважно теперь, что вы мучились
оттого, что не пишется больше вам.

Вот теперь вы прочтете товарищам
или даже споете с гитарой
на каком-нибудь праздничном вечере.
Все восторженно вам аплодируют,
вопрошая: «Как это вы пишете?»
Будто просто сидите и курите,
будто чай попиваете с пряником
и ведете беседу неспешную.
Будто вовсе стихами не мыслите,
Вы — такая земная, обычная».

Вы, конечно, отшутитесь весело,
что не вы это пишете полночью.
Вы ведь просто открыли все окна

и впустили всё лучшее в комнату,
записали его на бумагу
или файл сохранили в компьютере.

Кошкин мозг умеет выключать ненужное. Вернее, она умеет делать так, что в момент принятия решения ее рассудок вынужден выключать лишнее. За неделю до одиннадцатилетия своей дочери-Котенка она спросила у нее:

— Какой подарок ты хочешь на день рождения?

— Если ты бросишь курить, для меня это будет лучшим подарком, — не задумываясь ответила дочка.

— Хорошо, — так же без раздумий сказала Кошка.

С того дня к сигаретам она не прикасается. Таким же образом много лет назад она выключила тягу к алкоголю. В одну минуту. Приняла решение и сделала. Кошка вообще уверена, что организм человека — это компьютер с кнопками «вкл» и «выкл», что пульт — в руках у каждого из нас и мы сами выбираем, какую посмотреть программу. В мозг можно загрузить всё, что ты пожелаешь, его можно очистить от вирусов, вылечить, зная методики очищения, ему можно дать задание, и он будет его выполнять. Мозг умеет хранить столько информации, сколько потребуется. Он может отсеивать знания и делать их прикладными. Он будет выполнять любую заданную программу, в том числе неправильную. А правильная она или нет — мозг, как и компьютер, не знает. «Бойтесь своих желаний. Они могут сбываться». Сбываются все

желания, в том числе и нечетко сформулированные. Организм, по мнению Кошки, тот же компьютер, он засоряется вирусами и, если его не очищать, ломается. Единственное, что отличает наш мозг от компьютера, — это способность к творчеству. Кошка говорит, что, как только компьютер научится самостоятельно, не механически, а с душой, писать музыку, стихи или картины, наступит конец творцу, искусство и творчество девальвируются.

Кот не верил в компьютерное происхождение нашего мозга, но с Кошкой было проще согласиться. Сам он считал: что предначертано судьбой, то и должно быть. Не то чтобы он был фаталистом, но пофигистом — точно. Лишь иногда, когда он чувствовал, что теряет, в нем просыпалась жажда борьбы. Вероятность потери женщины пробуждала в нем комплекс неполноценности, и он хотел вернуть ее, вернее, не столько ее, сколько себя к ней, чтобы убедиться, что кому-то нужен.

С Кошкой было совсем по-другому. Коту нужна была именно она, ему необходимо было находиться с ней в одном пространстве, касаться ее. В квартире, в которую они переехали чуть более полутора лет назад, было достаточно комнат. Одну из них они решили использовать под офис. Предполагалось, что там будет стоять монтажный компьютер Кота. Но Кот хотел быть ближе к Кошке и установил компьютер в гостиной, а офисная комната так и осталась нетронутой. Кота тянуло к Кошке всегда, все годы. Кроме как настоящей любовью, свое состояние он назвать не мог. Он многому у нее учился, ему было комфортно с ней, а в последнее время — еще и удобно.

Она не давала поводов для ревности, но всё же он ревновал. По привычке.

Бывали времена, когда он выслеживал своих женщин, как в крутых боевиках, с настоящими погонями. Он сталкивался лицом к лицу с соперниками, ввязывался в драки, после которых ходил с разбитой физиономией и треснувшими ребрами. С Кошкой этого не было. С ней был мучительный страх стать ненужным.

Года полтора назад он возвращался на машине после ранней утренней съемки. В двух кварталах от дома остановился на красный свет и вдруг увидел, как дорогу переходит Кошка, а рядом с ней идет мужчина и обнимает ее за талию. Холодок пробежал в груди Кота.

— Кошка! — громко крикнул он в открытое окно.

Прошло несколько мучительных секунд, прежде чем она, не оборачиваясь и продолжая идти вперед, резко убрала руку мужчины со своей талии. Кот понял, что она услышала его голос, но взяла тайм-аут. Потом суетно повернулась, подбежала к машине и быстро поцеловала его.

— Это мой... давний знакомый. Он позвонил сегодня утром, и мы решили встретиться за чашечкой кофе, — смущаясь, затараторила она. Ее неловкость и растерянность передались Коту на уровне солнечного сплетения.

— О'кей. Всё в порядке, я буду дома, — процедил он сквозь зубы и выдавил из себя улыбку-оскал.

Ноздри его непроизвольно раздулись, как паруса, — верный признак гнева. Загорелся зеленый. Он резко рванул с места...

— Кот, надеюсь, ты не подумал ничего плохого? — виновато сказала Кошка вечером, придя домой. — Просто мы не виделись сто лет и вот, встретились на полчаса.

Лучше бы она этого не говорила. Кота и так весь день колотило, он не мог справиться с навязчивой мыслью, что этот мужик — ее любовник, наверняка между ними что-то уже было. Иначе с чего бы он стал дотрагиваться до нее, да еще так по-хозяйски — за талию. Чем бы Кот ни занимался, эта картинка долго стояла у него перед глазами, а бурное воображение рисовало целую серию нескончаемых кадров Кошки, изменяющей ему с этим мужиком, лица которого он даже не видел. Это еще страшнее, потому что соперник для тебя невидим. Ревность беспощадно разъедала его. Кот невольно начал присматриваться к ее поведению, проверять телефон. Кошка не закрывала его паролем, что упрощало задачу. Несколько раз в день, как по расписанию, он изучал все ее звонки и эсэмэски. Ничего подозрительного там не было, но успокоиться он все равно не мог. Коту стало казаться, что он сходит с ума. Он ловил каждый взгляд мужчин в ее сторону, и в каждом этом взгляде ему мерещилась Кошка в чужих объятиях. Когда психоз Кота достиг апогея, он установил в квартире и ее машине видеокамеры-шпионы. Дома он прикрепил камеру к компьютеру под видом скайпа и стал дистанционно наблюдать за происходящим там в его отсутствие. Иногда ему казалось, что он не столько проверяет ее, сколько хочет убедить себя в наличии у нее любовника или даже любовников. Вопреки подозрениям, ни-

чего особенного он не обнаружил: и в квартире, и в машине Кошки шла обычная жизнь, бытовуха. Кот потерял интерес к шпионской деятельности. Значит, это была ложная тревога. В конце концов, и раньше бывало, что он сам себя накручивал без видимых причин. Кошка ведь действительно могла встретиться просто со знакомым.

В первые дни их близости Кошка вызывала в нем сильные приступы ревности. В каждом мужчине он видел потенциального врага и соперника, который жаждет ее отобрать. Кот бесился от любого направленного в ее сторону мужского взгляда. Она же не выносила истерик на почве ревности, так что Коту быстро пришлось притихнуть. Однажды после основательной ссоры по поводу его приступов ревнивца Кошка его выгнала. Он переехал в крошечную комнату к приятелю. Кошка выдержала пару дней, а потом не находила себе места — так сильно переживала разрыв с Котом.

Подходило время загодя запланированной ее поездки на юг с двумя подругами. Ехать она не хотела — ей было плохо, она чувствовала себя виноватой в их ссоре. Каждая размолвка с Котом отдавалась в ней мучительной болью. И каждый раз отрывался маленький кусочек ее любви к нему. Она буквально физически чувствовала, как любовь уходит, как ей, этой любви, становится неуютно в их с Котом компании. Она настолько сильно сплелась с ним, что ни о чем другом не могла и мечтать. Она видела свою с ним уютную старость, чуть ли не в кресле-качалке, с пледом. Кошка считала, что сама по себе любовь пройти не может, ее можно только убить. Способов для этого много — от

постоянных скандалов и претензий до глухой стены равнодушия. И что из них сильнее — вопрос. Обычно Кот вымаливал прощение и возвращался. Нередко Кошка сама звонила ему, признавала свою вину и говорила, что они не смогут друг без друга. Кошке легко просить прощения, если она чувствует, что не права. Да и ради сохранения мира она зачастую тоже просит прощения. Между «быть правой» и «быть счастливой» она научилась выбирать второе. После встрясок внешне всё становилось спокойно и даже умиротворенно, но оторванные кусочки не пришивались, слишком рваной была рана.

Всё же подруги уговорили ее поехать отдохнуть, мол, «как раз, хорошо, развеешься, подумаешь и решишь: быть с ним дальше или не быть». Кошка поехала, а через несколько дней после ее возвращения Кот вновь вымолил прощение. Она простила. Она любила его. Она ждала его.

Светало. распахнула. грянуло. прикрыла.
увидела. прильнула. шептала. закружило.
влюбилась. ворковала. смеялась. целовала.
витала. танцевала. дурачилась. писала.

темнело. холодало. куталась. знобило.
ждала. отогревала. верила. любила.
мело. бело. скользила. падала. вставала.
решила. разлюбила. перезимовала.

растаяло. стекало. опомнилась. просила.
оттаяла. искала. молила. колесила.
вернула. понимала. терпела. уходила.
любила. возвращала. теряла. находила.

ушла. упаковала. уехала. забыла.
звонила. упрекала. кричала. выла. ныла.
спала. не просыпалась. звонил. не отвечала.
жила. не улыбалась. не пела. замолчала.

стучал. не открывала. вычеркивала. злила.
темнело. подмерзало. стёрла. удалила.
окликнул. встрепенулась. пробор...пробор-
мотала.
вздыхнула. прикоснулась. зацеловал. светало.

На расспросы Кота об отдыхе Кошка рассказала, что было весело и вскользь упомянула о знакомстве с капитаном самолета Британской авиакомпании. Опасность Кот почувствовал нутром — заньло в районе солнечного сплетения. «У Кошки с капитаном что-то было». Он допытывался, она не сознавалась, он мучил вопросами ее подруг, те держались стойко. Потом Кошка написала песню, которую назвала

Мой неземной капитан

Мы познакомились вечером
Под синей Полярной звездой.
Небо ложилось на плечи нам,
И в ноги бросался прибой.
— Знай, я летаю на облаке
Весь год, до конца декабря.
Хочешь, пока я на отдыхе,
Летать научу и тебя?
Ты засмеялся, меня обняв:
— А как ты училась летать?
— Увы, слишком долго, целых два дня,
Меня не страшит высота.
Ты усмехнулся: «Какой полет?»

Я тоже летаю всегда.
Я пилотирую самолет,
Я — твой неземной капитан».
Ты обнял меня. Руки горячи,
И падает с неба звезда.
— Чему же тебя я могу научить,
Мой неземной капитан?!
Ведь между Нью-Йорком и Лондоном
Разница в двадцать пять лет.
Зимы такие холодные
И серый туман сигарет.
Будет прощанье бесслезное,
И разожмется ладонь.
Знай, я совсем несерьезная,
Выдуманная тобой.

Я улетаю на облаке
Из белоснежной зимы.
Ты остаешься на отдыхе
В нежных объятьях жены.
Но только прошу тебя, не забудь,
Что я летаю везде.
Ты по приборам находишь путь,
А я — по Полярной звезде.
Ведь над водой-небо звездное
Падает прямо в ладонь.
Знай, я совсем несерьезная,
Выдуманная тобой.
Легко от Нью-Йорка до Лондона
Пересеку небосвод.
Не бойся, не будет мне холодно,
Не нужен мне твой самолет.

Зиму меняю я на лето.
Тепло на Полярной звезде.

Ведь главное для меня — полетать,
А для тебя — долететь.
Ты улыбнулся: «Лечу с тобой,
Ну, где там твоя звезда?»
...Ты — первый, кто хочет летать со мной,
Мой неземной капитан.
Будет прощанье бесслезное.
Я тебя не позову.
Знай, я совсем несерьезная,
Даже когда я реву.
Ведь между Нью-Йорком и Лондоном —
Разница в двадцать пять лет.
Зимы такие холодные
И серый туман сигарет.

Каждый раз, когда она пела песню про капитана, Кота трясло от подозрений в измене. Эти подозрения усилились, когда он увидел фотографию из курортного ресторана. На снимке за столом сидели загорелые и счастливые Кошка с пилотом и обе ее подруги. Рука голубоглазого пилота по-свойски лежала на Кошкином плече. Кот всматривался в лицо явно влюбленного капитана «Боинга», в выражение глаз Кошки, пытался уловить детали, которые могли бы их выдать, но так ничего и не вынюхал, отчего еще больше нервничал. Одно дело, когда ты только подозреваешь и соперник остается для тебя невидимкой, и совсем другое — когда ты его видишь, пусть и на фотографии. Вот, оказывается, когда поле ревности растягивается до безразмерных границ. «Чем привлек ее капитан большого пассажирского самолета? — думал Кот конструктивно. — Красивой формой? Умением ориентироваться по навигационным приборам? А может, тем,

что умеет вести себя в критических ситуациях?» На фоне капитана Кот, конечно, сильно проигрывал. Что говорить? Капитан был гораздо старше Кошки, это было понятно из слов песни.

Кот решил действовать — разве он сам не может стать пилотом «Боинга»? А чё? Надо же с чего-то начинать! Он купил компьютерный симулятор полетов. «Не понравится, брошу эту затею», — сказал он себе, но как только установил программу, понял: небо — его мечта. Виртуальные самолеты настолько заинтриговали Кота, что очень скоро он уже «летал» сутками напролет и осваивал искусство управления самыми современными воздушными судами. Впервые за долгое время у него появилась цель — сесть за настоящий штурвал, для начала — «Сессны». Первый этап — летная школа и сертификат пилота. Решено. Это совсем не трудно, он знал людей, которые получили лицензию и уже летают.

Сказано — сделано. Кот нашел летную школу недалеко от дома, позвонил и назначил время для собеседования. Накануне поездки к летчикам он был возбужден, радовался началу нового этапа в жизни, болтал без умолку, демонстрировал Кошке на симуляторе полетов свой первый маршрут, по которому отправится в путь, с гордостью говорил, что теперь будет личным Кошкиным пилотом. Глаза его горели, руки виртуозно сажали виртуальный «Боинг».

Наступило утро. У Кота возникли временные неотложные дела. Он вынужден был перенести дату поездки в летную школу. Потом навалились другие проблемы, требующие безотлагательного

решения. Он перенес визит еще раз, а на третий раз у него даже времени не было позвонить в школу и отменить урок. Времени Коту не хватало катастрофически. Кошке идея получения лицензии пилота не нравилась с самого начала. Она считала управление самолетами неоправданным риском, тем не менее была за то, чтобы он довел задуманное до конца.

— Если постоянно жаловаться на нехватку времени, его и не будет. Ты сам себя программируешь на отсутствие времени, — говорила Кошка.

Многие замыслы Кота никогда не осуществлялись. Из этих замыслов мог бы получиться список томов на пять. Но он успокаивал себя: «Зато мне хорошо с Кошкой». Больше он ни в чем ее не подозревал, не ревновал, не выслеживал.

Но пытливый ум Кота не мог долго пребывать в простое. Ум требовал действия. В раздражении от безделья и невозможности хорошенько выпить Кот нашел чем заняться, причем с Кошкиной подачи.

Кошка зарегистрировалась на сайте, на котором находят друг друга старые друзья, и не могла нарадоваться всплывающим из ее прошлой жизни людям. Она зачитывала Коту переписку с друзьями и знакомыми, с которыми не общалась десятки лет.

— Это же классно, ты можешь соприкоснуться со своим прошлым с другого конца света, не вылезая из дома. Зайди туда и сам увидишь, — говорила она.

— Уверяю тебя, мне не хочется ни с кем вести переписку, — сопротивлялся Кот, — да и с русским языком в смысле грамматики у меня проблемы.

Всё же вскоре он поддался соблазну и тоже вписал свое имя в анналы популярного сайта. Незаметно компьютерные игры отступили на второй план. Он уже проводил время в переписке с одноклассниками, которых не видел и не слышал с момента отъезда в Америку, пятнадцать лет. В том же виртуальном пространстве коротали дни и ночи бывшие девчонки — нынешние тетки, с которыми он учился в одной школе. Воспоминания молодости будоражили душу, возникало ощущение, что стоит лишь протянуть руку, как вернутся забытые эмоции и чувства.

Вот перед ним — фамилия молчаливой девочки, с которой он учился в первом классе. Тогда от взгляда на ее спину у Витьки замирало сердце. Он помнит, как лямка на ее белом фартуке непослушно соскакивала с правого плеча. Не отрывая взгляда от тетрадки, в которой она старательно выводила про «маму и раму», девочка сжимала губами шариковую ручку и замедленным движением руки водворяла лямку на место. Через минуту лямка соскакивала вновь, и волшебное действие повторялось. Словно кот в засаде, Витька ждал момента падающей лямки, и этот сладкий, но короткий миг обязательно наступал. Витька тайком досматривал до конца свой любимый кадр и, глубоко вздохнув, продолжал писать ненавистный диктант. Сейчас от той девочки осталось только имя. С фотографии на него смотрело чужое, расплывшееся лицо сильно пьющей женщины.

Витьку позвала в «друзья» отличница из четвертого класса. Он помнит ее тогдашние гладкие рыжие волосы, собранные в пучок на макушке. От-

личница занималась балетом, у нее была длинная, по-лебединому изогнутая шея. После четвертого класса она ушла в хореографическое училище. Стройная маленькая балерина сидела на две парты впереди и не обращала на Витьку никакого внимания. А он смотрел на ее шею и мечтал к ней прикоснуться. Витька невольно протянул руку к шее нынешней балерины на фотографии. Но это была совсем другая шея: отмеченная кольцами лет, как срез дерева.

Обитала на том сайте и первая, совсем недетская, Витькина любовь Олеся, с которой его связывало не только много радости и счастья, но также горечи, боли и ревности. Эта любовь оставила в его душе глубокий шрам. Олеся была яркой, компанейской, всегда в центре внимания. Она занималась музыкой и впоследствии создала свою поп-группу. Витька смотрел на ее нынешнюю фотографию и чувствовал, как по телу разливается знакомое тепло из его юности. Олеся почти не изменилась — те же русые распущенные волосы, те же огромные голубые глаза, но без прежней чертовщинки. Витька даже представлял, как бы они смотрели друг на друга, если бы встретились сейчас. Наверняка и секс у них был бы таким же классным, как и раньше.

Он останавливал взгляд на лицах женщин, которые уже тогда, в его юные годы, пребывали в бальзаковском возрасте. Эти женщины искали приключений с ним, совсем еще мальчишкой, и он не без удовольствия на эти приключения шел. Сейчас он с трудом мог узнать этих женщин. «Неужели у меня с ними что-то было?» — с удивлением спрашивал он себя. Наверное, они смотрят на него так

же. Витька тоже не помолодел. Залысины, темные круги под глазами, усталый взгляд измученного проблемами мужика.

Навык общения на родном языке в эпистолярном жанре пропал у него много лет назад, и он спрашивал у Кошки, как пишется то или иное слово — в школе по русскому языку у Кота был нетвердый трояк. Кошка с удовольствием объясняла ему правила грамматики, радуясь, что он нашел старых друзей. Но радость ее длилась ровно до тех пор, пока она не заметила, что Кот слишком много времени проводит в переписке со своей первой любовью Олесей. Уезжая в Америку на «пару месяцев», он обещал вернуться к ней. Когда-то он обмолвился, что они с Кошкой похожи.

— Смотри не заиграйся, — сказала Кошка, — а то забудешь о реальной жизни. А это разные вещи.

Общение с прошлым действительно оказалось сильнодействующим средством. Когда он жил на Украине, пределом его мечтаний была Америка. Приехав в Нью-Йорк, Кот быстро освоился, легко выучил английский и через короткое время заговорил на нем практически без акцента. Он полюбил всё американское, а то, что связано с русским и украинским языками и «русскими» в целом, возненавидел. Да и многие из его американских специальностей не имели никакого отношения к русскоязычному кругу.

Кот работал в самых разных местах, а приключения, происходившие с ним, лишь добавляли колорита к его богатому опыту. Он строил дома — с фундамента до крыши — и однажды вырвавшейся

из рук электропилой чуть было не отпилил себе ногу в области бедра. На этом месте остался глубокий шрам.

Он загонял в пальцы гвозди при помощи гвоздезабивного пистолета. Каждый из десятка пальцев познал силу этого мощного оружия, а особо любознательные — не единожды.

На Кота выливался строительный клей для плитки и не отмывался неделями. Однажды мочка его уха намертво приклеилась к отростку нижней челюсти, и правое ухо во время разговора стало двигаться вверх-вниз. Собеседники Кота заморожено смотрели на самодвижущееся диковинное ухо. Этот орган жил самостоятельной жизнью, приковывая взоры всех окружающих. Отодрать мочку Коту удалось только вместе с куском кожи. После этого кто-то из строительных рабочих и прозвал его Котом. Прозвище закрепилось, тем более что и манеры, и реакция его как нельзя больше соответствовали этой кличке.

Был в его американской жизни жаркий этап — работа пекаря. Кот забрасывал в печь тесто, из которого получалось нечто напоминающее пирожки. В пекарне стояла невыносимая духота, пространства было мало, присесть он не мог. Все двенадцать часов работы хозяин следил за тем, чтобы Кот ничего не съел и не прислонился к стене. А ему постоянно, до остервенения хотелось жрать, даже смертельная усталость отходила на второй план. Из-за летающей в воздухе муки одежда и лицо Кота окрашивались в белый цвет так, что он становился похожим на бедного Пьеро. В стиральной машине, куда Кот после работы запускал брюки

и футболки, мука превращалась в тесто и уже не отстирывалась никогда. Не вычищалась она и из носа.

Еще одним местом его работы была бубличная. В обязанности Кота входило смешивание ингредиентов для творожной массы, которую намазывают на бублики. В конце рабочего дня шеф собственноручно выбрасывал на помойку заднего двора остатки съедобной еды и ни разу не предложил Коту взять с собой хоть что-нибудь, зная, что его работник живет впроголодь.

Трудясь на автомойке, Кот попадал под горячие струи воды в двадцатиградусный мороз. Эффект кипятка на морозе впечатляющий — волосы и нос за секунды превращаются в сосульки, а пальцы — в деревяшки. Но заледеневший Кот не унывал. Он выстукивал пальцами-сосульками ритм по капотам чисто вымытых автомобилей. Получалось довольно музыкально — льдом по железу.

Еще он работал помощником механика в автомастерской. В один не прекрасный день он стоял под днищем автомобиля и закреплял выхлопную трубу. Вдруг машина соскочила с подъемника. Еще секунда, и Кота могла бы раздавить многотонная железная масса. Спасителем оказался юркий пуэрториканец. Он успел что-то крикнуть на испанском. Кот стрелой отскочил в сторону. Машина ударила по касательной, только по кончикам пальцев ног. Обошлось даже без переломов. Через три дня он уже ходил.

Хозяин автомастерской, итальянец, оказался хорошим мужиком. Он доверял Коту свой старый «шевроле», и Кот колесил на нем из далекого се-

верного Нью-Джерси в Бруклин. Там по выходным его ждала компания новоприобретенных русских друзей. Несмотря на то что он пытался забыть всё «русское», какая-то необъяснимая сила тянула его к «своим», какая-то незримая нить прочно связала его с той страной, в которой он прожил двадцать с лишним лет и даже успел получить образование.

Работу по специальности найти в Америке он не мог — ни один американский телевизионный канал не брал к себе даже самых талантливых операторов без документов. Так что напрасно родители переправляли из Киева его солидный диплом кино- и телеоператора. Знакомство с Кошкой стало для него новой точкой отсчета не только в жизни, но и в профессии. До этого он периодически подхалтуривал — снимал свадьбы. На видеокамеру накопить он сумел. Но постоянной работы со стабильным чеком не было. Кошка привела его на телевидение, на котором работала сама. Его взяли по двум причинам: профессионализм и прекрасный английский. Босс любил в своих работниках оба этих качества. Но тогда, до того, как он встретился с Кошкой и успел поработать в самых разных областях, два выходных подряд Кот отрывался со «своими» по полной программе. Он заталкивал в себя всё, что попадалось под руку и могло доставить удовольствие: алкоголь и то, что курится, нюхается и глотается.

«Страшные» понедельник — это когда после выпитого, выкуренного, вынюханного и проглоченного в семь утра надо быть на работе. Коту на работу не хотелось. Хотелось покоя. Со временем после бурных выходных возвращаться в нормальный ритм

жизни становилось всё труднее. Сказывался возраст и увеличивающиеся дозы того, что поступало в организм за два счастливых дня.

Происходили за это время и привязанности по женской линии. К некоторым из женщин он переезжал жить, испытывая подчас нечто вроде любви. Одна из дам сердца проживала в однокомнатной квартирке-студии с мамой. Кота несколько не смутили стесненные жизненные условия — любовь сильнее! Мама отнеслась к нему как к сыну — кормила борщами и пирогами, поила компотами из сухофруктов, а по воскресеньям пекла блинчики с мясом. «Бедный, мамка твоя далеко, — приговаривала она, подперев рукой двойной подбородок и глядя на то, как Кот, облизываясь и вымазавшись в сметане, уплетает блинчики за обе щеки, — соскучился ты по домашней еде, откушивай!».

От маминой кровати молодых отгораживала ширма. Они дожидались, когда маму сморит Морфей — стадия ее глубокого сна распознавалась по раскатистому неженскому храпу, — и приступали к любви. Занимались они любовью традиционно, без огонька, девушка не издавала ни единого звука, а иногда даже не шевелилась. Она возлагала на Кота все обязанности и позволяла ему делать со своим телом многое, но не всё. Когда он слишком увлекался и пытался использовать новшества, высмотренные в Интернете, она говорила: «Это унижает мое человеческое достоинство». После чего обиженно отворачивалась. Желание у Кота тут же пропадало, и он засыпал.

Однажды Кот случайно стал свидетелем телефонного разговора мамы своей пассии с подругой.

Мама рассказывала товарке, что у нее бессонница, но она прикидывается спящей и нарочно громко храпит, чтобы дочка могла устроить личную жизнь. Она жаловалась подружке на Кота. Говорила, что он мало зарабатывает, много пьет и жрет, «особенно блины мои любит, зараза». В конце разговора мама добавила, что «лучше уж такой, как он, чем никакого». Мол, кто еще на ее дочку позарится? Коту было неприятно узнать и о своем несовершенстве, и о том, что его дама сердца никому не нужна. Он стал присматриваться к ней. Нужна ли она ему? Мама была права: в свои двадцать пять — она невзрачная, с бесцветными глазами тетки, прожившей скучную жизнь, с пожелтевшими от перекиси волосами, отвисшей задницей, не знавшей физической нагрузки, неуверенная в себе и суетливая. Да и слишком уж старается ему угодить. Его самого удивляло то, что столь непрезентабельный набор «женственности» он умудрялся ревновать, выслеживать и подозревать. Кот-то знал, что он эстет и умеет видеть прекрасное. Но с этой дамой его любовь к эстетике, вместе с совестью, засыпала. Когда совесть от спячки всё же пробуждалась, что бывало крайне редко, он уходил от нелюбимой «дамы сердца». Но это было неудобно и невыгодно. Тогда он волшебным образом усыплял совесть и возвращался к даме, чтобы повторить тот же цикл сначала. Он знал, что как только подвернется более подходящий вариант, он свинтит по-тихому, без скандала. Так и случилось: в какой-то момент он покидал гостеприимный дом окончательно, чтобы в следующем воспроизвести то же самое, по тому же сценарию.

Кот жил под копирку, из имущества ничего не нажил, на его банковском счету не было даже тысячи долларов, а вся зарплата спускалась в день получки. Друзья и собутыльники считали его щедрым, пока в его карманах водились деньги. Когда финансы иссякали, дружки выставляли счета. Оплатить их он был не в силах, и на этом дружба заканчивалась.

Послonyaвшись по чужим квартирам, Кот ухватился за вполне приемлемый и даже романтический вариант. Он женился на представительнице жаркой Доминиканской Республики. Зарождающаяся тогда связь показалась ему привлекательной и необычной. Кот, как натура увлекающаяся, в какой-то момент потерял бдительность и незаметно для себя самого стал отцом доминикано-украинского ребенка. Вскоре после рождения сына, точной своей копии, только смуглого, Кот развелся. Сейчас сыну десять лет. Кот навещает его раз в пару недель, но никаких особых чувств к отроку не испытывает.

К другому сыну, старшему, которого он видел только на фотографиях, у него тоже не возникало ни отцовских чувств, ни особых эмоций. Мальчик появился на свет в Киеве через восемь месяцев после отъезда Кота в Америку. Много раз Кот задавал себе вопрос, пытаясь расшевелить тонкие струны своей души: «Почему не проснулся во мне инстинкт отцовства?» Ответа он не находил. С фотографии на него смотрел шестнадцатилетний юноша, невероятно похожий на него. Глядя в глаза сына на снимках, он будто проваливался в себя — полжизни назад. Интересно, что родите-

ли Кота словно по второму разу проживали свою жизнь, тоже под копирку. Теперь они воспитывали внука, сына их сына, и папа Кота опять удивлялся — на сей раз тому, что внук влипает в такие же ситуации, в которые в юности попадал и сам Кот, — алкоголь, милиция и пьяные разборки. Кот хотел бы повстречаться с ним, но не столько как с сыном, а как со своим повторением. С собой — реальным — ему это никогда не удавалось.

Кошка обливается из ведра ледяной водой, отодвигает занавеску, берет с перекладины полотенце, вытирает тело, опускает одну ногу в тапок, поворачивается спиной к Коту и замирает в ожидании поцелуя в нижнюю часть спины. Без этого ритуала не обходится ни один ее выход из душа. Той же неизменной традицией стал и утренний поцелуй, когда Кот аккуратно выныривал из постели. Кошка знала, что он не уйдет, не поцеловав ее. Несколько лет назад она написала роман, который закончила этим, спинно-поцелуйным, эпизодом, зеркально поменяв их местами. В романе, приподняв край одеяла, она целует его, спящего.

Сегодня

Кошка открывает замок входной двери. В квартире темно. Сегодня утром она почувствовала, как Кот приоткрыл край одеяла и поцеловал ее спину. Он сделал это осторожно, чтобы не разбудить ее, но она немножко проснулась, улыбнулась и, не открывая глаз, повернулась на другой бок — досматривать сон. Ей снилось, что она спит в кресле

самолета и ее голова покоится на плече незнакомого мужчины. Во сне она понимала, что спит, и в то же время смотрела на себя со стороны. Она не видела лица мужчины, но отчетливо слышала голос с хрипотцой, который показался ей знакомым. В памяти осталась часть фразы, которую он произнес: «В Рим надо ехать...» Потом он сказал что-то еще, но это «что-то» растворилось сразу, как только она проснулась. То ли во сне, то ли наяву в ее голове пронеслось, что почему-то именно этой ночью, впервые за все годы, Кот отодвинулся на другой край кровати, далеко-далеко, словно на другой конец земли. Во сне он долго ворочался и тяжело вздыхал.

Она включает в прихожей свет. На часах — без пяти одиннадцать. Ну точно, глядя с улицы на их балкон, перепутала этажи. У Кота бывают поздние съемки, и он скоро вернется. Кошка раздевается, идет в ванную. Из зеркала на нее смотрит вполне привлекательная женщина. Конечно, ей не двадцать, но она в хорошей форме. Вернуться в «двадцать» она бы не хотела — в том нежном возрасте ею было сделано столько глупостей и пролито столько ненужных слез, что повторять этот путь она бы не стала. Да, тогда каждое зеркало отражало ее, ничего не искажая. Зеркала будто заигрывали с ней, ей нравилось в них смотреться, улыбаться им. Любой новый день дарил ей еще одну надежду на то, что она обязательно встретит мужчину своей жизни и счастливо проживет с ним, как ее бабушка с дедушкой, семьдесят долгих лет. С годами эта надежда понемножку умирала — мужчины появлялись, но не задерживались, большинство не

задерживала она, осознавая, что с этим, очередным, старость встречать не хочет. С каждым новым разрывом опускались руки. Вместе с «завтра» просыпалась новая надежда. Встретив Кота, она поняла, что именно с ним хочет оказаться в преклонных годах, где они будут вдвоем тихо счастливы. Так ей хотелось.

«В этом зеркале в ванной» — обозначилась в ее голове фраза из будущей песни.

Шоколад

Запастись на неделю фруктами с шоколадом,
 Вырвать с корнем компьютерно-телефонный провод,
 Написать стихи не ручкой — губной помадой
 На стекле, за которым ночь — для хандры не повод.

В этом зеркале в ванной, с которым встречаешь осень,
 Ты вполне еще ничего, хоть давно не тридцать,
 Ты одежды можешь у самого входа сбросить,
 Ты давно не держишь в руке хрупкую синицу.

Пусть летает в небе она с журавлями вместе,
 У тебя есть крылья и вход на любую сцену.
 Отличишь ты от правды — ложь, а любовь —
 от лести
 И не сделаешь, что не хочешь. Ты знаешь цену

И себе, и чужим словам. Ты умеешь слушать,
 Ты сама выбираешь, какую любить работу.
 Ты не будешь влезать в чужую судьбу и душу,
 Ты, загадочно улыбаясь, смотришь с фото.

Ты умелым движеньем ресниц можешь стать
гранд-дамой.

Ты вполне допускаешь: мужчина бывает слабым,
А сама не бываешь капризной, пустой, упрямой
И спокойно уступишь всё дуракам и бабам.

У тебя есть сын или дочь — это сильный козырь,
Ты оценишь слово простое негромкой песни,
У тебя не бывает психоза и токсикоза,
Ты умеешь любить мужчину без всяких «если».

Нет ни принцев, ни белых коней — ты про это
знаешь,

Ты на парус смотришь только как на картину
И того, кто ушел, ты ни словом не проклинаешь,
Говоришь: «Спасибо, что был и такой мужчина».

Ты не ждешь короля и, конечно, не ждешь
валета,

Пусть они остаются в сказке, принцессы —
тоже,

Ты не бьешь посуду, когда не найдешь ответа
И уже не боишься ни лет, ни морщин на коже.

Ты спокойно смотришь на свой далеко «не-
возраст»,

Что не двадцать, не двадцать пять — даже
очень рада.

Ты давно поняла, что любить никогда не поздно,
И любовь — в тебе, а не в том, кто проснулся
рядом.

Так что можешь съесть тонны две шоколада,
Поболтать о чем-то глупом с пустой подружкой

И накрасить губы алой губной помадой,
А потом впечатать лицо — привычно — в по-
душку.

Поставив на листе бумаги точку, Кошка встала под горячий душ. Сегодня не будет последушного поцелуя. Она лишается его только, когда Кота нет дома. В такие минуты ее охватывает тихая грусть. Сейчас эта грусть — тревожная, как звуки рояля, всё еще звучащие в ее голове. Надо перебить их чем-то другим, не таким монументальным. Горячие струи воды расслабляют и уносят тревогу. Она долго стоит под ними, потом обливается ледяной водой из ведра, вытирается, чуть влажными ногами входит в тапочки, помещает тело в теплый халат и... раздаётся звонок в дверь. «Опоздал на минуту. Но пришел. Как хорошо». Обычно он не звонит, а открывает дверь своим ключом, заходит, всегда улыбающийся, даже если очень устал, и первым делом целует ее. Наверное, руки заняты аппаратурой, поэтому звонит, чтобы она открыла. Кошка скользит по паркету в коридор, мурлыча припев из своей любимой песни «Битлз» Yesterday.

Yesterday, all my troubles seemed so far away,
Now it looks as though they're here to stay.
Oh, I believe in yesterday.

Подбегает к двери и поворачивает замок.

Три дня назад

Так повелось: кто первым приходит с работы, тот, если есть желание, может что-то соорудить на

ужин. Кухлята еды в доме нет. Кошке всё равно, имеется в холодильнике съестное или нет. Она привыкла довольствоваться малым, иногда и вообще отсутствием пищи. Долгое время она может жить без питания. Лет тридцать назад Кошка стала заниматься лечебным голоданием и с тех пор раз в год по три недели сидит только на воде. Борщей, котлет и стояний у плиты в доме практически не бывает. Кота это устраивает. Он тоже пошел по ее стопам, иногда устраивая себе разгрузочные дни. Но сегодня — небольшой сюрприз для Кошки — он заказал в японском ресторане суши.

За обеденный стол они садились, только когда приезжала Кошкина дочка. Кот не испытывал к ней никаких чувств. Они, можно сказать, терпели друг друга. С четырех лет девочка росла на его глазах. Сообразительная, интересующаяся техникой, компьютерами, съемками и монтажом, она настолько освоила съемочно-монтажный процесс, что Кот давал ей подрабатывать — монтировать снятые им юбилейные мероприятия. Теплоты между ними не было. Кота это не расстраивало, а главное — не волновало Кошку. У ребенка есть любящий и любимый отец, которого никто не собирался заменять. Да и Кошка никогда бы этого не допустила. Она знала, что Кота в принципе не интересуют ничьи дети, даже свои собственные. Однажды она спросила его, без всякой оценки и критики:

— Как ты думаешь, почему у тебя ничего не ёкает, когда ты думаешь о своих сыновьях?

Реакция Кота оказалась неожиданно бурной.

— Я вообще не хотел детей. И в первом, и во втором случае матери моих детей меня обманули, взяли хитростью, — закричал он.

— Даже если это и так, — ответила Кошка, — дети у тебя уже есть, это факт, и они не виноваты в том, что мамы решили их родить обманным способом. А если ты не хотел детей, надо было предохраняться.

— Ну да, я дурак. Надо было спрашивать у них.

— Ты можешь хоть каждый день задавать женщине вопрос: хочет ли она ребенка, но, как многие мужчины, ты не понимаешь одну простую вещь: у мужчины, который не хочет детей, и у женщины с материнским инстинктом — разные сверхзадачи. Если она хочет ребенка, неважно, что она говорит тебе и как ты к этому относишься, ребенок у нее будет любыми путями. Так что ты можешь что угодно думать об этих женщинах, но детям ты помогать обязан.

— Младшему, здешнему, я помогаю, но с какой стати я должен помогать своему старшему сыну, когда вся помощь уйдет его матери?

— Так ведь он живет с твоими родителями, ты же сам говорил. Или это не так?

Кот застыл с широко раскрытыми глазами и выражением удивления на лице. Несколько секунд он лихорадочно кусал нижнюю губу, соображая, что ответить, но в итоге отвернулся и уткнулся в компьютерный экран.

Больше эту тему Кошка не поднимала. Она давно стала замечать, что за годы их совместной жизни круг общих тем, на которые они могли говорить спокойно, без нервов, неумолимо сужался. Кошка боялась затрагивать многие вопросы, реакция Кота могла оказаться непредсказуемой, что не способствовало укреплению их отношений. Вместе с сужением общих тем между ними оставалось всё меньше воздуха.

Если дочери-Котенка дома не было, они вдвоем обедали перед телевизором, за низким стеклянным кофейным столиком. Тела утопали в мягком диване с подушками. Сегодня была диванная трапеза. Японская еда — легкая для позднего времени суток, когда только начиналась Кошкина жизнь. Кот к этому времени уже кемарил. В последнее время он вставал в шесть утра, садился за компьютер, писал сообщения на Родину и вёл с этой «Родиной» телефонные беседы. В образе «Родины» у него выступали то родители, с которыми он давно не виделся, то друзья, на которых его пробила ностальгия, то новые планы, которые даже он сам еще не мог сформулировать. Какая-то неодолимая сила словно втягивала его в воронку. Живя в Киеве, а потом много лет в Америке, Кот был ярким ненавистником всего связанного с Украиной. Теперь же акценты сместились. Раньше он даже предположить не мог, что когда-нибудь его будет бесить почти всё, имеющее отношение к Америке, а украинские политические скандалы и страсти, наоборот, станут магнитно-притягательными. Кошка удивлялась внезапно пробудившемуся в нем интересу к украинской политике.

— Что это вдруг ты заинтересовался политикой? — не понимала она.

— Интересно, и всё, — односложно отвечал он.

Весь день Кота клонило в сон, иногда он проваливался прямо посреди Кошкиной речи. Раньше такого не было. Еще недавно они часами могли говорить обо всем на свете. Эти разговоры на долгое время заряжали Кота всякими размышлениями, которые он учился обрабатывать, как это делает

Кошка. Сейчас у него пропал интерес к беседам с Кошкой. Он заставлял себя вслушиваться в то, что она говорила, но не улавливал смысл ее слов. С каждым днем он отдалялся от нее и всё глубже проваливался в прошлое. Его «сегодня» постепенно теряло значение.

Потихоньку, стараясь не разбудить Кота, она убрала со стола остатки японской еды и вышла на балкон вдохнуть ночного февраля. Когда они переехали из Нью-Йорка в соседний штат Нью-Джерси, то оказались в минуте ходьбы от работы, или, как она говорит, стали работать в минуте ходьбы от жизни. Это хорошо. Плохо то, что она перестала дышать воздухом. Раньше ее ноги каждый день проделывали хотя бы пятиминутный путь до машины и обратно. Организм получал немного кислорода. Теперь же необходимость в ходьбе отпала сама собой, но иногда Кошка всё же заставляет себя нацепить на спящее утреннее тело спортивный костюм, пробежать пару километров и походить босиком по снегу. Она уговаривала Кота составить ей компанию, но он категорически отказывался, ссылаясь на свое плотное расписание.

— Может, ты просто не хочешь в спортивном костюме появляться перед людьми? Если так, то пора уже вырасти из своих детских страхов, — говорила Кошка.

— Ничего подобного, — злился в ответ Кот, — нет у меня никаких страхов.

Кошка понимала, что он уставал, и старалась не тревожить его вечерами. Только иногда спрашивала:

— Зачем вставать в такую рань?

— Чтобы пораньше закончить работу — и весь день свободен, — отвечал Кот.

Он был вынослив, не боялся никаких видов деятельности и тяжелого труда. Босс их компании считал, что Коту можно верить. Кошка тоже хотела бы верить ему, если бы не случай семилетней давности.

Тогда Кот сказал, что скоро из Киева на месяц приедут его отец с сыном. Он снял для них квартиру, в которой почему-то собирался жить и сам. В этом жилище, по его словам, уже шел ремонт. Сказать, что эта новость повергла Кошку в шок, — не сказать ничего. Так из-под ног уходит почва. Да, она знала, что в Киеве у него есть сын, которого он никогда не видел, но она не могла понять одного: почему Коту надо жить в этой съемной квартире, если можно поселить там отца с сыном и приезжать к ним хоть каждый день?

Когда до приезда родных оставалось три дня, Кот вдруг сказал:

— Всё отменяется.

— Что случилось? — испугалась Кошка.

Ответил он невразумительно. Это было нечто среднее между «у папы срочная работа» и «мама плохо себя чувствует». Кошка нутром почувствовала ложь, но утверждать, что он обманывает, не могла. Со временем всё улеглось, но осадок в ее сердце отпечатался навсегда. Кот об этой истории вспоминать не любил. Кошка тоже о ней не говорила, но лишь однажды, в минуту особого отчаяния, когда хотела сильно уколоть, напомнила ему о несостоявшемся приезде папы. От негодования Кот взлетел до потолка.

— Как ты смеешь вспоминать об этом, если оно в прошлом? — завопил он.

«И действительно, — подумала Кошка, — что это сейчас изменит?»

Истинную правду она так и не узнала. Может, и не существовало никакого запланированного приезда отца с сыном, может, было нечто совсем другое, но оно сорвалось? Может, искать надо женщину? Этот, совсем уж фантастический, вариант казался Кошке невозможным. Как бы то ни было, копать ей не хотелось. Интуитивно она понимала: не надо. Лишь в один момент, осознав, что от неизвестности сходит с ума, собралась с духом и дерзнула проверить его электронную почту. Но в последнюю секунду что-то ее остановило, и вовсе не моральные установки, а совсем другая, неведомая ей сила.

Много позже она поймет, что в тот момент не была готова к правде, не была готова потерять счастье. Она даже не знала, чего в ней больше — любви или счастья. Или два этих главных для нее ингредиента заполнили пространство ее души поровну. О том, что Кошка очень полюбила Кота, она могла судить хотя бы по тому, что с его появлением в ее жизни ни на одного мужчину она больше не смотрела как на самца. Она не замечала даже самых привлекательных особей мужского пола, даже тех, кто смотрел на нее с нескрываемым восторгом и пытался ухаживать. Мягко, но настойчиво она давала им понять, что не ищет никаких приключений. Любовь дарила ей счастье. Она была абсолютно уверена в том, что эта любовь взаимна. А то, что Кот не всегда соответствует ее

ожиданиям, так это не его проблема, а ее. Нельзя же, в конце концов, ждать от других, что они будут жить по твоим понятиям и законам. А счастье — это когда ты любишь и думаешь, что это взаимно.

Могла ли она мечтать о большем, когда судьба и так оказалась щедрее, чем она просила?! Просила на одну ночь, а получила — на годы. Вот и гадай: какое желание более опасно — несбывшееся или удовлетворенное?

Их познакомили общие друзья, когда она собиралась снимать клип на одну из своих песен. Виделась она с Витькой дважды — до съемок и в день, когда снимали видео. Он смотрел на нее через видоискатель камеры, а она — прямо на него, в объектив. Тогда она почувствовала, как всё ее тело захлестнула примитивно-банальная мысль, невозможная для «приличных» женщин: затащить Витьку в постель. Ей стало стыдно от такой дерзкой идеи. Раньше столь бесстыжих мыслей у нее не возникало. Она пыталась избавиться от своего первобытного желания, выбрасывала его из головы, но оно упорно возвращалось и сверлило мозг. Три месяца через тех же общих друзей Катя предпринимала попытки увидеться с ним. Друзья сказали Витьке, что Катя хочет его «как мужчину». Он подумал, что его разыгрывают — слишком уж неприступной казалась ему Катя. Много позже он сказал:

— Я даже не мог допустить мысли, что у такой женщины, как ты, нет мужа или мужчины.

В итоге одна ночь превратилась в девять счастливых лет. За эти годы бывало всякое: они боролись друг за друга, когда понимали, что безвозвратно

теряют; расходились от невыносимого существования вместе; немало холодных зимних ночей Витька провел в своей машине под окнами ее дома, когда она «не хотела больше его видеть». Наутро оба понимали, что врозь — еще хуже, и вновь соединялись.

Самая тяжелая из последних ссор, которая едва не стоила им отношений, произошла на прошлый Новый год. Кошка пришла в себя лишь через несколько дней и только тогда смогла пересказать ему то, что произошло. Кот почти ничего не помнил, из огрызков вечера у него сложилась своя версия, сильно сокращенная внутренним цензором. Тем не менее он вынужден был признать более правдоподобным Кошкино толкование событий новогодней ночи.

— Тридцать первого днем я пришла на работу и увидела, что ты уже никакой, — сказала она, нарезая салат. Кот облокотился на стену и приготовился слушать историю про себя. — Ты орал, размахивал руками, шутил не к месту, хохотал, смешивал в пластиковом стакане вино, коньяк и водку. Тебе было хорошо и обещало стать еще лучше. На моих глазах ты превратился в пьяную скотину. Я намекнула, что до Нового года еще далеко, неплохо бы притормозить, но мои доводы были тебе неинтересны. Ты праздновал. Потом пора было ехать, мы спустились в гараж. Вдруг ни с того ни с сего ты что-то заорал и хлопнул дверью. Я сказала, что ты пьян и мне стыдно находиться с тобой рядом. Ты бы видел свои красные, воспаленные глаза и всклокоченные волосы. Ты орал, что я тебя не понимаю, всё выдумываю, что ты трезвый как стеклышко. «Ты специально

говоришь, что я пьяный, — вопил ты, пытаясь вырвать у меня ключи от своей машины, — потому что не пьешь сама и хочешь из меня тоже сделать идиота. Отдай мои ключи, я уезжаю». Я умоляла тебя остановиться, боялась, что ты разобьешься или попадешь в тюрьму. В моей голове крутились две вещи: срывается работа и тебя нельзя отпускать. Впервые в жизни я подводила людей, но позволить тебе сесть за руль означало: ты не жилец. Я должна была выбирать, и я выбрала роль спасателя. Каким-то чудом мне удалось затащить тебя домой. Ты зашел в квартиру дерганой походкой психопата, задел коленом наш стеклянный столик, обматерил мать столика, преодолел в три шага гостиную и выскочил на балкон, со всей силы хлопнув дверью. Елка содрогнулась и замигала. Я подумала, что она сейчас заплачет. Через несколько секунд с балкона стали доноситься твои вопли на английском. Это ты потоком сознания поздравлял по телефону свою бывшую доминиканскую жену и сына с наступающим Новым годом. Во всем доме открывались окна и двери балконов. Люди в изумлении смотрели на мечущуюся по балкону фигуру с сигаретой в зубах, вопящую в телефон на весь район: «Ты ничего не понимаешь. Кто пил? Я пил? Это ты пьяная! Я вообще уеду отсюда к чертовой матери. Благодаря тебе я так и остался нелегалом, который даже родителей навестить не может!» Мне стоило большого труда втащить тебя в комнату. Сил моих не было. Я упала на диван и обхватила руками голову. Она разрывалась. Из ступора меня вывел храп и звук кипящей воды. Я вышла на кухню.

Вот это надо было видеть! Здесь разворачивалась вторая сцена спектакля, — для наглядности Кошка решила дополнить свой рассказ действиями, повторяя то, что тогда делал Кот. — Ты сидел на стуле, вплотную придвинутом к плите, с запрокинутой назад головой. Глаза закрыты, из горла вырывались храп и хрипы. На плите, на максимальном огне стояла большая красная кастрюля, из которой через верх, белой пеной, выплескивалась вода. На поверхности, порываясь вырваться наружу, плавали разварившиеся пельмени, мясо выпрыгивало из теста. Судя по всему, ты поставил стул у плиты, чтобы не пропустить момент готовности своего любимого русского блюда. Но сон оказался крепче голода. Я выключила газ. Щелчок газовой ручки привел тебя в чувство. Ты вскочил со стула, вращая вытаращенными глазами и не соображая, где находишься, уставился на меня, перевел стеклянный взгляд на кастрюлю, навел фокус на ящик с ложками, рывком открыл его, с грохотом вырвал из глубины шумовку, рванул дверцу шкафчика над раковиной, едва не сорвав ее с петель, схватил с полки пиалу и навалил в нее пельмени вместе с водой. Потом распахнул холодильник, залез в него с головой, сбросил на пол всё содержимое верхней полки, выбрал из напольного продовольственного набора банку со сметаной, отшвырнул ее в сторону и начал поднимать с пола всё одновременно — масло, сыр, колбасу. Ты пытался удержать продукты мизинцами и зубами, но они выскакивали из твоих рук и из зубов, как у начинающего жонглера. Ты поднимал их и забрасывал внутрь холодильника. Так продолжалось

несколько раз, пока всё съестное не уgomонилось внутри. Наконец, ты открыл сметану, облизнулся, плюхнул полбанки в пиалу с пельменями и, громко чавкая, начал закидывать их в себя, так и не присев. Пока ты нанизывал на вилку ускользящие пельмени, сметана выливалась на пол. Жаль, что Гоголь не видел этого номера. Он бы обзавидовался и схватился за перо.

Я давилась от смеха, сквозь душившие меня слезы, глядя на твою пельменно-цирковую трапезу. Волосы твои стояли дыбом, как у дикобраза, белки глаз сверкали красным. Это походило на приступ. Я видела тебя всяким, но таким безумцем — впервые. Поймав с третьей попытки последний пельмень, ты запустил его в рот, выхлебал жидкость со дна пиалы, вылизал ее, оставил на носу белую отметину, бросил пиалу в раковину, плюхнулся на тот же стул, возле плиты и устался на мигающую елку. «Что это?» — промычал ты, бросил голову на грудь и закрыл глаза. Всё. Занавес.

Я ушла в гостиную, опустилась на диван и включила телевизор. На меня смотрел Таймс-сквер с толпой веселых людей, серебряным шаром, который через двадцать минут спустится сверху и ознаменует собой наступление Нового года. «Это самый крутой Новый год из всех Новых годов моей жизни», — подумала я. Я была опустошена, по моим щекам катились слезы, но я хотела запомнить свое состояние в деталях. Оно мне не нравилось, как не нравилась перспектива так же печально провести весь год. Надо было хоть как-то скрасить свой «веселый» праздник. Я надела длин-

ное красное платье с глубоким разрезом, красные туфли на шпильках и села перед телевизором. С кухни донеслись звуки скребущегося металла о металл. Они заставили меня подняться с дивана. Ты стоял у открытого холодильника. В руках ты держал ложку, которой сосредоточенно скреб внутри банки со сгущенкой. Я поняла, что началась третья сцена — десерт. С твоих губ на свитер стекало сгущенное молоко, на лице сияла блаженная улыбка, говорящая о том, что на сегодняшний день ты получил от жизни всё, о чем мечтал. Вдруг ты увидел меня, перестал скрести ложкой, воровато притих, спрятался за банку и, не моргая, вперился в меня глазами из своего укрытия. Это невозможно было не простить.

Кот слушал рассказ о себе молча, улыбаясь и изредка издавая мурлыкающие звуки довольного собою зверя.

— Да, действительно, есть что вспомнить, — сказал он с победоносной улыбкой, когда Кошка завершила вечер новогодних воспоминаний.

Кошка переступила порог балкона и вошла в комнату. Как правило, звук выключаемого телевизора действовал на Кота магически. Он означал, что пора вставать с дивана и отправляться в опочивальню. Они никогда не ложились в постель в ссоре. Так повелось с первых дней. Даже если случался конфликт, они оставляли его за порогом спальни. Кошка считала, что спальня не место для выяснения отношений. Что бы ни происходило до того, ко сну они всегда отходили в обнимку.

Кошка выключила телевизор, и в ту же секунду спину пронзила невероятной силы боль, будто в нее одновременно вонзили несколько огромных ножей и начали медленно поворачивать. Такое происходило в ее жизни и раньше. Ничего удивительного в этой боли не было. Сами прострелы Кошку не пугали, они всегда случались неожиданно и некстати, и первой реакцией был вскрик. На какое-то время боль сильно выбивала из колеи, иногда до такой степени, что в течение пары дней ей было трудно дышать. За последние года полтора боль стала постоянной, вялотекущей, с периодическими резкими приступами. Объяснения этому Кошка дать не могла. Она научилась жить со вставленными в спину ножами и пыталась не обращать на них внимания. Болеть некогда, лежать пластом — тоже. Кошка не любит жалеть себя и потому восстанавливается быстро. Даже после смерти.

Она и сейчас невольно ойкнула, но Кот не проснулся ни от выключаемого телевизора, ни от ее вскрика. Она легла на пол и, преодолевая боль, закинула ноги как можно дальше за голову. Немного отпустило. Кот зашевелился, приоткрыл один глаз, взглянул на часы, повернулся в ее сторону, улыбнулся и причмокнул. На сей раз его шевеление означало: пора отходить ко сну. Стрелки часов показывали половину второго ночи. Он открыл оба глаза.

— У меня спину схватило, — пожаловалась Кошка.

Кот отреагировал молчанием, как и на всё остальное, исходящее от нее в последние месяцы. Единственное, что он сказал за последнее время

более или менее вразумительно, было: «Как ты будешь без меня, если со мной что-то случится?» «Что может случиться?» — спросила в ответ Кошка, решив, что он говорит о своем кризисе среднего возраста. Он не ответил.

Уже через пять минут они лежали в постели, и Кот прижимал ее к себе. Кошка провалилась в сон.

Ей приснилось повторение того, что было на самом деле, словно ей предложили по второму разу пройти урок. Тогда, на дне рождения ее друга, куда Кот, как обычно, отказался идти, она познакомилась с мужчиной из разряда «общительных весельчаков». Говорили они на общие темы не больше десяти минут, но оба почувствовали, как между ними проскочил электрический разряд.

Спустя несколько дней «общительный весельчак» позвонил и предложил встретиться днем — выпить кофе. Кошка согласилась. «Значит, в моей жизни не всё в порядке», — подумала она тогда.

Он заехал за ней, запарковал машину в квартале от кафе, в которое они держали путь, и, переходя дорогу, по-джентльменски обнял ее за талию, когда мимо слишком быстро проезжала машина.

— Кошка! — вдруг раздался за ее спиной знакомый голос.

Она может подписаться под каждым словом фразы «внутри у нее всё похолодело», которую часто используют в любовных романах. Именно это чувство она испытала, словно в ее тело влили жидкий азот — минус 196 по Цельсию. Наверное, так чувствует себя жена, которую в постели с любовником застает муж. Не поворачиваясь, Кошка

убрала руку мужчины со своей талии. Еще секунда ушла на то, чтобы собраться с мыслями. Кошка нацепила улыбку, обернулась и подбежала к стоящей на светофоре машине Кота. Щеки ее пылали.

— Это мой старый знакомый. Мы встретились выпить кофе, — неубедительно затараторила она. Она не могла признаться Коту, что это вовсе не старый знакомый, а самый что ни на есть новый. Как она могла сказать Коту, что с этим мужчиной она едва знакома? Разве могла она сознаться в том, что он ей понравился?

— О'кей, увидимся дома, — прервал ее Кот, тоже улыбнулся, только ртом, без участия глаз, и надавил на газ. Из-под колес повалил дым.

Кошка так и не дошла до кафе со своим спутником, она извинилась и отправилась на работу. Ей было неловко перед обоими.

Вечером Кот был напряжен, ни о чем не спрашивал, видимо, ждал объяснений. Кошка повторила свою утреннюю версию, но уже увереннее, зная, что второй попытки выпить кофе с «общительным весельчаком» не будет.

Вскоре она заметила, что Кот ищет в Интернете информацию о видеозаписывающих приборах-шпионах. Кошка подумала, что он установил в квартире скрытые камеры. Она стала озираться по сторонам в собственном доме, изучать стены и рамы картин. Ощущение дискомфорта не покидало ее и в машине. Садясь в салон, она машинально осматривала пространство вокруг. Никаких камер Кошка не нашла, но неприятное ощущение слезки долго ее не покидало. Со временем оно притупилось, и Кошка продолжала

свой традиционный аутотренинг под названием «Я счастлива».

Три дня назад

Каждое утро неведомые прежде силы подбрасывали Витьку и заставляли бежать к компьютеру, чтобы до ухода на работу черкнуть хоть несколько строк. Сегодня он проснулся с осознанием того, что должен написать важные и безотлагательные слова. Он поцеловал Кошкину спину, не приподняв, как обычно, край одеяла — пожалел ее. В спальне было холодно. Кошка имела привычку круглый год спать с открытым окном, даже в двадцатиградусный мороз. Если он целовал ее, приоткрыв одеяло, то и летом Кошкина кожа покрывалась сотнями тысяч мурашек. Они бороздили по всем, самым потаенным закоулочкам ее тела. «Всё в порядке, спит», — Кот отправился в гостиную, сел за компьютер и набрал пароль почты. Из спальни донеслись шаги. Кот мгновенно перешел на программу виртуальных полетов на самолете и бросил взгляд на часы. Восемь утра. Не ее время. Она не просыпается раньше десяти. В последнее время Кошка спала беспокойно, впрочем, как и он. Однажды, прочитав в газете какую-то статью, она сказала:

— Сколько людей берегут свою душу и попадают на одну и ту же удочку. Представляешь, одноклассники, которые лет двадцать не общались, вдруг бросают семьи, переезжают в другие города, даже страны и вместе начинают новую жизнь. Нельзя же, в самом деле, дважды войти в одну воду и думать, что будешь счастлив в своем прошлом.

Кот был потрясен. Он не знал, что ответить. Он смотрел даже не на нее, а в ее сторону, вернее, сквозь ее рентгеновскую установку. Он боялся, что сейчас она что-то увидит, почувствует и тогда ему — конец. Один-единственный взгляд может выдать его с потрохами, и все его планы рухнут в одну секунду. Сколько сразу возникнет неудобств.

В коридоре чуть скрипнули доски паркета. Кошкины шаги в мягких тапочках были легки. Заспанная, она появилась в гостиной, прикрывая ладонью лицо от солнечного света, струящегося сквозь прозрачные занавески. Кот вскочил с кресла у компьютера и бросился к ней навстречу. Обнял ее теплое тело, и у него защемило сердце: «Что я делаю? Это причинит ей боль».

— Что ты делаешь? — прошептала Кошка, не отрываясь от него. — Мне больно.

Сердце Кота ухнуло куда-то в пропасть. Кошка наверняка услышала, как оно грохочет.

— Ты стоишь на моей ноге и не чувствуешь, что мне больно, — шепотом добавила она.

Сегодня

Кошка открывает дверь. На пороге — Рудик. На голове у Рудика снег. В руках — белый конверт.

— А где Кот? — улыбается она.

— Он уехал, — Рудик смотрит на нее испуганно.

— Куда уехал? — она продолжает улыбаться и высовывается за дверь.

Понятно, что Кот спрятался. Они с Рудиком решили разыграть ее. Вообще, Кот с Кошкой не разыгрывали друг друга. Кошка не любит никаких

розыгрышей, особенно если они могут испугать. Класе в третьем, когда она училась в интернате, какой-то мальчишка неожиданно громко крикнул за ее спиной. Видимо, в тот момент она пребывала в состоянии настолько глубокого погружения в свои мысли, что от этого крика у нее буквально подкосились ноги. Они стали чужими, ватными, и она осела. Потом она заметила, что, когда ей снится что-то страшное, от чего надо бежать, ее ноги не двигаются, а когда ей хочется крикнуть во сне, что-то сдавливает ее горло и она не может издать ни единого звука. Этот ужас она ощущает настолько отчетливо, что, просыпаясь, не сразу приходит в себя. Ей не по себе и от страшных снов, и от розыгрышей наяву. Не любит она и когда люди общаются не прямо, а загадками. Да и в женщине, по ее мнению, не должно быть никакой загадки. Лучше, когда всё просто и понятно. Загадка в женщине, по ее мнению, придумана манипуляторами обоих полов. Если между людьми нет тайн, их отношения не будут омрачены разгадыванием ненужных пазлов игры «Что ты имеешь в виду?». Давно, в первые дни их знакомства, Кошка сказала Коту о своих соображениях по этому поводу. Казалось, он понял.

— Мне трудно находить общий язык с теми, кто говорит одно, а имеет в виду другое, — поделилась с ним Кошка, — я не понимаю, когда говорят: «Я не это имел в виду».

Тем не менее Кот часто пользовался именно этим приемом. Прошло немало времени, прежде чем она поняла, что Кот делает это не специально, он так привык. «Я не это имел в виду» — его тайм-аут, время на поиск удобного варианта ответа. В последние

месяцы он всё чаще что-то «имеет в виду» и совсем перестал отвечать на ее вопросы. Вместо ответов из его рта доносится мычание. Он смотрит на Кошку растопыренными, невидящими глазами. Она думала, что он вошел в период возрастного кризиса и в чем-то не может разобраться. Кошка предлагала помощь, умоляла говорить с ней, уверяла, что всё пройдет, надо только выговориться. Но достучаться до его закрытой двери было невозможно.

— Тебе что, не хватает мужества в чем-то сознаться? — подходила она с другой стороны. — Давай сделаем это вместе, я тебя не оставлю, помогу. Вдвоем легче решать проблемы. Собственно, проблем нет, есть решения.

Он не отвечал. Тогда Кошка написала:

Весь мир

Погода бездарная, кот удирает к соседям, за стенкой включают хард-рок, и посуда трясется, ты снова твердишь, что зимой никуда не поедем. Погода бездарная, с полным отсутствием солнца. Ты снова не в духе, мне боязно в это внедряться, в себя замыкаешь разряды и тонкие нити, а мне не хватает разрядки и бурных оваций, а также полуденной дымки и солнца в зените. Похоже, что жизнь обретает свои очертанья, погода бездарна, но, впрочем, она не помеха, сумею придумать и этой погоде название, вы оба не в духе, и мне не до шуток и смеха. Молчать неуютно, слова не вмещаются в мысли, и дело не том, что погода бездарна, соседи в отчаянии. Над нами не тучи, а годы свинцово нависли, посуду трясет

не хард-рок за стеной, а молчание. Уж лучше б не рядом, а клавишами с перепиской, сквозь сеть виртуальную, следуя призраком моды, подумав подольше, состряпать приятное близким, когда ни соседей за стенкой, ни серой погоды.

Но нет, ты под боком, уже не твердишь и не смотришь, и даже лицом ты не здесь, невзирая на ужин, ты буднично так ударяешь, безмолвно, наотмашь, по клавиатуре, по мне и тому, что не нужно. Ночами не спится. И здесь не погода виною, и даже совсем не любовь, что заполнила мысли, и вовсе не то, что соседи шумят за стеною, весь мир для любви — это тучи, что плотно нависли.

Назавтра, когда распогодится, станешь добрее, соседи с хард-роком за стенкой и я не достану. И черт с ним, с котом, пусть гуляет себе и жиреет, как, впрочем, и ты, не сходящий с ума и с дивана.

Я выйду на улицу, пусть и погода бездарна, зато у меня на душе — середина июня. В соседнем киоске — обложка с журналом бульварным — блестит, словно утренним зовом — с конфорки — глазуня. А что, если взять, укатить с незнакомым мужчиной за тысячу верст, где не ходит нога человека? Забыть о тебе, о соседях и прочих причинах, о том, что зовется сегодня издержками века. Не зная по имени, с кем целовалась под небом, нырнуть в глубину океана, в восторге от счастья, вино из бутылки — с закуской — горбушкой хлеба, и пусть телефон разорвется на мелкие части. И пусть в это время ты где-то ворчишь

о погоде, и кот удирает из дома, презрительно фыркнув. Соседи — в хард-роке, в нирване, в любви и свободе. Весь мир для погоды — лишь солнце сквозь тонкую дырку.

В заштопанном небе рассеются черные тучи, ты всё отстучишь и отправишь последнюю почту. Погода, соседи и кот стали тише и лучше, и лишь между нами всё зыбко и очень непрочное. И всё, что тебе остается, — придумывать будни. Погода бездарна. И в праздники нету просвета. По клавишам бить и дышать, как потерянный путник, курить, наслаждаясь двадцатой за день сигаретой. Ты снова не в духе, и гренки невкусно остыли. С тобою давно мы словами не вяжем узоры. Я даже не помню, когда мы счастливыми были. Весь мир для тебя — это путь от двери до забора.

Лет десять уже мы играем с тобою в молчанку. Я ради прикола в прозрачность войду пеньюара, но ты не заметишь ни стройности ног, ни осанку, весь мир для соседней — за стенкой молчащая пара.

Отправлю любовную, щелкнув спеша, эсэм-эску, я помню, как было: влюбленным ночами не спится. На небе июньском звезда раскалилась до блеска. Весь мир для нее — это крыльями бьющая птица. Мне боязно даже тебя потерять в одночасье. В конце-то концов, ты хоть что-то когда-то потребуй. Ты помнишь, как мало и много нам надо для счастья? Весь мир для меня — от забора до синего неба.

Но я излечусь, невзирая на градус погоды, открою все ставни и дождь нарисую на море.

Пусть кот удирает к хард-року сквозь стены и годы. Весь мир для него — это дырка в соседском заборе.

Кошке предстояло важное знакомство. К ним в гости приезжал отец Кота, Михаил Викторович, которого все в семье, кроме Кота, звали Михалыч. На сей раз ему ничего не помешало. В день приезда папы Кот отправился в аэропорт, пока Кошка накрывала праздничный стол. Она ждала папу Кота и была уверена, что ей удастся найти с ним общий язык. Обычно родители ее мужчин относились к ней хорошо, даже любили ее и, как ни странно, оставались с ней в хороших отношениях и после расставания с их сыновьями. И вот наконец раздастся звонок в дверь. Улыбаясь, Кошка бежит к двери и открывает ее. Перед ней на пороге стоят два Кота, один — старше и седой. Такой же невысокий, такие же залысины, такие же голубые шkodливые глаза. Кот-старший поглядывает на нее прищурившись и, как ей показалось, несколько игриво.

— Рад знакомству, — говорит он, протягивает руку и по-простецки: — Михалыч.

— Я тоже рада, — говорит Кошка, — Витя много рассказывал о Вас и очень надеялся, что на этот раз поездка не сорвется.

— А почему она могла сорваться? — спрашивает Михалыч и вопросительно смотрит на сына.

— Не, ну сколько раз ты говорил, что приедешь, а сам не приезжал, — несколько растерянно отвечает Кот и уносит чемодан отца в специально

приготовленную для него комнату. Михалыч вытаскивает из кармана магнитик на холодильник и торжественно протягивает его Кошке.

— Это вам, — говорит он победоносно, — Вы, конечно, не знаете, что это за улица.

— Крещатик, — отвечает Кошка.

Михалыч погрустнел. Кошке показалось: он даже расстроился, что не смог преподать ей урок киевской истории. Пока она не могла сформулировать, какое первое впечатление сложилось у нее от Михалыча. Кот рассказывал, что родители жили мирно, он не помнит, чтобы мать закатывала отцу скандалы, когда тот возвращался поздно или выпившим. А выпившим он приходил часто, но не буянил, а мирно укладывался спать. Кот говорил, что мама с пониманием относилась к божественному образу жизни, который вел отец. Он — художник со своей мастерской не где-нибудь, а на Андреевском спуске. Мастерская выдана, между прочим, мэрией города. Место это очень популярно среди представителей творческой интеллигенции и, как следствие, среди туристов, которые приезжают сюда, чтобы купить работы местных художников и послушать неформальных музыкантов. Вроде, с одной стороны, Михалыча можно назвать интеллигентным человеком, но с другой — Кошка увидела в нем снобизм. Он читался и в этом высокомерно-поучительном «Вы, конечно, не знаете, что это за улица», и в том пренебрежительном взгляде, которым он осматривал картины, висящие на стенах Кошкиного дома. Коллекция живописи и графики была дорога Кошке тем, что эти работы ей подарили сами художники — ее друзья,

а некоторые из картин и вовсе были написаны специально для нее. Кошке показалось странным, что ни одну из работ своих известных и высоко почитаемых в мире живописи коллег отец Кота не прокомментировал.

Она поспешила скрасить свою неловкость от чужого высокомерия и пригласила всех за стол. Отец Кота вытащил из портфеля литровую бутылку водки и поставил ее на стол. От крепких напитков Коту всегда становится плохо, и Кошка была уверена, что водка предназначается Михалычу, а Кот будет пить вино. Он действительно попытался было сказать отцу, что, мол, водка у него плохо идет.

— Сынок, ты что, не мужик, что ли? — перебил его отец и налил в две рюмки.

Первая была выпита «за приезд», после чего Михалыч, закусив соленым огурцом, тут же налил вторую.

— Давай, сынок, за маму, — сказал он и опрокинул рюмку.

Еще через минуту ушла третья — за бабушку с дедушкой. Четвертую он шлепнул за двоюродных братьев и сестер. Катя вспомнила, что точно так же в детстве ее кормила мама, только, разумеется, не водкой, а манной кашей, — за маму, за папу, за бабушку, за тетей, дядей и остальных, менее значительных членов семьи. Эта кормежка превращалась в нескончаемую муку и для маленькой Кати, и для мамы, которая никак не могла поверить и принять, что еда у ее дочери стоит поперек горла, и родственники здесь ни при чем. Когда у Кошки появилась своя дочка, она никогда не пыталась накормить ее таким варварским способом.

Содержимое бутылки исчезало на глазах. На оприходованной первой четверти литровки в речи Михалыча появились агрессивные нотки, такие же, как у Кота, когда его развозило. Через пол-литра из отца выполз сыновний комплекс неполноценности под названием «Я-для-нее-недостаточно-хорош». Кошка буквально почувствовала, как этот комплекс, словно мячик от пинг-понга, перекидывается с Кота на отца и обратно. От первоначальной приветливости Михалыча не осталось и следа. Перед Кошкой сидели два набывчившихся пьяных мужика.

— Спой, — вдруг коротко приказал отец.

«О, мы уже на “ты”?» — удивилась про себя Кошка. — Ну ладно, всё-таки это папа Кота. Сейчас я спою, и он подобреет». Она взяла гитару.

Спеть Кошка успела только одну, оказавшуюся первой и последней песню в эксклюзивном концерте для папы, как он влил в себя очередную рюмку, икнул и сказал:

— Ф слофе «квартал» — удрение на перм слоге. (С мягким «г».)

— Что? — не поняла Кошка.

— В слове «квартал» — ударение на первом слоге, — громко повторил Михалыч, стараясь звучать как можно более отчетливо.

— «Квартал» произносится с ударением на второй слог, — тихо, с вежливой улыбкой ответила Кошка, как бы извиняясь за русский язык. На самом деле она подумала, что отец Кота шутит. Но он бросил на нее испепеляющий взгляд, от которого Кошке стало жутковато. Она поняла, что Михалычу не до шуток. Но не будет же она

спорить с пьяным человеком, тем более на почве языковедения.

Ей достаточно чужих уроков.

За пару месяцев до его приезда в русскоязычной нью-йоркской диаспоре спор двух журналистов — «знатоков» и «ценителей» родной речи — закончился плачевно для обоих. Один из них, 65-летний ветеран журналистики, завершил торжественный обед в неотложном отделении больницы. Второй, 52 лет, загремел на полтора года в тюрьму. А завязка была как у культурных людей. Журналисты мирно спорили по поводу ударения в слове «досуг». Оказывается, у интеллигентных гуманистариес мнения на этот счет могут различаться. Тот, который помоложе, доказывал своему старшему коллеге, что следует говорить «досуг», с ударением на первый слог. Старший категорически не соглашался с юным журналистским дарованием. «Правильно говорить “досуг”, с ударением на второй слог», — утверждал старший и был прав.

Примечательно, что литературный диспут двух интеллектуалов происходил в главной синагоге Нью-Йорка во время торжественного мероприятия, посвященного двадцатипятилетней годовщине марша на Вашингтон в защиту еврейской эмиграции из СССР. По случаю праздника в банкетном зале синагоги собрались несколько сотен авангардных представителей русскоязычного еврейства, в числе которых — и оба этих журналиста. Они должны были освещать важное событие в печати. Но филологические дебаты двух образованных людей затмили праздник и вывели их имена на первые полосы русских и американских газет. Сначала тот,

который «досуг», плеснул вино из бокала в лицо коллеге-«досугу», затем, решив, что джентльменским способом старший коллега не выучит русский язык, разбил о край стола бокал и одним ловким движением вставил получившуюся стеклянную «розочку» в щеку собрата по перу, чуть ниже глаза. Раздались крики томных дам в вечерних платьях со стразами, на белую скатерть брызнули драматичные капли крови, покачнулся неугасимый светильник. Вечер пошел в другое русло, с неожиданной для всех присутствующих развязкой.

Брутальные полицейские, металлические наручники, позорный суд, перепуганные свидетели, алчные адвокаты, горячие темы для радио и телепрограмм, всеамериканская слава, непочетная известность, высокие рейтинги газет, но всё же тюрьма и забвение молодого журналиста. Старший представитель древнейшей профессии, который «досуг», был защит пластическим хирургом и сейчас по-прежнему ведет радиопрограмму.

Кошка не хотела повторения этой истории и потому спор с Михалычем решила свести на нет.

— Хорошо, я согласна, пусть будет «квартал», — сказала она примирительно и попыталась незаметно убрать со стола оставшиеся четверть литра водки. Но не тут-то было.

— А вот это не надо, — закричал Михалыч, вцепившись двумя руками в бутылку, — я не только художник, но и сценарист, я знаю и русский, и украинский.

Кошка не уловила связи между водкой, профессией и знанием двух похожих языков, тем не менее сжала челюсти и закрыла рот на замок. Почувяв, что обижают родню, напрягся и Кот.

— Папа добрый, — прокричал он тост, наливая водку, — я это точно знаю.

И выпил залпом. Отец одобрительно показал сыну большой палец, а указательным — пригрозил Кошке. Ноздри его раздувались.

Это было уже слишком. Вступать в перепалку с двумя пьяными мужиками было нельзя. Лучше отдышаться и дать им время остыть.

— Пойду-ка я погуляю, — сказала Кошка и направилась к двери.

Кот отбросил стул и рванул следом за ней.

— Как ты можешь обижать моего папу? — орал он на лестничной клетке, пока она ждала лифта. — Я не видел его столько лет. Тем более что у него был инфаркт, и ты это прекрасно знаешь.

Да, Кошка знала, поэтому ей было вдвойне непонятно: зачем после инфаркта столько пить? Она вышла на улицу. Кот топал за ней размашистым шагом. Он схватил ее за руку и икнул.

— Куда ты?

— Оставь меня в покое, — пыталась вырваться Кошка, — дай мне отдохнуть от вас обоих.

— Ах, так? Ты устала от меня и моего папы? — завопил Кот, преграждая ей дорогу.

Из окон стали высовываться жители соседнего дома. Кто-то вышел на балкон. Жильцы ближайшей к их импровизированной сцене квартиры всем испаноговорящим семейством, включая грудных детей и собак, как в кинотеатре, сели на подоконники с ведрами попкорна. Кошка с Котом достаточно долго выясняли отношения, и в самых громких сценах благодарные зрители на испанском языке давали советы действующим лицам

их персонального фильма. Несколько раз Кошка порывалась уйти, но зрители свистели и хором, как сороки, отпускали недовольные реплики. Кот ее останавливал, но не для того, чтобы вернуть домой, а чтобы еще и еще раз повторить, как она не права.

— Ты должна извиниться перед папой, — закричал он.

— С какой стати? — возмутилась Кошка.

— Ты его оскорбила. Он тоже знает русский язык.

— Если бы он знал русский язык, то не говорил бы глупости.

— Ты моего папу дураком назвала? — продолжал нападение Кот.

— Господи, ну нельзя же быть таким идиотом, — тихо сказала Кошка и вздохнула, — и еще, запомни и повтори: в слове «квартал» ударение ставится только на второй слог.

— Квартал, — послушно и тихо сказал Кот.

— Скажешь отцу, что он не прав? — спросила Кошка.

— Скажу, — ответил Кот и, подумав, добавил, — не сегодня.

От Кота и раньше нельзя было ожидать поддержки перед своими. При чужих людях он мог броситься на защиту Кошки даже в отсутствие реальной опасности. Он готов был сражаться ради нее в кулачном бою, но при возникновении словесного конфликта у Кошки с кем-то из знакомых, даже если правда была на ее стороне, Кот пасовал.

— Не обращай на нее внимания, — трусливо и негромко говорил он Кошкиному оппоненту.

Его малодушие отдавалось в Кошке физической болью, но она упрямо верила, что сможет втолковать ему, словно ребенку, что такое хорошо, а что — нехорошо. Она говорила ему, что двое любящих людей должны быть в одной связке, играть в одни ворота, в конце концов, защищать друг друга. Кот кивал, соглашался и... в следующий раз делал то же самое. Кошка хотела думать о нем хорошо, но он всё реже давал ей такую возможность. Она понимала, что никакого расчета по отношению к Коту у нее нет и быть не может. Но почему она не могла оторваться от него, человека, которому нельзя доверять? Что ее держало с ним? Хороший секс? Но ведь это слишком примитивно для женщины, которая смотрит на окружающих людей с точки зрения порядочности. Боялась остаться одна? Но разве не она говорила себе, что пусть лучше на тебя показывают пальцем, что ты без мужика, чем шепчутся за спиной, что твой мужик — говно. Не могла она признаться в этом себе самой. Ей было проще пребывать в отрицании и смириться, чем расстаться с ним. Наверное, если бы он устраивал ей скандалы или хоть один раз поднял на нее руку, это решилось бы гораздо быстрее и само собой. Да и каждый раз, когда она выгоняла его «навсегда», через короткое время она начинала чувствовать, что ей не хватает его присутствия, его тепла, его крепких рук. Без него она задыхалась.

Через неделю отец уехал, пожав ей на прощание руку и даже приобняв по-дружески. От его пребывания в доме еще долго витал неприятный осадок. Кошка с Котом отдалились друг от друга

на каком-то очень тонком уровне. Внешне всё оставалось как прежде, но какая-то струна лопнула, еще одна струна. На арфе их совместной жизни оставалось всё меньше струн, да и те, что пока имелись, звучали расстроенно и невпопад.

Сегодня

В салоне самолета душно. Витька заказал водку с томатным соком, сейчас это правильный напиток — поможет отключиться от глупых мыслей. Стюардесса ставит перед ним стакан с «Кровавой Мэри», он делает несколько глотков. Тепло разливается по телу, и вновь подступают слезы. Ничего, скоро пройдет. Он быстро впишется в прошлое. Он пьян, но события последних дней и сегодняшнего утра помнит в мельчайших деталях, по минутам.

Три дня назад Кошка вернулась с работы, как всегда, в хорошем настроении. Он поцеловал ее. Что он почувствовал в тот момент? Скорее всего, щемящую благодарность за все годы. Затем был неизменный ритуал — ее раздевание в спальне. Как всегда, просто, без желания соблазнить, она снимала с себя одежду и делилась новостями. Потом отправилась в душ. Витька стоял на пороге ванной комнаты и сквозь прозрачную занавеску с нарисованными рыбками смотрел на ее стройное тело. Ему было невыносимо плохо оттого, что он больше не увидит ее, не услышит ее тихого, почти бесшумного дыхания, не ощутит тепла ее совсем недавно желанного тела, не услышит рассказов о проведенном дне, не будет свидетелем рождения

ее песен. Сила, отрывавшая его от Кошки, была непреодолимой. Казалось, что всё его прошлое застыло на время жизни в Америке, что все эти семнадцать лет он смотрел на остановившиеся часы, зная, что когда-нибудь усилием воли сможет их завести.

Он помнит, что на обед были суши, потом он уснул прямо на диване и очнулся от звука выключаемого телевизора и жалоб Кошки на боль в спине. Он с удивлением обнаружил, что эта новость ему безразлична. В постели он прижал к себе Кошку и изумился, что ему удалось сделать это по-дружески. Он успокоил себя тем, что по-другому — будет кощунственным по отношению и к ней, и к его новой жизни.

А вчера, в последнюю его ночь в Америке, у него ныло внутри сердца. Кошка уснула, и он, впервые за все годы, отодвинулся далеко, на другой край кровати, как на другой край земли, всю ночь не спал, мучился, смотрел на часы, вздрагивал, всхлипывал и не мог дождаться утра.

В шесть утра он вскочил. За окном было еще темно. Витька заварил кофе, надел курительную куртку и вышел на балкон. Мороз ударил по коже. На тротуар бесшумно опускался снег, укладываясь слоями невесомого пуха. Он подул на перила, пуховый снег взлетел сначала вверх, потом вниз, меняя направление от легких порывов ветра. Витька подумал, что вся его жизнь, как этот снег, зависит от легкого дуновения. Он выкурил натошак одну за другой две сигареты и залпом выпил чашку кофе. От волнения тряслись руки. Неслышно он зашел в спальню. Кошка лежала спиной к двери,

свернувшись клубочком, укутанная до самого носа. Витька аккуратно отодвинул край одеяла и поцеловал ее, как делал каждое утро. Она зашевелилась, приоткрыла один глаз, улыбнулась и мяукнула. Витька вздрогнул. Обычно она не просыпалась от его прикосновений. Сердце грохотало, Кошка могла услышать эти раскаты. Но она перевернулась на другой бок и провалилась в сон. Ему стало чуть легче. Он постоял пару минут, глядя на ее укутанную спину и раскиданные на подушке волосы, на цыпочках вышел из спальни и закрыл за собой дверь. Путь по коридору до гостиной вызвал в нем воспоминания девятилетней давности, когда позвонила Кошкина подруга.

— Витёк, тебя хочет Катька, — весело сказала Маша.

— В каком смысле? — не понял Витька.

— Как мужчину.

— Ты ничего не путаешь? Разыгрываешь меня?

— Нет, правда. На одну ночь, — засмеялась Маша.

— Такого не может быть. Зачем я ей нужен? — от смущения хихикнул он.

— Ну, это мне тоже непонятно, — согласилась Маша, — раньше за Катькой такого не наблюдалось.

Ни квартиры, ни денег, ни постоянной работы у него не было. Исключено, чтобы Катька могла пожаловаться на недостаток мужского внимания. Длинные русые волосы, голубые глаза, стройность и женственность фигуры, мягкая, но уверенная походка — всё в его вкусе, да и не только в его. «Но на фига ей я?» — думал Витька. Он соврал

Катькиной подруге, что у него катастрофически нет времени. Струхнул. С Катькой надо говорить. А какие темы для разговора мог предложить он? О театре? Нет, конечно. Он не театрал. О книгах? Тоже нет. Книг он не читает. О кино? Те фильмы, которые он смотрит, — боевики — наверняка ей неинтересны. О музыке? Она точно не слушает клубную музыку диджеев, от которой он тащится. Стихов он не знает, в поэзии и авторской песне не разбирается. О чем же он раньше разговаривал со своими пассиями? Он не помнил. Наверное, их интересовало то же, что и Витьку. Тогда ему было неважно, на какую тему говорить, лишь бы не думать. А с Катькой — надо думать.

Через пару месяцев после Машиного звонка Витька пришел на день рождения к приятелю и увидел Катю. Она заговорила с ним первая. Весь вечер они просидели рядом. Потом она привезла его к себе домой. На одну ночь. Так и сказала: «Ты здесь — на одну ночь». Впоследствии она любила подчеркивать, что выбор сделала именно она. Впрочем, если бы выбирал он, то его выбором стала бы именно она.

Их жизни переплелись сразу. Они и предположить не могли, что одна ночь выльется в девять лет. За эти годы они прошли сквозь громкие ссоры и разрывы «навсегда», сквозь ревность и скандалы, признания в любви с разодранными об асфальт коленями и всепоглощающую ненависть друг к другу. Прошли они и сквозь мужчин, добивавшихся ее расположения. «Некоторым это наверняка удалось», — думал Витька, и желваки его вздувались. Катька мужественно помогала ему избавляться

от комплексов и вредных привычек. Они вместе переступали через потрясения и проблемы и всегда возвращались к тому первому вечеру, когда сидели на ее кухне и пили кофе. Он хотел подойти к ней и поцеловать, но не знал, как преодолеть ширину стола. Оба были смущены, но кто-то должен быть первым.

— Я в душ, — коротко сказала она и встала из-за стола.

«Наверное, с Котом что-то случилось, и Рудик не знает, как об этом сказать», — проносится в голове у Кошки. На лбу выступает холодный пот.

— Он уехал в Киев. Навсегда, — Рудик вкладывает в ее руку конверт и ключ от квартиры.

Она умерла. Нет, не так. Сначала умерли ее ноги. Нет, опять не так. Они стояли на паркете, внутри тапочек, еще чуть влажные после душа. Но это были не ноги, а два столба весом в несколько тонн каждый. Столбы не двигались. «Значит, это не мои ноги, — подумала она, — значит, моих больше нет. И меня нет». Ей хотелось ущипнуть себя, чтобы убедиться, что она есть. Но ущипнуть было нечем — рук тоже не было. И они умерли. Вместо них свисали две чугунные гири.

— Заходи, — сказала она, не видя Рудика.

«Yesterday all my troubles seemed so far away», — не умолкало в ее голове. Закрылась дверь. На Кошку навалилась стена, а между пальцев застрял белый конверт и ключ.

— Внутри — письмо от Вити, — гулко прозвучал в ее голове голос Рудика. — Он хотел, чтобы

я оставил у швейцара, но я подумал, что дать его вам в руки будет правильнее.

— Как уехал? — не открывая рта, спросила она.

В ее пустоте сейчас были только два этих слова на русском и одно — yesterday — на английском. Рудик продолжал что-то говорить — то в ее голове, то вылезая из нее наружу. Потом ее мозг произнес: «Зачем уехал? Почему у швейцара?» Некоторое время она бормотала что-то еще в вопросительной форме. Рудик тоже издавал какие-то звуки. «Катя, главное — не спрашивать “За что?” и не жалеть себя», — выстрелило в ней. Она послушно перешла на утвердительную форму.

— Такого не может быть.

— Он всё объяснил в письме, — тихо сказал Рудик. Слово чьи-то чужие, не ее, руки разорвали конверт и развернули листок. Напечатанные слова были составлены в предложения.

«Катюша! Ты была права, у меня не хватило мужества сказать тебе это в лицо. Когда ты будешь читать это письмо, я буду лететь самолетом в Киев. В последнее время многое изменилось и в моей жизни, и в наших отношениях. В этой стране я начал жить неправильно с момента своего приезда. Сейчас сложно что-то исправить: начиная с иммиграционных документов и заканчивая моей кредитной историей. Совсем недавно мне предложили хорошо оплачиваемую работу в Киеве. Я точно знаю, что, если бы начал разговор с тобой о моем переезде туда, он бы ничем, кроме скандала, не закончился. Ну и самое главное: я чувствую, что обременяю тебя, тащу назад, сбиваю с твоего жизненного пути. Мы движемся с одной скоростью,

в одном направлении, на одном поезде, но ты едешь в первом вагоне, а я — в последнем и мне никогда тебя не догнать. Ты навсегда останешься в моем сердце. Ты — самое лучшее, что случилось в моей жизни. Я желаю тебе как можно скорее встретить достойного тебя человека. Я буду молиться за тебя и знаю, что настанет день, когда я отвечу перед Богом за всё, что сделал тебе плохого. Прости меня, если сможешь. Я очень надеюсь, что мы останемся друзьями...»

Еще там было про деньги, которые он хочет передать для Кошки, как только Рудик продаст его машину, и про то, что она должна переехать в другую квартиру в этом же доме, а Рудик поможет перевезти вещи, и о том, что до недавнего времени никто не знал о его отъезде, включая его самого.

Это был удар. Она даже не поняла, что поразило ее больше: сам факт его отъезда или грамотное, образное письмо. Будто писал кто-то другой — с таким изяществом Кот изъясняться не умел. Наконец она увидела Рудика с лицом цвета белого конверта, который он привез.

— Ты уверен, что это письмо — от Кота и для меня? — спросила она, крутя в руках листок бумаги.

Рудик кивнул и развел руками. Постепенно ее ноги стали терять в весе. Она оторвала тело от стены и рухнула на диван. Рудик сел в кресло и сказал, что до последней минуты умолял его опомниться, что он сам не понимает, зачем Кот так поступил.

— Рудик, он ведь не ушел, а сбежал, как трусливый солдат с поля боя, — тихо сказала она.

Вскоре Рудик уехал, а Кошка продолжала сидеть, вросшая в диван. Потекли слезы. Много слез. Реки слез. Нет, океаны слез. Не останавливая этот слезный поток, она обратилась к тому, что осталось от Кота, — к его креслу, повернутому в сторону компьютера.

— Ты прав, от сильных женщин не уходят, от них бегут. Бегут вот так, без предупреждения. Только моя любовь могла дать тебе силы бросить меня именно так. Любой другой вариант был бы неправильным. Так отрубают хвосты собакам. Одним махом. Больно, зато быстро. Пилой — было бы невыносимо. А ты ведь — за гуманное отношение к животным, поэтому — топором.

Захлебываясь слезами, она перешла в режим догадок.

— Завтра окажется, что это — шутка или сон. Правда ведь?.. Может, у тебя какие-то неприятности, в которые ты не мог меня посвятить, поэтому тебе нужно было срочно исчезнуть? Не из страны, а из Нью-Йорка, в другой город.. Или тебя разыскивают, угрожают, и ты залег на дно, чтобы у меня не было проблем?.. О, точно, я догадалась: ты должен кому-то много денег и, чтобы не впутывать меня, затаился.

Всю ночь, не сомкнув глаз, она перебирала все возможные варианты, обращаясь к креслу Кота.

— Скоро всё успокоится и ты окажешься рядом, — уговаривала она кресло.

Ей не было жаль себя. Было жаль Кота. Она хотела понять одно: зачем?

Ты написал прощальное, бросил в почтовый ящик, впрыгнул в вагон с вещами, от станции

уходящий, или с разбегу врезался в бой облаков летящих, там подмигнул ты месяцу, словно он настоящий. Мне почтальон послание в руки вложил в смущении, будто бы в нем прощение, будто за ним — прощение. Я за страницей белою не разглядела почерка, что ж я такого сделала, чтобы единым росчерком жизнь зачеркнуть и заново? Времени только хватило бы встретить другого странного, пусть не такого милого и не такого любого, пусть на слова не лестного, я зацелую в губы-то, и ни к чему словесное.

Будет и лучше, знаю я, пусть не такой пленительный, пусть не такими сваями прочно стоящим жителем в сердце моем распахнутом, что до любви так падкое, да не тобою вспаханном, и не такое шаткое. Будет и утро раннее с треснувшими свечами. Будет в горах — признание в новой любви нечаянной. Лодка скрипит у озера, гладь — до мурашек — бритая. За ночь не подморозило — значит, теплом пропитано. Значит, тобой согрета я, чтобы теперь — в безбожие. Песня моя допетая точно по нотам сложена.

Легче писать записками всё, что присуще зрелости, ты и хотел бы высказать, да не хватило смелости. Впрочем, письмо хорошее, всё пожелал ты искренне, будто бы сам стал брошенным мною — такую близкою. Будто бы я уехала тенью своей стыдливою, словно меж нами — вехами — реки с плакучей ивою. Вот так письмо! Я ахнула, словно лишилась силы. Круто меня шарахнуло... или же зацепило?

Витька старался уехать как можно незаметнее, не оставляя следов. Пока Кошка была на работе,

они с Рудиком упаковывали в коробки и отправляли почтой основные вещи и аппаратуру. В шкафах и ящиках он оставил свитера, куртки и даже носки, только в меньшем количестве. Одежду он рассортировал таким образом, чтобы ничто не могло вызвать подозрений. На столе возле компьютера лежали диски с играми и симулятором полетов. В любую погоду, с любой точки, сотни раз он подлетал к Киеву... виртуально. Весь маршрут был известен ему до мелочей. Иногда и Кошка присаживалась рядом, брала в руки штурвал и со словами «Держись, взлетаем» пыталась оторвать от земли виртуальный «Боинг». Глаза ее загорались азартным блеском, она, в роли Анки-пулеметчицы, крепко сжимала тяжелый штурвал, будто вот-вот начнет из него стрелять. Теперь Витька проделывал знакомый маршрут, но уже в реальности, сидя в салоне самолета, а не в воображаемом кресле пилота.

На столе остались и его тетради с разными пометками. Свой отход он — талантливый стратег — продумал до мельчайших деталей. Его ни в чем нельзя было заподозрить.

Витька смотрит на часы — в Нью-Йорке одиннадцать вечера. За окном иллюминатора — черное небо с брызгами звезд. Внизу светятся огни машин, скользящих по снежным дорогам. «Интересно, кто там сейчас сидит и куда едет в этих маленьких машинах? Наверное, Рудик уже привез Кошке письмо. Интересно, что сейчас происходит в ее квартире? — мысли наскскивают одна на другую. — Теперь она будет ненавидеть меня, проклинать, что сломал ей жизнь, что она больше никого не сможет

встретить. Ей не может не быть больно. Она любила меня. Я тоже ее любил. Когда-то».

Кошка говорила, что, если всё время жить прошлым, оно станет твоим настоящим, тогда ты будешь находиться в том месте, которого уже не существует. Значит, и тебя тоже не будет, ибо можно быть только сегодня и сейчас. «Где же сейчас я? — думал Кот. — Я лечу в этом самолете в прошлое. Значит, меня нет. Но я же здесь, тогда кто я? Рудик сказал, что я — сволочь, что мой поступок — не мужской. Но мне есть чем оправдать себя, иначе бы я не смог дальше жить. А я живу. Значит, всё можно оправдать».

Девять дней спустя

Единственную загадку, которая ее мучила: «Зачем?» — помог разрешить сам Кот. Позже появится вторая загадка: «Для чего?» Но этот вопрос уже будет касаться ее дальнейшей жизни и полностью зазвучит так: «Для чего это ей?» Контролировать приступы слез она пока не научилась. Они прорывались внезапно, в самый неподходящий момент. Катю душили рыдания, она выла и раненым зверем каталась по дивану. Казалось, она не сможет справиться с тем, что ее жизнь закончена, что в ней больше нет и не может быть места ни любви, ни счастью, что в таком возрасте, под пятьдесят, она никому не нужна, что она уже не так привлекательна для мужчин, как раньше, что Кот ушел, нет, бросил ее, потому что она намного старше. Он был ее последней любовью, другой уже не будет. Потом она меняла стратегию и уговаривала

себя, что умеет держать удар. Это помогало, и на какое-то время потоки слез затихали. «Всё хорошо, всё хорошо», — повторяла она свою мантру, впечатывая лицо в диванную подушку. Может, счастье и заключается в умении держать удар?

Одним из самых сильных потрясений после литературного наследия в виде письма Кота стала часть его вещей в ящиках и шкафах. Эти вещи он оставил так грамотно, будто никуда не уезжал или... всегда уезжал именно так. Куртки, обувь, свитера, рубашки — всё покоилось на тех же местах, только самой одежды было меньше. Такой отъезд не мог случиться внезапно, как он написал, к такому готовятся заранее.

Несколько дней на его столе лежали нетронутыми блокноты и клочки бумажек с заметками. Кошка неоднократно подходила к столу, намереваясь сложить бумаги, но не решалась и отходила. Кресло оставалось повернутым в сторону стола, словно сейчас в него войдет Кот. Разговаривать с креслом уже вошло у нее в привычку. Она видела сидящего в нем Кота с широко раскрытыми от удивления глазами, как в последнее время.

— Помнишь, — говорила она креслу-Коту, — как я закончила свою предыдущую книгу? «Она целует его, спящего, поворачивается к нему спиной, и спина улыбается ему беззубым ртом выпавшего из засаленной колоды джокера». Заказала, что ли? Или предсказала? Так и случилось, только наоборот, зеркально. Мы с тобой поменялись ролями. Ушел ты, а не я. Ударил! Так меня никто еще не бил.

Никогда она не испытывала такой боли, глубоко внутри, словно там заложили бомбу замедленного

действия, и вот сейчас, кропотливо разрывая каждую клеточку тела, она тягуче детонирует. Жизнь Катю била и раньше, она как-то выкарабкивалась из, казалось бы, безвыходных ситуаций. Это были психологические удары. Лишь однажды она получила сильный, неожиданный физический удар, результат которого оказался скорее комическим, нежели трагическим. Она неоднократно убеждалась в том, что почти любая трагедия спустя какое-то время превращается в комедию.

Это случилось три семилетних цикла назад. Циклами ей теперь считать удобнее. Она отследила четкую зависимость трех, семи и девятилетних циклов от жизненных событий. Все ключевые моменты ее пути происходили именно с такими интервалами и повторялись либо в том же виде, только с другими людьми, либо зеркально. Если когда-то она совершила неправильный поступок по отношению к кому-то, то теперь такой же по сути поступок совершали по отношению к ней. Так бывает, когда прошлый урок остался непроработанным, непонятым или непощенным. Тогда ты получаешь его еще раз — еще одна попытка сдачи экзамена.

Тогда Катя с родителями готовилась к эмиграции. С Центрального московского почтамта она отправляла в Нью-Йорк посылки с книгами. В почтовом зале народу было битком. Катя стояла возле высокого стола и заполняла бланк отправки. То, что произошло в следующий момент, было внезапным, как лобовое столкновение

машин. Неожиданно чья-то рука резко развернула ее плечо и со всей силы ударила ее кулаком в грудь. Всё, что Катя успела увидеть перед собою, — лицо психически больной женщины, искаженное расплывшейся безумной улыбкой, с лихорадочно горящими глазами и всклокоченными волосами. Мгновение спустя женщина растворилась в толпе. Катю парализовало: губы не слушались, руки онемели. Вокруг собралась толпа. Кто-то закричал: «Скорую!» Женщины запаниковали. Катя находилась в сознании, но не могла произнести ни слова и не могла пошевелиться. Ее погрузили в неотложку и оставили в машине одну — ни врача, ни водителя. Задняя дверь была открытой. Вдруг она увидела, как ниже уровня двери возникла и тут же исчезла голова, прикрепленная к маленькому телу. Подпрыгивая, голова появилась второй раз, потом третий. Катя успела разглядеть, что голова принадлежит взрослому человеку, у головы — далеко посаженные друг от друга глаза, большой рот и кучерявая шевелюра. Было похоже, что голова пыталась взобраться внутрь машины. Наконец она подпрыгнула выше и, вместе с телом, заскочила в салон. Тело принадлежало улыбающемуся карлику в белом докторском халате.

— Ух, жарко-то как, — дискантом пропел карлик, вытер вспотевший лоб рукавом и подковылял к Кате, — сколько вам лет?

— Двадцать семь, — скорее чревовещательно, чем членораздельно прошептала она пересохшими губами.

— Тогда будем использовать одноразовый шприц, — хихикнул разобравший ее чревовещание

карлик, — была бы старше, и шприц был бы как всем. Хи-хи-хи.

Не успела Катя спросить: «А как — всем?» — как в ее задницу молнией вонзилась игла. Неизвестно, что было больнее — удар в грудь сумасшедшей или лечение последствий удара карликом. Всё, что болело до этого, было уже не в счет — оно не шло ни в какое сравнение с уколом в исполнении карлика. Речь понемногу начала возвращаться, но онемение рук не проходило. Карлику что-то не понравилось, и он решил ее госпитализировать.

Первым делом по прибытии в больницу Катя позвонила из автомата Пашке. Через полчаса он вбежал в ее палату и стал целовать ее руки и лицо.

— Топотушка, как же так? Что случилось? — на глазах Пашки блестели слезы.

Они познакомились три месяца назад случайно, оказавшись в одной компании, и влюбились друг в друга сразу и безвозвратно. Пашка признался ей в любви на второй день. Катя была потрясена стремительностью пришедшей к ней взаимной любви. Это было очень сильное и страстное чувство. Ничего подобного она никогда не испытывала. Она с ужасом думала о том, что ее отъезд неминуем, билеты на самолет Москва — Нью-Йорк уже на руках, но и остаться было невозможно — точка невозврата была пройдена. Гражданства ее лишили и, кроме выездной визы, у нее не было никаких документов. Они решили, что Пашка поедет следом: Катя отправит ему вызов, как только освоится в Штатах.

Проводы в Шереметьево были тяжелыми. Они с Пашкой стояли одни посреди огромного пустого

зала, в который он прорвался через пункт таможенного контроля, и рыдали. Он схватил ее в охапку и не отпускал. Всегда подозрительные таможенники не обращали на них внимания. С трудом оторвавшись от Пашки, она сделала несколько шагов вперед.

— Катюшка-топотушка, скоро мы будем вместе навсегда. Потерпи немного, — закричал он в ее спину, уходящую в другую жизнь.

Потом Катя звонила ему каждый день из первого попавшегося телефона-автомата. Тогда, в девяностом прошлого века, не было ни Интернета, ни мобильных телефонов. В бездонное чрево уличного автомата в Нью-Йорке нужно было забрасывать огромное количество «квотеров» — двадцатипятицентовых монет. Делать это следовало быстро, иначе диспетчер начинал говорить в трубку непонятные слова и звонок срывался. Они оба ревели в голос, теперь уже — на разных концах телефонного провода, и оба не сомневались в скорой встрече.

И вот — радость — вызов готов. Катя звонит ему — сообщить радостную весть, но слышит Пашкины сомнения: с одной стороны, он хочет быть с Катей, а с другой — не может оставить маму с больным сердцем.

Судьба, как известно, вносит свои коррективы. Первый месяц Пашка говорил, что надо немного подождать, второй месяц был посвящен маме, которой «стало хуже». Но и Катина жизнь не стояла на месте — надо было как-то крутиться, выживать, привыкать к чужой стране, учить язык, искать работу. Время шло. «Наверное,

если бы наша любовь была проверена испытаниями и, главное, временем, она бы выстояла, — думала Катя, — значит, это была не любовь, а страсть, очень сильная страсть».

Через три месяца звонки стали уже не такими частыми. И в какой-то момент, поняв, что больше не может находиться в подвешенном состоянии и оставлять Пашке надежду, она набралась духа и позвонила в Москву.

— Прости меня, — кричала она в трубку, стоя посреди шумной манхэттенской улицы. Изумленные прохожие поворачивали головы и с удивлением смотрели на ее зареванное лицо, — я последняя сволочь. Я себе этого не прощу.

— Ты всё равно останешься моей Катюшкой-топотушкой, — прокричал в ответ Пашка, и связь прервалась... Навсегда.

Каждую свободную минуту Кошка разговаривала с креслом-Котом.

— Я еще немного поговорю с тобой и замолчу, — обращалась она к креслу.

Она настолько хорошо думала о Коте, что плохие мысли в ней просто не могли поместиться. Его бегство она называла самоубийством, считая, что это тоже — шаг. Подсознательно, очень глубоко под сознанием, она была готова к такому исходу. Конечно, в его жизни годы с ней были лучшими, в этом он прав, но у нее бывали моменты и поярче, и поинтереснее, чем с ним. С ним были привычные и комфортные, но не лучшие девять лет.

Вскоре она уже беседовала с воображаемым Котом как с учеником, которого в выпускном классе не допустили к экзаменам, а отправили назад — в первый. Ей представлялся невысокого роста, с залысинами дядька в блестящей после неаккуратной глажки школьной форме синего цвета образца семидесятых прошлого века. На ногах у дядьки — покрытые строительной пылью желтые ботинки американских работяг — любимая часть униформы Кота. Рядом с первоклассником-переростком — гордые предки. У мамы в руках — букет несвежих, склонивших головы ромашек, сорванных вчера на даче, на берегу Днепра. Папа торжественно держит отпитуя на три взрослых глотка литровую бутылку водки, перевязанную красной ленточкой, — презент директору школы. У первоклассника Кота вместо портфеля американский чемодан на колесиках, кстати, Кошкин. Внутри в качестве учебников диск с симулятором полетов, программа по изучению немецкого языка, пара трусов, запасные носки, бутерброд из «Макдональдса», несколько пакетиков с кетчупом из того же общепитовского заведения, банка кока-колы и советско-патриотическая сгущенка. Во внутреннем кармане школьного пиджака — мобильник, выставленный в режим вибрации. Задний карман брюк распирает кошелек, порванный в нескольких местах и распухший от визитных карточек нужных людей и фотографий двух сыновей. (Это всё же современный вариант первоклассника.) И тут — первый звонок — громкий и многообещающий, как и вся его жизнь.

Телефонный звонок прервал Катины мысли. Мужской голос с едва уловимым русским акцентом сказал:

— Hi, I'd like to place an order, please.

— Вы говорите по-русски? — спросила она.

— Да, я бы хотел сделать заказ.

— А куда вы звоните?

— В ресторан.

— Вы ошиблись. Это квартира.

— У вас очень знакомый голос, — сказал мужчина после короткого замешательства.

— Вполне возможно, все мы немного знакомы, — безучастно ответила Катя.

— Наверное. Извините.

— Удачно вам поужинать, — она дала отбой.

Обращаясь к креслу-Коту, она по-прежнему называла его «Кот», а говоря о нем с другими, заметила, что вернула ему имя — Витя. Знакомые и друзья величали его тремя «П» — «подонок», «предатель», «подлец», но Катя не позволяла употреблять по отношению к нему столь сильные эпитеты. Она вообще не понимала, что значит предательство. Ей казалось, что многие используют это слово, не определившись в понятиях. То, что одни считают предательством, для других может быть обстоятельством или, в конце концов, любовью. Если один человек уходит от другого, это вовсе не значит, что он его предает. Вполне вероятно, что своим уходом он открывает для остающегося новые двери, о которых тот даже не подозревал. Принять это трудно, но можно. Если уметь прощать.

Позже, когда жизнь про Кота будет сыграна и начнется другая, совсем не про него, он перестает

нет быть Котом и даже его настоящее имя исчезнет, замылится, растворится вместе с образом. Некоторое время Катя будет называть его по фамилии, и то лишь для того, чтобы было понятно, о ком идет речь, а вскоре и его шипящая фамилия, как у известного украинского поэта, произноситься ею больше не будет. Его место в Катиной жизни останется только в качестве самого трудного урока, который ей пришлось выучить. Но насколько этот трудный урок прекрасен, она поймет не сразу.

Уже на седьмой день после побега Кота, следуя его завету, Катя договорилась с менеджментом дома о переезде в другую квартиру, тремя этажами ниже. В режиме автопилота она упаковывала вещи. На девятый день она сгребла со стола бумаги и блокноты, оставленные Котом в качестве доказательства, что он вышел на минутку, бросила их в целлофановый пакет, открыла входную дверь и направилась к мусоропроводу. Не успела она пройти несколько шагов, как чья-то рука резко схватила ее за плечо и развернула на сто восемьдесят градусов. Такой же была рука той сумасшедшей с почтамта, три семилетних цикла назад. В коридоре не было ни единой живой души. Ей, конечно, показалось — слишком нервные дни у нее были. Она сделала шаг вперед. В тот же миг та же незримая рука вновь стремительно повернула ее в сторону квартиры. На сей раз Катя не на шутку испугалась, вбежала в квартиру и закрыла дверь на замок. То, что было дальше, она видела как бы со стороны. Пережившие клиническую

смерть рассказывают именно об этом: будто они сверху наблюдали за собственным телом и действиями врачей, пытавшихся вернуть их к жизни. Катя увидела, как прямо в прихожей ее руки вывернули на пол содержимое пакета, и в груди бумаг раскрылась страница блокнота с одним написанным на ней словом «пароль», и рядом — восемь букв. Она даже не поняла, для чего она включила компьютер, набрала эти восемь букв пароля и открыла электронную почту. Оказывается, можно умереть дважды... за девять дней.

«Моя жизнь изменилась в лучшую сторону благодаря тебе...» — так начиналось одно из множества писем, адресованных Аришке, как он называл свою давнюю знакомую, с которой вел переписку последние полтора года. Двадцать лет назад они учились в одной школе, в разных классах, и практически не пересекались. Последние лет десять Аришка живет в Германии с шестилетней дочерью и мужем-немцем. «Я очень тебя люблю. Я не мог себе представить, что на этой планете можно кого-нибудь так любить». «Я чувствую тепло твоей души и тела, как будто ты рядом со мной. В течение дня все свои дела я начинаю с мысли о тебе и о нас. Ты укрепила мой внутренний стержень своей любовью, пониманием, и всё это, находясь за тысячи километров от меня». «Я сделаю всё, чтобы ты чувствовала себя спокойно, как должна чувствовать моя любимая женщина всю нашу жизнь». Катя читала переписку с конца, с последнего сообщения, отматывая пленку назад, в глубь дат. Угрызения совести молчали — значит, раньше было не время, а сейчас пришла пора увидеть это. Он сам любезно

оставил ей пароль. Чуть раньше первого письма Аришке Кот написал другой женщине, своей первой любви, Олесе. Когда они познакомились, ему было четырнадцать, ей — на год меньше. Впервые увидев висевшую в Катиной спальне одну из ее фотографий, Кот сказал:

— Ты очень похожа на мою первую любовь. У нее тоже были длинные волнистые русые волосы и большие голубые глаза. Только, в отличие от тебя, она ни на одной фотографии не улыбается.

Кот написал неулыбчивой Олесе не письмо, а целый рассказ. Читая его, Катя наслаждалась не только описанным в рассказе событийным рядом, но и складным слогом, будто сочинял этот опус кто-то другой.

«Привет. Сразу хочу сказать, что пишу это письмо, находясь в своем уме и трезвом рассудке. Несмотря на то что мы “нашлись” около года назад, я никак не решался написать тебе. Мне нужно задать тебе один вопрос, но начну с воспоминаний. Я уверен, что небольшой экскурс в историю наших жизней поможет тебе понять мое настроение. Странное дело, но я помню почти всё, что с нами происходило до моего отъезда. Как мы с тобой познакомились в коридоре на четвертом этаже школы, когда твои подружки буквально приволокли тебя ко мне. Потом раздался звонок, дети упаковались по своим классам, коридор опустел, стало очень тихо, будто кто-то выключил звук, остались только ты и я. Мы стояли посреди коридора и смотрели друг на друга. Вернее, всё, что я видел, — это твои огромные голубые глаза. Смотрел в них и думал: “Какой же я дурак, что не замечал их раньше”.

Потом начались самые длительные летние каникулы в жизни киевских школ. Это был 1986-й, Чернобыльский год. Все разъехались на пять месяцев, кто куда, но я вспоминал нашу встречу и решил для себя, что, когда вернусь в Киев, буду встречаться только с этой чувихой, больше никто мне не нужен.

Прошло меньше года. Наступил вторник, 19 мая 1987 года. Все дети нашего восьмого класса готовятся к экзаменам. Все, кроме нас. В школьных формах, на междугороднем автобусе мы отправились “ко мне” на дачу отмечать твой день рождения.

Прихватили с собой бутылку белого вина. Приехали. Я привычным движением вскрыл кухонное окно (ключей, естественно, не было), залез в дом и открыл тебе дверь изнутри. На улице светило яркое майское солнце. Мы поставили вино в холодильник и пошли к реке. Там случилось что-то непонятное.

На берегу стоял плавучий домик. Я присел около него, а ты прошла чуть дальше и метрах в двадцати от меня остановилась. Внезапно небо стало темно-синего цвета. Я отчетливо видел только тебя, всё вокруг было в расфокусе. Вдруг ты стала приближаться ко мне так, что я уже мог видеть детали твоего лица. Это продолжалось не более десяти секунд и закончилось так же неожиданно, как и началось. Тогда я был еще трезвый и подумал, что надо выпить, что мы и сделали, придя в дом. Потом мы играли в карты “на поцелуй”. Ты проиграла, но целоваться отказалась, даже когда я завесил окна какими-то тряпками для большего интима.

Была еще одна сюрреальная ситуация — мои проводы в Америку. Уезжал я всего на полгода. У меня дома собралась толпа провожающих. Много пили, орали песни. Самое интересное началось, когда все ушли. Дома остались: мои родители — у себя в комнате; моя новая жена, спавшая в моей комнате, и мы с тобой — на кухне. Мы говорили до утра. Я был нетрезв, но думал: вернусь в Киев и мы обязательно будем вместе. Не так вместе, как у нас было, а по-настоящему, по-взрослому. Я, конечно, понимаю: одно дело — уехать на полгода, и совсем другое — почти на двадцать лет.

Если помнишь, первое время я звонил, стараясь не терять с тобой связь. Однажды трубку взяла твоя мама и попросила больше никогда не звонить. Она сказала, что ты здесь больше не живешь. Это был большой облом. С тех пор мысли о тебе не покидали меня. Когда-то я купил яхту, назвал ее твоим именем, а мой банковский код — это твой старый номер телефона. Знаю точно, что мысль материальна, нужно только очень хотеть и постоянно думать о том, что хочешь.

Вот наконец-то и вопрос: хочешь ли ты возобновить наши отношения, или правильнее сказать — начать сначала? Не торопись с ответом, я готов принять любой вариант. Конечно, хотелось бы — положительный. Я пойду на любой компромисс, поэтому можешь смело говорить мне свои мысли и пожелания. Обнимаю».

Отправив Олесе это обстоятельное письмо, Кот попросил своих киевских друзей организовать доставку для нее цветов. Он сопровождал просьбу короткой пометкой: «Попробую ее вернуть, хотя

мне это на хер не надо. А вдруг? Я ведь все-таки американец. В любом случае, когда приеду в Киев, она всё равно будет моею, так, ради спортивного интереса».

Олеся, похоже, письму не очень обрадовалась и ответила коротко: «У меня есть муж, с которым я не собираюсь расходиться». И добавила: «Да, кстати, откуда у тебя такой образный литературный слог? Помню, в школе выше тройки по русскому ты не поднимался». Кот ответил: «Во-первых, спасибо за откровенность. Во-вторых, насчет русского языка, честно говоря, я и сам не думал, что когда-нибудь смогу написать хоть что-то внятное. Я и не пробовал даже. Наверно, сильное желание снова быть с тобой сподвигнуло меня на это. Может, теперь стоит начать писать?» Кот предпринимал еще одну, джентльменскую попытку завладеть Олесей и приглашал ее к диалогу, но она проявила стойкость и перестала отвечать. Тогда он ударил по запасному варианту, предложив то же самое едва знакомой ему Арише из Германии. Та оказалась более стоворчивой, романтической и потерявшейя на сложном жизненном пути, не то что самодостаточная Олеся. Ариша дала согласие сразу. Виртуальный Кот мастерски вскружил ей голову, и она влюбилась. Что уж там нарисовала в своем воображении Ариша, неизвестно, но напечатанные слова Кота восприняла всерьез, в лучших традициях классической русской литературы.

Катю потряс оказавшийся довольно богатым цветочно-конфетный словарный запас Кота. По всей видимости, все годы жизни с Катей его словарь пре-

бывал в пассиве. Никакой необходимости писать письма у него не было. В эпистолярном жанре в адрес Ариши Кот употреблял столь красивые речевые обороты, что Катя ахала чуть ли не на каждой строчке. Никогда ничего подобного в свой адрес она от него не слышала. Не веря собственным глазам, несколько раз она даже «гуглила» его фразы. Ей казалось, что сейчас она найдет эти предложения в чем-то произведении, и тогда всё прояснится. Не обнаружив в Интернете ничего похожего на стилистику Кота, она решила, что, скорее всего, у него есть какой-то тайный «грамотный» друг-негр, который писал за него все письма, включая и привезенное Кате Рудиком. Но и переписки с этим грамотеем в почте Кота тоже не было.

Несколько часов подряд она читала и перечитывала послания Кота и полные любви ответы Ариши. Катины глаза были сухими — слезы могли помешать разглядеть детали. Наверное, так чувствуют себя архивариусы, обнаруживающие переписку известных людей с любовницами. Так же, вероятно, и после смерти близкого человека может открыться какая-то страшная тайна, о которой ты не подозревал. Как живут с этой тайной те, кому она не предназначалась, в чьих руках она оказалась случайно? Или ничего случайного не бывает? Катя записала то, что чувствовала, и получилось:

Две катастрофы

Утро. Компьютер. Две чашечки кофе. Бегло читаю последнюю почту. В зеркале — солнце. Отчетливый профиль. Две катастрофы. И не помочь тут. Где-то разбился автобус. В кювет.

Где-то горит. А у нас — догорает. Фотка. Там я — в пожелтевшей листве. Наша с тобой катастрофа — другая. В зеркале — солнце. Луч — на часах. И в новостях подозрительно тихо. Мне — на работу. День начался. Дверь — на замок. Так и в жизни: трусиха. Всё закрываю, что можно закрыть: двери и дверцы, окно и ворота, даже вопрос типа «быть или не быть» — раз — на замок. И сыграла по нотам. Позакрывала друзей и подруг. В два оборота закрыла любимых, кто не вернулся ни в ночь, ни к утру. Стали друзьями, идущими мимо. Я — на работе. Кругом — суета. Клавиатура и верная мышка. Так же и я: то подруга кота, то между дном и горячею крышкой. Я улыбаюсь. Всем и всему. Я — на работе. Здесь ценят улыбку. Это — мой замок, замок ко всему. Это загладит любую ошибку. И дорожила, и берегла. И не бросала, кого полюбила. Ведь не любила, коль бросить смогла. Бросить любовь? Да, не хватит мне силы. Разрисовала красавица-жизнь, правда, моею рукой и судьбою. Как ни ворочайся, как ни ложись, видеться будет всё, снятое мною. Пленка за пленкой, без нот и без слов, будет понятно здесь каждое слово. Только бесшумным касаньем весло ночь всколыхнет. И забудется снова всё, что пропало, что не сбереглось, всё, что казалось значительно-важным. С треском ломалось и билось стекло, словно две льдины сошлись в рукопашном.

Еду с работы. Колеса. Мосты. Пробки. Гудки. Недовольные лица. Я улыбаюсь. А вдруг — рядом ты, вышел из сна, чтобы вечером сбыть-

ся. Дома. Компьютер. Советы. Друзья. Дочь подрастает. В наушниках — ужин. Так же и я: то, что было нельзя, стало вдруг можно, но больше не нужно. Ночь. Ты не спишься. Это — к добру. Видишь, и самое прочное — зыбко. Первым же делом: проснусь поутру и растяну, как эспандер, улыбку. Ночь отбесилась. Ей сверху видней то, что с тобою мы не разрешили. Я излечилась — прошло девять дней — в сверхскоростном, моментальном режиме. Кто мог подумать, что так легко станет в начале жаркого лета? Что за изгибом, за той рекой, плавится так же остров Манхэттен. Город гудит. Как и я, он не спит, прячутся в землю мосты и змеи. След поездов и ночных обид прошлое делает как-то злее. И не болит от удара след. Всё нараспашку — пальто и ставни. Не разлюбив тебя, стала взрослей, только немного от счастья устала. Утро. Два кофе. Одна. В неглиже. В зеркале — солнце. За окнами — ветер. Две катастрофы. Без слов и без жертв... И ни единого слова в газете.

Она сопоставляла даты в переписке Кота и не верила своим глазам. Так же она не могла поверить, что не видит в этих письмах ничего оскорбительного для себя самой. Ей было жаль его — как же сильно он мучился от невозможности прикоснуться к своей виртуальной любви, пока Катя укрепляла его веру и себя любовью реальной. «Ты справишься с депрессией, всё не так плохо, черная полоса пройдет, я тебя не оставлю и всегда помогу», — успокаивала она Кота.

С Аришей Кот не только переписывался. По несколько раз в день они говорили по телефону. По мере того как их межконтинентальный роман разгорался, Катя постепенно превращалась для него в нечто несуществующее, растворялась в его богатой и насыщенной жизни. Он жил сквозь нее. Ни одного упоминания ее имени, ни в одном письме, ни к кому! Что ж, любовь оправдывает средства.

Письмо Кота киевскому другу помогло получить ответ и на одну из самых загадочных историй в Катиной жизни с Котом. Она узнала, что произошло тогда, с несостоявшимся приездом отца и сына в Нью-Йорк. Кот писал: «Славик, я тут недавно чуть не влип по полной. Познакомился с женщиной. Она на десять лет старше, — в этот момент Катя подумала, что сейчас он расскажет о ней, но как далека она была от истины. — Эта женщина обещала купить мне квартиру и рассчитаться с моими долгами, если я буду с ней. У нее был муж, и я подумал: а что, разводиться она не собирается, значит, и на меня претендовать особо не будет. Хоть какое-то время поживу как у Христа за пазухой, а там посмотрим. Я согласился и уже наострил лыжи. Но в один прекрасный день я выходил из ее дома и в дверях столкнулся с мужем. Как в анекдоте: он вернулся раньше времени из командировки. Муж молча вытащил из кармана ствол и приставил к моему животу со словами: “Ну, что, еще придёшь или как?” Честно говоря, я забздел. Это я понял, когда не смог вести машину. Часа полтора сидел, не вылезая из нее, в нескольких кварталах от их дома, так сильно тряслись руки. Больше я ей не звонил».

Катя почувствовала, как ее лицо захлестнула горячая волна и перехватило дыхание. «Нет, такого не может быть, — пробормотала она, — я не могу поверить, что он не выдумал это. Просто он хотел выглядеть более мужественно и в своих, и в чужих глазах». Потом она сопоставила дату написания письма с тем временем, когда должен был приехать отец. Совпало. Всё встало на свои места, словно на огромной скорости отмоталась назад пленка и все кадры фильма сложились. Наконец-то за дело взялся правильный монтажер.

Итак, полтора года назад — приехавший таки в гости отец и главная роль, которую он сыграл в решении Кота вернуться. Отец целенаправленно готовил почву. Ни в одном письме сыну не прозвучало: «А как же Катя? Что ты скажешь ей?» Словно ее не существует в природе. Ни единой рекомендации от мудрого родителя по поводу того, как поступить с женщиной, с которой сын прожил девять лет. Лишь пунктами — деловые советы: что делать с документами; когда брать билет на самолет; отчеты о том, как идет строительство дома, в котором Кот должен жить с Аришей по приезде в Киев. Сам Кот о своей виртуальной любви отцу написал так: «Я буду жить вместе с одной чувихой, с которой учился в школе, а сейчас опять “познакомился” по Интернету. Она приедет в Киев из Германии как раз к моему приезду».

Внезапная, необъяснимая страсть Кота к изучению немецкого языка оказалась продиктована необходимостью выяснения отношений с Аришиным мужем-немцем. По мнению виртуальных влюбленных, Арише надо было бежать из Германии

на Украину и оставить дочку с отцом. Наконец-то Коту перепала роль сыщика. Должна же страсть всей его жизни хоть когда-то пригодиться! Он установил через Интернет слежку за немецким мужем и советовал Арише уезжать как можно быстрее, пока муж не хватился снятых с его счета денег. Надо же молодым как-то начинать новую жизнь. Они отправляли друг другу фотографии, сделанные одинаковыми телефонами. Своей любимой женщине Кот купил такой же умный телефон, как и себе, — один умный хорошо, а два — лучше. Как настоящий мужчина, он же его и оплачивал. Ариша оказалась довольно миловидной дамой с большими голубыми глазами, тоже чем-то похожая на Катю (коллекционирует он их, что ли?), только крупнее в габаритах. Немало фотографий Кот снял, сидя на Катином диване, и подписал их: «На этом диване я проспал твой звонок», «Здесь могла бы быть ты», «Лежу здесь и представляю рядом тебя». На одном из снимков у входа в квартиру на фоне коробок, перевязанных черной клейкой лентой, стоял счастливо улыбающийся Кот. Под фотографией была подпись: «Это мы с Рудиком пакуем коробки». Особенно трогательным оказался его последний снимок в Америке, отправленный Арише. Он сделал высокохудожественное селфи — снял себя обнаженным, в отражении зеркала, с зажженной свечой, которая таинственно прикрывает самый желанный Аришей интимный орган Кота. Кате понравилась реакция Ариши на этот снимок. «Я заметила, что снятые тобой фотографии действуют на меня эротически. А представь, если бы я стояла на фоне этой свечи, обнаженная, а передо мной — такое шикарное

зеркало?» — написала заокеанская возлюбленная Кота.

Впечатлила Катю и фантазия на тему «Кот и море». Полгода назад она с Котом отдыхала в Майами. Стояла прекрасная погода, они жарились на пляже, плавали в океане, фотографировались, гуляли по ресторанам и предавались любви. А вечером из номера отеля, расположенного на берегу океана, он писал в Германию: «Я только что вернулся со съемки. Сажу на балконе, курю кубинскую сигару, слушаю шум океана, смотрю на луну и пишу тебе. Ты рядом со мной, я тебя чувствую. Мне очень хорошо здесь с тобой. На заключительную вечеринку MTV не пойду». В эту минуту Кот-писатель-романтик полулежал в изголовье кровати и поглаживал раскинувшееся рядом загорелое тело Кати. Она мурлыкала от удовольствия, читая книгу о том, что любовь — это работа, и делилась с Котом прочитанным. Завершал он свое трогательное письмо так: «Быть ответственным за Женщину Вселенной — большая работа, и я готов работать над этим всю свою жизнь».

Еще он писал виртуально любимой женщине, что они обязательно обвенчаются, потому что он ни с кем не чувствовал себя так спокойно и уверенно, как с ней. Рассказывал Кот и о том, что свою яхту назвал «Ариша». (В письме Олесе яхта носила ее имя.) Конечно, никакой яхты никогда не было и быть не могло. Всю свою жизнь он жил в долг, всегда занимал деньги, но отнюдь не всегда возвращал. Но что только не придумаешь ради женщины, которую хочешь завоевать?

Понимая столь важную для Кота миссию завоевателя, Катя не могла не оценить еще одно его письмо: «Вот, сижу в очередном баре, перед очередной съемкой. Такие же люди вокруг, такой же бартендер, как везде. Вся моя жизнь была такой, как сегодня в этом баре, — всё серое, одинаковое, где бы я ни был. Я почти забыл, как ухаживать за женщиной, все — какие-то тупицы. И вдруг появилась ты. Ты дала мне не только счастье, которое, я уверен, будешь давать всю жизнь, а что-то еще очень важное для меня — возможность быть ответственным за самую драгоценную Женщину в этой Вселенной».

Столь высокопарный слог был ему вообще несвойственен. Где он только нахватался этой пошлятины? Фу! А на пассаже про «всех каких-то тупиц» Катя даже улыбнулась.

Заняла достойное место и история с телефоном в режиме вибрации, с которым он не расставался ни днем ни ночью. Нередко, когда экран загорался от поступающего звонка, Кот говорил:

— Рудик звонит. Достал уже. Завтра ему перезвоню.

И исчезал в ванной минут на двадцать. Оттуда было удобнее и безопаснее вести переписку с любимой, втайне от другой, уже нелюбимой. Удобно устроившись на унитазах, он писал Арише: «Извини, не мог взять трубку, снимал на красной ковровой дорожке звезд Голливуда».

Арише нужны были деньги на адвокатов, чтобы избавиться от мужа, на ремонт машины соседей, на которой ее дочка камнем нацарапала несколько лаконичных русских слов, на звонки в Нью-Йорк

и оформление документов для побега из оккупированной ею Германии. Великодушный и щедрый Кот не мог отказать в помощи «Женщине Вселенной». А где взять деньги для зазнобы? Как где? У Кати. Она не отказывала, и Кот переправлял их Арише. Для своей немецко-украинской избранницы, так же как и для Олеси в Киеве, он заказывал дорогие букеты цветов. Пустить пыль в глаза он умел.

Когда-то и Кате он дарил роскошные цветы. Делалось это изобретательно. Кот мог сидеть дома и вдруг сказать: «Сейчас вернусь». Выйти и ровно через минуту нарисоваться на пороге с огромной охапкой цветов. Покупал он их заранее, оставлял на первом этаже у швейцара, и в самый неожиданный момент преподносил сюрпризом. Последний цветочный сюрприз перед главным сюрпризом — побегом — Катя получила ровно за семь дней до его отъезда, на день всех влюбленных. Символично.

Радовало одно: то, что она передала его Арише, как эстафетную палочку, хорошо обученным во многих областях, включая философскую и с неплохо отработанными рефлексам. Он умеет вести беседу, в состоянии донести до собеседника, что прочел много книг — Катя пересказывала ему бесчисленное количество книг и статей, что вполне может считаться прочитанным самостоятельно. Он может наизусть продекламировать несколько стихотворений настоящих поэтов — она читала ему вслух Пастернака, Ахматову, Цветаеву и других. Благодаря Кате он завязал с наркотиками, на которые серьезно подсел до знакомства с ней. Кате

было приятно осознавать, что она внесла свою лепту в становление мужчины, который теперь кому-то может пригодиться. Греет ее и осознание того, что она стала неплохим аэродромом с прочным покрытием и хорошей стартовой площадкой.

В его переписке содержались и послания киевскому другу детства. В одном из них он признавался: «От алкоголя отходняки такие, что полный пиздец, поэтому я стараюсь пить только пиво. Бывают, конечно, крепкие пьянки, но я пытаюсь их избегать. Эх, где наши шестнадцать лет?»

Исследуя его под микроскопом, словно биолог — амебу, Катя нашла эзотерическое объяснение даже своим болям в спине, сопоставив даты отправки корреспонденции. В дни, когда Кота особо пробивало на признания в любви к Арише, в Катину спину вставлялись острые ножи. Всё совпадало, вплоть до времени суток. Стало понятно, почему в ее присутствии он почти постоянно спал: хотел забыться, чтобы меньше времени проводить в общении с нелюбимой гражданкой Америки, приближая час следующего разговора с любимой фрейлен, не подозревающей о том, что ее виртуальный предмет любви много лет неплохо живет с реальной женщиной. Кате стало жаль эту неведомую ей Аришу, захотелось пригреть ее на своем сильном плече. Ведь теперь ей достается гораздо больше лжи, чем было съедено Катей. Не бывает так, чтобы в одном месте человек обманывал, а в другом — был честным и порядочным.

Получило объяснение его нервное состояние последних месяцев. Кот уже не принадлежал

себе. Он подтягивал «хвосты» и доделывал то, что при других обстоятельствах никогда бы не доделал. За семь недель до его отъезда, сразу после Нового года, и у Кати возникло ощущение, что она должна завершить какой-то важный этап своей жизни. Она гнала, приводила в порядок архив, много писала, дописывала начатое раньше. Она попросила Кота обучить ее пользованию программой для видеомонтажа, будто сама собралась уезжать. Катя чувствовала колоссальный подъем энергии, словно сейчас начнется то, чего раньше никогда не было, как будто за спиной росли крылья. Да, крылья действительно росли, но не у нее.

Свой спектакль с антрактами и захватывающим действием Кот доиграл виртуозно, до самой последней минуты. Станиславский наверняка оценил бы это мастерство, воскликнул: «Верю!» — и зачислил в труппу Художественного. Bravo! Красиво сыграл. На чистовик. Прямо по Катькиной жизни. По ее открытой книге, в которой еще остались незаполненные страницы.

Прежде чем выбросить на свалку кресло, она с ним попрощалась. «Если бы не ты, мне было бы не с кем поделиться своими чувствами, — сказала Катя креслу, — кто еще стал бы выслушивать мои монологи, не перебивая, не осуждая и не раздражаясь? Особенно когда я рыдала, как последняя дура, словно жизнь закончилась. Любой другой слушатель на твоём месте обвинил бы меня, что распускаю соплю. Зато с этими слезами из меня вышла вся любовь к твоему хозяину. А благодаря тебе я дописала первую часть своего романа.

Вторая будет уже без твоего участия, звиняйте и спасибо».

Она обратилась к Коту. Поблагодарила его за всё: за любовь, которая у него была, а у нее есть; за стремительное бегство (приличного ухода она бы не выдержала, «я не настолько умна, чтобы иногда не быть дурой»); за письмо не лично, а через друга (это помогло ей сохранить «лицо»); за идею переезда на другую квартиру, что она и сделала; за то, что ни разу за все полтора года подготовки к побегу он не прокололся — настоящий разведчик. В конце концов, за сильнейший удар, нанесенный ей в спину, удар, который настолько закалил, что никакие другие удары ей уже не страшны. И даже за то, что не оставил ей деньги. (Это придало бы его образу ореол достоинства и возвысило в Катиних глазах, что совсем уж лишнее в этом неповторимом портрете.) За отрубленный хвост — отдельное спасибо. Не нужны людям хвосты.

«Если бы не твой побег, я бы никогда и не догадалась, что жизнь простирается гораздо дальше тебя, утонувшего в моем диване, — сказала она Коту. — Я так сильно тебя любила, что безоговорочно впустила во всё свое пространство и мне было тебя достаточно. Если бы не ты, я бы не узнала, что у меня есть крылья, которые все девять лет жизни с тобой за ненадобностью были сложены и упакованы на полочке под названием “Кот”. Это — единственное ценное, что осталось после тебя, что ты никак не мог унести с собой. Они, мои легкие крылья, для тебя неподъемно тяжелы. Теперь я могу их распаковать, отряхнуть от многолетней пыли, расправить и запустить в новое путешествие. Вот они, мои

Крылья с чердака

Он нереальным был, как наваждение,
Вошел, швырнул на вешалку пиджак,
А для нее — еще одно падение
И брошенные крылья на чердак.

Он с нею стал большим руководителем:
Всё могут дураки и короли,
А для нее — остался праздным зрителем
С попкорном и экраном в полземли.

Он стал героем лучшего сценария,
Он взглядом прожигает, как огнем,
А для нее — еще одна авария
С разломанным на "до" и "после" днем.

Он на свое пятидесятилетие
Слетал к Луне, ступил ногой на Марс,
А для нее он — личная трагедия,
Перетекающая плавно в трагифарс.

Ему медаль повесили за мужество,
Вино — рекой, фонтаны из речей,
А для нее — ненужное замужество,
Которое закончилось ничем.

В коллекции его — трофеев множество,
Вновь награжден счастливый юбиляр,
А для нее он даже не ничтожество,
А просто заурядный экземпляр.

О нем мечтают девушки и женщины —
Он сильный, стильный и совсем простой,
А для нее — им столько наобещано,
Что хватит на трехтомник "Л. Толстой".

Он с каждой новой метит территорию,
Как дальнбойщик, запасаясь впрок,
А для нее — банальная история,
Очередной непройденный урок.

Он ей звонит, он хочет примирения,
Он ключ хранит от старого замка,
А для нее — свободное парение
На крыльях, что достала с чердака.

Да, чуть не забыла: дочке-Котенку я сказала, что решение о твоём отъезде мы приняли с тобой совместно. Я не хочу, чтобы она думала, что все мужчины бегут от женщин и что все они — сволочи. Я сказала ей, что мужчины прекрасны, потому что все они — уроки для женщин, нередко очень болезненные, но очень важные. Может, когда-нибудь я расскажу ей правду, если это будет актуально. Ты дал мне возможность летать в любви и любить, летая. Кто, как не ты, сделал меня счастливой? Кто, как не ты, сократил диапазон моих состояний? Теперь он крайне мал — от очень хорошего до восхитительного. Я засыпаю и просыпаюсь с улыбкой и даже сплю, улыбаясь. Если с тобой я была открыта только тебе, то теперь я открыта любви и благодаря твоим урокам мне нечего больше бояться. У меня атрофировались страхи. У меня больше нет ни страха за будущее, ни стыда за прошлое. Всё прожитое мною — мое.

Я научилась терять и не спрашивать: «За что?» Потому что я знаю, для чего. Для любви, которую дал мне ты, не любя».

На этом ее миссия с Котом и креслом была выполнена. Ей даже стало казаться, что это не он ее

ударил, а она — его, по-кошачьи точно и быстро. Когда-то она написала:

...Ты не бойся, я буду, как кошка, пушистой и мягкой, ну, а если меня против шерсти погладит другой, ты не бойся, я тоже умею ответить и лапкой, и мужскою, но только открытой рукой. К берегу лодку прибило волною, и на песке только тени от наших следов. Только не бойся, я буду, любимый, с тобою, если ты к этому счастью, любимый, готов...

Тоже ведь работа — быть готовым к счастью. Убив одну женщину, сделать счастливой другую.

Ровно за семь лет до того, как он предложил Арише соединить их жизни, Катя отправилась с подругами на неделю на юг. В то время их отношения с Котом только зарождались, были зыбкими и состояли из череды скандалов и примирений. Прямо перед ее отъездом в отпуск они разошлись. Кот переехал жить к приятелю. Кате было тяжело. Это была мало кому понятная из ее окружения, да и для нее самой необъяснимая любовь к Коту, замешанная на нежности и материнском желании пригреть и приласкать, отдать всё, что есть. Но она была свободна. На юге она закрутила курортный роман с пилотом Британских авиалиний. Роман красивый и яркий. Оба влюбились и расставались тяжело. На обратном пути в Нью-Йорк, в самолете, Катя написала песню про капитана. Потом пилот долго звонил, много раз собирался прилететь из Лондона, но Катя отказывалась от встречи: она помирилась с Котом, жила с ним, жила им и любила его.

Спустя семь месяцев после отпуска Катя давала в Нью-Йорке большой сольный концерт, во время

которого должна была состояться премьера песни про капитана. Каким-то непостижимым образом, в тетради, стоящей на пюпитре, она пролистала страницу и не спела эту песню. Только по окончании концерта она поняла, что произошло, и усмотрела в этом знак: если бы спела — обидела бы Кота. Что-то ее тогда уберегло. И вот теперь — удар Кота за ее удар семилетней выдержки. Реванш.

Все эти годы Катя чувствовала себя виноватой. Не так просто выключить это разъедающее чувство вины. Иногда оно вроде как спит, но в какой-то момент вдруг пробуждается, выскальзывает из-под твоего теплого одеяла и бьет тебя наотмашь. А потом вновь забирается под твое крыло и сидит там до следующего удобного случая.

Катя до сих пор не может загладить свою вину, одну из них — ее собственный взгляд, брошенный ею три семилетних цикла назад на двух негритянок в вагоне поезда. Тогда она только приехала в Америку. Ее ничто не удивляло, она ни от чего не шарахалась, но привыкнуть к тому, как одеваются некоторые женщины черной расцветки, не могла.

Жаркое лето. Она — в полупустом вагоне метро. На одной из станций заходят две супертучные негритянки в коротких нелепых шортах, врезающихся в складки их огромных бедер и безразмерных седалищ. Как многие советские люди, Катя с презрением уставилась на экзотических дам. Даже ей самой выражение собственного лица было неприятно. От уродства, как и от красоты, бывает трудно отвести взгляд. Более того, ей даже хотелось, чтобы негритянки увидели ее презрительное отношение

к их антиэстетике. Женщины разговаривали друг с другом, не обращая на нее внимания. Когда ненависть и презрение в ее взгляде достигли апогея, обе внезапно повернулись в ее сторону и без тени злости, открыто и доброжелательно улыбнулись ей, обнажив ослепительно белые зубы. От стыда Катя залилась краской и зеркально улыбнулась им в ответ, как в собственное отражение.

На следующий день она проходила в Манхэттене мимо магазина с затемненной зеркальной витриной. Невольно притормозила — взглянуть на свое отражение, делая вид, что разглядывает содержимое витрины. Она неплохо выглядела, а когда женщина это знает, она использует любую возможность бросить на себя в зеркале оценивающий взгляд. Рядом с ее отражением остановилось отражение мужчины с чуть волнистыми пепельными волосами. Он в упор смотрел на нее в зеркальной вертикали, тоже делая вид, что заинтересован витриной. Мощный электрический разряд пробежал между их отражениями. У Кати перехватило дыхание. «Где-то я его видала... не один раз... много раз... в Москве... в Нью-Йорке... и он всегда проходил мимо... три... четыре семилетних цикла назад». Словно в замедленной съемке, она повернулась и увидела манхэттенскую толпу, уносящую с собой фигуру мужчины с волнистыми пепельными волосами — уходящее от нее отражение.

Девочка из прошлого — платьице в горошинах — ждет его, тоскуя у окна. Ничего хорошего девочке из прошлого. Девочка останется одна. Девочка из прошлого, словно запорошена.

Словно замороженная им. Девочка не брошена, просто огорошена первым ожиданием ночным.

Девочка из прошлого — женщина без прошлого. Нет, она его не дождалась. Ничего хорошего женщине без прошлого не дала несотканная связь. Только снегопадами — белыми нарядами — скатертью накрыт далекий путь. Девочка из прошлого — женщина без прошлого — платьице в горошек не забудь. Прихвати из прошлого всё, что там хорошего, всё, что помещается в руке, девочка из прошлого — женщина без прошлого — так и остается налегке. Лишь звонок из прошлого от того, хорошего, от того, кого не дождалась. Мальчик, ты непрошенный, для женщины без прошлого — первая несотканная связь. Женщине без прошлого — он чужой, непрошенный, так себе, пустое баловство. А девочка из прошлого платьице в горошинах берегла все годы для него.

Конец первой части

Часть II. Отражение

Три месяца спустя

Она помнила, как четыре семилетних цикла назад ехала в вагоне поезда московского метро. Взгляд ее был устремлен за стекло, в черную убегающую бездну, но она не замечала мелькающий коридор проводов. Внутри стекла спиной к ней стоял среднего роста мужчина с чуть вьющимися волосами.

Она была занята. Она играла в свою любимую игру. Обычно в местах скопления людей толпа движется, спешит, люди куда-то заходят, откуда-то выходят. Они заняты, каждый — своим. На стадионе или в театре они поглощены действием, происходящим перед их глазами. Они едины, они сплочены. Лишь в вагоне поезда их ничто не объединяет, за исключением того, что все они — пассивные пассажиры. Они отдаются в руки машиниста и погружаются в свои мысли. Кто-то рассматривает других пассажиров, кто-то читает, но всё равно погруженный в себя. Катя любила такие поездки.

Она могла представлять себе, о чем думает человек напротив, куда он едет, кто его там ждет, какой он профессии, есть ли у него семья, дети. За несколько минут можно нафантазировать целый мир незнакомца. Такие этюды она проделывала регулярно. Если бы была возможность хоть один раз узнать, насколько ее фантазии близки к реальности, она бы непременно ею воспользовалась. Но для этого нужно заговорить с незнакомым тебе человеком. На этот шаг она не решалась — реакция могла быть непредсказуемой.

Она смотрела на мужскую спину в темно-сером пиджаке, на его чуть вьющиеся волосы в отражении стекла вагона и представляла жизнь этого человека. «Скорее всего, он занимается интеллектуальным трудом. Ученый? Инженер? Врач? Пусть будет врач. Наверное, он едет с работы. В это время все возвращаются домой. Наверняка женат, есть ребенок — дочка. О чем он думает?» Вдруг мужчина резко повернулся, и внутри стекла их глаза встретились. От неловкости она отвела взгляд в сторону, сердце сильно забилося. Ей показалось, что он услышал ее мысли, с которыми она так бесцеремонно внедрилась в его жизнь. Поезд подошел к ее станции. Выходя из вагона, она почувствовала, что он смотрит ей вслед. Она хотела обернуться, но не сделала этого. Ей было неловко за свою бессловесную навязчивость. Ощущение, что мужчина с чуть вьющимися волосами смотрит ей в спину, не покидало ее несколько дней. Несколько раз она вздрагивала и бросала взгляд назад, но за спиной никого не было.

До первого свидания оставался один квартал. Витрины магазинов отражали загорелую женщину средних лет в облегающем коротком платье кремового цвета, на высоких каблуках. Она двигалась легкой уверенной походкой. У входа в ресторан спиной к ней стоял он и держал возле уха телефон.

— Где ты находишься? — спросил он густым баритоном на английском языке.

— За твоей спиной.

Он резко повернулся. Взгляд его голубых глаз задержался на ее ногах, потом поднялся к лицу. Они оба так и не нажали кнопки отбоя на телефонах, когда она подошла к нему и протянула руку.

— Катя.

— Стюарт, очень приятно.

Он поцеловал руку и тронул губами ее щеку. Тело пронзил электрический разряд, коленки предательски задрожали. «Неужели я так сильно волнуюсь?» — мелькнула мысль неуверенной в себе девочки.

Они сидели за стойкой бара, когда он как бы невзначай коснулся кончиками пальцев ее руки. Каждая клеточка тела вновь отреагировала на его прикосновение дрожью. «Это гипноз, — подумала она, — не поддаваться». Они говорили на разные темы — от искусства и музыки до политики и экономики. Через час Стюарт отправился на улицу курить. Он двигался к выходу не спеша, широким шагом, чуть ссутулившись. Подойдя к двери, обернулся и посмотрел на нее, слегка прищурившись. Она улыбнулась и отвела глаза.

За соседним столом на высоком детском стульчике сидел маленький мальчишка, которому, похоже, не было еще и года. Напротив него скучно молчали молодые родители. Старший брат лет трех лениво ковырялся в тарелке с жареной картошкой. Сам малыш жадно рассматривал всё, что его окружало. Он провожал взглядом каждый движущийся объект, от посетителей до бегающих по залу официантов.

Вернулся Стюарт и переключил внимание на себя. Они снова говорили, будто знают друг друга не один год. Редко бывает, что в первую встречу с едва знакомым человеком чувствуешь себя так, словно вы прошли вместе через всю жизнь, и возникает ощущение некоего родства. Иногда это ощущение становится столь сильным, что хочется вцепиться в эти новые отношения. Они кажутся идеальными, таким отношениям не дано закончиться. Ты думаешь, что встретила того самого «твоего человека», которого тебе так не хватало. Это не обязательно любовь между мужчиной и женщиной. Неважно, какого пола этот человек, но ощущение слияния с ним невероятно сильное, больше любви.

Не отрываясь от разговора, Стюарт рисовал на бумажной салфетке женский профиль.

— Ты художник?

— Немного. Набиваю руку. Знаешь, лет двадцать назад я пририсовал к себе теперь уже бывшую жену.

— Как это?

— Не знаю, это произошло помимо моей воли. Я просто набросал на бумаге женское лицо сканди-

навского типа с правильными чертами, длинными прямыми белыми волосами и большими глазами. А через год встретил ее.

— А это чье лицо? — спросила Катя, указывая на салфетку.

— Не узнаёшь? — он повернул салфетку в ее сторону.

На Катю смотрела женщина. Каждая черта ее лица в отдельности чем-то напоминала Катю, но в целом на картинке была не она.

— Если ты думаешь, что это я, то меня трудно ухватить. Многие художники пробовали писать мой портрет, а потом бросали эту затею. Они говорили, что поймать остановившийся кадр моего лица, его суть практически невозможно. А вообще, я слышала, что художник может материализовать мысль. Я даже знала одного такого русского художника. Он тоже написал портрет будущей жены, не будучи с ней знакомым, а вскоре встретил ее.

— Интересно, значит, я такой не один.

— Писатели, и не только фантасты, предсказывают ход своей жизни и ход истории, — сказала Катя, — может, потому поэтов и считают пророками и говорят, что надо осторожно распоряжаться своим даром.

— Интересно, а пририсовать могут только творческие люди? — спросил Стюарт.

— Наверное, это может каждый. Это как... — Катя посмотрела по сторонам, — как заказ в ресторане. Вот, например, ты хочешь встретить женщину или мужчину...

— Нет уж, давай женщину, — замахал руками Стюарт и расплылся в улыбке. На его загорелом лице небесным цветом засияли глаза.

— О'кей, хотя сейчас уже и это не удивит. В общих словах: ты составляешь список качеств, которые хотел бы в ней видеть. Спустя какое-то время мысль из сознания переходит в подсознание и материализуется без твоего прямого участия.

— Слишком уж просто, чтобы быть правдой, — Стюарт недоверчиво прищурился, глядя на нее, и словно ушел в себя. Через несколько секунд он вернулся в реальность и вновь дотронулся до ее руки. Катю опять пронзил электрический разряд.

Они перешли на политико-экономическую тему. Внезапно, на полуслове, когда она сказала о разлившейся в Мексиканском заливе нефти, утечку которой долго никто не мог остано... Стюарт коснулся губами ее губ, так и не узнав, что она думает о нефти, американском правительстве и мерах безопасности в сфере бурения нефтяных скважин. Поцеловав ее, он положил руку на ее колено и, довольный, оглянулся по сторонам, мол, видели, мое. Ее коленка запульсировала.

Незаметно пролетели четыре часа. Прозвучал последний аккорд игравшего весь вечер джазового трио. Официанты уже ненавязчиво покашливали возле них — последних посетителей — и ставили стулья на столы ножками вверх.

Они вышли из ресторана и остановились возле ее машины. Второй, контрольный, поцелуй отправил ее в нокаут. Она словно провалилась на несколько секунд в другое измерение. Придя в себя, услышала внутри своей головы: «Скорей домой, пока не снесло крышу. Прыжок в постель в первую встречу может быть истолкован неверно». Стюарт облокотился на капот и прижал ее

к себе. Она не могла и не хотела сопротивляться мягкому, окутывающему теплу этого незнакомого мужчины. Боковым зрением она заметила зрителя — судя по виду, работающий на кухне ресторана мексиканец. Он вышел на улицу с черного входа и, глядя на них, застыл на пороге. Стюарт улыбнулся.

— Мы пользуемся популярностью у мексиканской молодежи. Правда, зритель — в единичном экземпляре, — сказал он.

Катя открыла дверь машины.

— Садись, подвезу.

— Я сниму тебя с этого сайта, — проговорил он, прищурившись.

Внутри у нее что-то екнуло: «А вдруг?»

Поздней ночью она входила в подъезд своего дома с загадочной улыбкой на губах, которые всё еще чувствовали вкус поцелуя. На телефон пришло сообщение: «Как ты доехала? Надеюсь, всё в порядке. Я получил большое удовольствие от встречи с тобой. С нетерпением жду следующей». Она ответила, что доехала быстро, и поблагодарила за приятный вечер. Улыбка не сходила с ее лица и во сне. Она поняла это, проснувшись в пятый раз за ночь улыбающейся. В который раз она посмотрела на телефон в надежде на сообщение от него. «Ну всё, попалась», — подумала она. И это сейчас, когда она полностью потеряла веру в свое счастье! Не может быть, чтобы оно так легко пришло, с первой встречи.

Через три дня они увиделись вновь. Когда он коснулся губами ее щеки, по телу вновь пробежал электрический разряд. Мягкость и незащитность

сочетались в нем с мужественностью и спокойствием. Ей хотелось прижимать его к себе, ощущать его тепло. Но того места, где она могла бы почувствовать это тепло в полной мере, не было. К нему — нельзя. Он — трехдетный отец. Дома спят два сына и дочь. К себе — она не хотела. На второй день знакомства это точно неправильно. Она не сомневалась, что будет смущаться.

— Поехали в отель, — неожиданно для себя самой предложила она.

Будто именно этого он и ждал. Стюарт спешно достал из кармана телефон и включил в Интернете систему поиска гостиниц.

— Будем искать свободные места — от самой дорогой и вниз, — с готовностью сказал он.

Первым в списке оказался отель рядом с Центральным парком. Не прошло и пяти минут, как они запарковали машину и вошли в холл. Часы показывали половину второго ночи.

— Мы решили не возвращаться так поздно в Нью-Джерси, пришлось остановиться у вас, — сказал он портье.

Катя оценила его попытку сыграть в женатую пару, дабы не ставить ее в неловкое положение. И всё равно от стыда она чуть не провалилась сквозь землю — портье оказался русским. Он хитровато улыбнулся ей и, кажется, даже подмигнул. Они зашли в номер. Ее колотила крупная дрожь. Что делать? Как вести себя с малознакомым мужчиной в гостинице?

— Иду в душ, — от растерянности сказала она полупшепотом — внезапно сел голос.

Стюарт преградил ей вход в ванную и стал медленно снимать с ее тела одежду. Она стояла как

загипнотизированная, не в силах пошевелиться. Время остановилось, ей показалось, что прошла вечность. Одновременно ее охватили противоположные чувства: стыд, страх и желание. Каким-то образом ей удалось выйти из транса и выскользнуть из его рук. Она зашла за занавеску ванны и включила душ. Под горячими струями дрожь понемногу отступила.

Потом было то, что в первую ночь между мужчиной и женщиной случается редко: словно ты знаешь его всю жизнь и за долгие годы вы не растеряли теплоту и нежность. Ты оказываешься далеко-далеко от этого мира, тебе не хочется возвращаться назад, и уже не имеет значения, что где-то там, далеко отсюда, есть земля с ее проблемами. Здесь и сейчас — никого, кроме вас двоих. «Совсем недавно, три месяца назад, тебе было ничуть не хуже в других обстоятельствах, в объятиях другого мужчины, с которым ты провела годы и думала, что это навсегда, — говорила себе Катя, — ты была уверена, что никто, кроме него, не способен подарить тебе такое же наслаждение. Как же ты была наивна».

Раннее утро было скомканным и быстрым: надо было срочно забрать машину, иначе грозил штраф за просроченную парковку. Это хорошо, что пора идти. Тяжело проснуться после первой ночи в своем доме. Как тогда совладать с неловкостью? Готовить завтрак? Слишком по-семейному. Что надеть? Халат? Нет, домашний вид. Сексуально привлекательное нижнее белье? Вызывающе. Завернуться в полотенце? Гостиница. Тапочки? Ужасно. Да еще ее, массажные, с выступающими

шипами. Каблук? Глупо для дома, хотя ноги смотрятся выигрышнее. Босиком? Некрасиво. А что, если ему не понравится у нее дома? Ведь утренняя квартира сильно отличается от ночной. С рассветом в ней исчезает загадочность и недосказанность. Под лучами солнца она уже не кажется столь же уютной, как несколько часов назад, когда ее слегка освещала лишь тонкая полоска растущего месяца. Значит, нейтральная территория для первой ночи — самое то.

Они вышли на улицу. Мелкий майский дождь моросил бриллиантовой пылью. Крошечные дождевики переливались в воздухе, подсвеченном восходящим солнцем. Катя подняла голову к небу и глубоко вдохнула. В ее легкие проник свежий воздух, какой бывает только в лесу после утреннего летнего дождя, а лицо освежили мелкие дождевики.

— Пойдем быстрее, у нас же нет зонта, промокнем, — сказал Стюарт и ускорил шаг.

— Нам не нужен зонт. Посмотри, какая красота!

Стюарт словно завис на несколько секунд, а потом тихо сказал, не поднимая головы:

— Наверное, ты права.

Через десять минут Катя уже притормаживала перед его домом.

— Надеюсь, ты не думаешь, что я всем мужчинам на втором свидании предлагаю отправиться в гостиницу, — сказала она.

— Я не задумывался об этом, — сказал он, поцеловал ее и вышел из машины.

Катя укатила навстречу солнечному диску, лучи которого уже уверенней пробивали сквозную улицу с восточной части Манхэттена. «Странно, что он

не предложил даже чашки кофе», — предательски подкралась нехорошая мысль. Она моментально выключила ее. В конце концов, сегодня не последняя их встреча.

На работе она не замечала ни того, что не выспалась, ни бурлящей вокруг жизни, всем улыбалась, ни с кем не спорила, ничего не доказывала, не повышала голос. Ее ничто не раздражало и никто не мог испортить настроение. Она летала вне времени и пространства, не снимая с лица лучезарной улыбки. Мужчины норовили подойти и спросить о какой-нибудь ерунде, а женская часть коллектива молчала и завистливо поглядывала в ее сторону.

Каким-то шестым чувством женщины всегда понимают: «У нее кто-то появился». Но Катю это не волновало. Интересно, что он сейчас делает? О чем думает? Конечно же, о ней. А как иначе? Понятно, что он влюбился. А почему тогда не звонит? Не пишет эсэмэски каждые пять минут? И ты считаешь, что знаешь мужчин? Неужели ты не понимаешь, что мужчина, занятый делом, легко забывает о той, с которой только что провел незабываемую, с ее точки зрения, ночь? И как только перед его взором возникают привлекательные ноги другой женщины, скорость забывания увеличивается втрое? Впрочем, какая разница? Ты живешь сегодня.

Вечером Стюарт позвонил и предложил на выходные поехать за город. Это уже проверка. И правильно, лучше узнать друг друга как можно быстрее, чтобы не тратить время даром. А вдруг

это не твой человек? Бывает, годами общаешься с подругой и однажды отправляешься с ней на отдых. Первый раз. Практически сразу ты понимаешь: лучше бы этого не делала. Подруга круглые сутки требует твоего внимания. А впереди — о ужас! — нескончаемая неделя ежеминутного общения. Ты возвращаешься из отпуска уставшей, словно из тебя высосали все соки. А бывает наоборот: ты готова в любой момент уехать куда угодно с малознакомой приятельницей — она не грузит, не капризничает, не требует к себе внимания, не настаивает на том, что хочет бродить по берегу моря в то время, когда тебе в кайф — лежать пластом на песке и в одиночестве наслаждаться солнечными лучами. Ей не скучно с самой собой. Катя считает себя идеальным человеком для отпуска. Ей тоже не бывает скучно с собой. И никогда не было.

С малых лет, когда не с кем было играть, она рассаживала на стульях кукол и играла в «школу». От лица учительницы она ставила в журнал оценки, проверяла задания, которые сама же писала в разных тетрадках разными почерками. Обиды на то, что у нее нет компании, она не чувствовала. Так же было, когда она училась в интернате и в родительский день к ней никто не приезжал. В ее классе учились дети из детдомов — у них вообще не было родителей и их никогда не навещали. В этот день Катя брала детдомовских за руки, ставила плотным кольцом и говорила: «Улыбаемся». Так они и стояли, на расстоянии улыбаясь чужому счастью, чужим подаркам и гостинцам. Она запрещала себе думать о том, что ей тоже хочется приезда мамы

и папы, что она тоже хочет, чтобы они вместе распаковывали завернутые в газеты подарки, чтобы они гладили ее по голове и обнимали, чтобы потом, когда они скрывались за большими воротами, она смотрела им вслед и махала рукой. Она не имела права думать об этом: детдомовским гораздо хуже.

Этот интернат был особенным. Катя попала в него по знакомству. Родители ее часто гастролировали, они были эстрадными артистами, и мама воспользовалась тем, что лично знала директора интерната. Он и помог устроить туда Катю. В основном там учились дети с ослабленным здоровьем. Ну как ослабленным? Частые простуды, гланды и другие неопасные заболевания. Интернат располагался в Подмоскowie, в лесу. Так что дети постоянно дышали свежим воздухом. Иногда их кормили деликатесами — красной или черной икрой. Катя икру не любила и отдавала ее детдомовским. Наверное, она бы съедала ее сама, если бы только любила. Ведь другие дети так и делали. Если в ближайшее время ожидался приезд мамы, она сохраняла икру, и мама отвозила ее тяжело болеющему папе. Катя знала, что у папы каверна в легком. Ей казалось странным, что она умеет произносить такое необычное и красивое слово — «каверна». Значит, она уже взрослая.

Всё чаще она возвращается в себя, тогдашнюю, в свое интернатовское детство, пытаясь вспомнить: мучило ли ее тогда что-либо? Иногда сама себе она кажется черствым и непробиваемым человеком. Она слышала так много печальных историй тех, кто проходил через детдома и интернаты, она знала, как безжалостно перемалывала и выплевывала

жизнь многих из них, как подрезала крылья и навсегда оставляла в душе незаживающие кровоточащие раны. Но даже унижения, коих было в те годы немало, не оставили тяжелого следа в ее памяти. Самое невинное из этих унижений — наказание за плохое поведение — это когда по ночам тебя ставят на колени на соль, лицом к стене, и ты стоишь так часами. Колени затекают, горят, кожа на них воспаляется и покрывается красными волдырями. Это больно и унижительно, но Катя почему-то не плакала, а молча стискивала зубы.

Всё происходившее с ней тогда «уроками» она научилась называть только теперь, много десятков лет спустя. Свой ранний возраст она делила на два детства: настоящее и ненастоящее. «Уроки» постепенно стали ненастоящими — своего рода игрой, а настоящее она помнила не связанными друг с другом картинками. Словно память умышленно стерла самое тяжелое и травматическое, чтобы стакан ее жизни всегда оставался наполовину полным.

Ей семь лет, раннее солнечное утро начала осени, когда листья деревьев переливаются яркой желтизной. Так природа на прощание, перед черно-белой зимой, дает возможность полюбоваться живописными красками, чтобы именно они остались в памяти на всё время холодов. Катя шагает с мамой по длинному широкому Ленинградскому проспекту в Москве. Они подходят к автобусной остановке. Вдруг под газетным стендом Катя видит пару черных лакированных туфель. Пораженная, она останавливается. Жили они бедно. У родителей зачастую не было даже пятка на метро. А тут

такое! Туфельки вызывающе красивы. Что они здесь делают? Не может быть, чтобы их забыли. Такое не забывается. Значит, их выставили специально для нее. В Катиной голове — картина состоявшегося счастья, обладание бесценным кладом. Она закрывает глаза, считает до трех и медленно, подглядывая, открывает их, боясь, что клад исчезнет. Ура, эти два чуда никуда не делись. Туфельки с перепонками, на широком каблуке, чистые, блестящие, новенькие. В каждой из них отражается по солнцу. Как нарядно они будут смотреться с белыми носочками! Катя улыбается во весь рот. Мама удивленно смотрит то на эту красоту, то вокруг, в надежде увидеть рядом хозяина чудесных башмачков. Улица пуста. Катя не замечает ничего, кроме двух солнц. Такого у нее никогда не было и, конечно же, не будет. Она — почти принцесса. Ведь только у принцесс бывает богатство.

— Давай возьмем, — дрожит Катя и тянет маму за рукав.

— Как это «возьмем»? А вдруг это кто-то забыл? — мотает головой мама.

— Как можно забыть это на улице? В чем же тогда дальше пошла эта принцесса, их хозяйка? Не босиком же, — язвительно говорит Катя.

Мама борется с собой вечность. Она подходит к туфелькам ближе и... в испуге отступает от них. Наконец, краснея, будто совершает ужасный поступок, осторожно берет их в руки и... ставит на место.

— Не могу, — говорит она.

— Это наши туфельки, — канючит Катя, нахмуривает брови и оттопыривает нижнюю губу.

Мама смотрит на разукрашенную зеленкой обиженную физиономию дочери, на которой заживают последние следы ветрянки, вздыхает и кладет туфельки в сумку. Катя слышит, как колотится мамино сердце. По дороге мама сокрушается, мол, «мы взяли чьи-то туфли, а это некрасиво». Но Катя уже бежит впереди, таща маму за собой. Ей не терпится быстрее надеть принцессыны башмачки. Прямо у входной двери их коммуналки, не дожидаясь, пока мама вытащит из сумки ключ, она, не расстегивая, стаскивает свои старые, протертые до дыр сандалии и двумя ногами одновременно вступает в блестящий лакированный клад. Ужас охватывает Катю — сокровища малы! Не может быть! Это неправда! Она поджимает пальцы и плачет от обиды.

— Не реви, что-нибудь придумаем, — успокаивает мама.

Несколько дней мама будет пробовать все известные народные средства: заталкивание в туфельки мокрых газет и влажных деревяшек; заливание в них спирта. Увы, туфельки не вырастут, но Катька скажет маме, что выросли, и, сжав зубы, будет ходить со скрюченными пальцами, зато в двух ослепительных солнцах. При чем тут пальцы, когда она — обладательница самой ценной находки всей своей жизни? Если бы она умела завидовать, то объектом ее зависти стала бы она сама с ее лакированным кладом. Но Катька завидовать не умеет. Радоваться — да. Ведь радость — белая, а зависть только одного цвета — черного. Странно, но с появлением черных туфелек Катькина жизнь стала цветной.

Лишь один раз в жизни Катька остро ощутила на собственной шкуре, насколько опасна зависть. И этого единственного раза хватило ей навсегда. После бегства Кота она пребывала в ощущении того, что любви у нее больше не будет. Иногда это ощущение становилось паническим, но Катя с помощью самоуговоров пыталась настроить себя на позитивную волну. Приятельница, в жизни которой с легкостью уживались ни о чем не подозревающий муж и любящий ее любовник, делилась с ней секретами. Однажды она рассказывала о своих приключениях: о том, что любовник предлагает ей бросить мужа и сам тоже готов расстаться с женой. Никто, кроме Катькиной приятельницы, ему не нужен. В этот момент Катька физически почувствовала, как ее с головой накрыла зависть. Она отчетливо ощутила, будто из солнечного сплетения во все органы тела медленно просачивается вязкая, тягучая, нефтяная жидкость. Внутри у Кати поселилась черная разрушительная сила, и она не на шутку испугалась. Никогда ранее она не испытывала более отвратительного чувства. Это состояние длилось несколько минут, но перепутать его ни с каким другим было невозможно. Катьке стало брезгливо от себя самой. Усилием воли она выключила зависть и твердо решила, что больше никогда не впустит ее в себя. Она навсегда запомнила свои ощущения. Если зависть — это твоё желание обладать тем, чего у тебя нет, но есть у другого, значит, вместе с завистью ты обязательно получишь в придачу то, о чем не просил: беды, несчастья и проблемы объекта твоей зависти. Повторения

такого губительного опыта она не хотела. В тот день Катька поняла, что даже самый сильный гнев не может сравниться с роковой силой зависти.

Катя собралась с дочкой на пару дней в Майами. Она попросила Стюарта по возвращении встретить их в аэропорту — ей нужно было на работу прямо с самолета.

— Конечно, с удовольствием, — живо отозвался он.

Что-то внутри еле слышно подсказывало, что встречать их никто не будет. Смутная догадка приняла четкие очертания уже на следующее утро.

— Катюша, — выпалил в трубку Стюарт, разбудив ее ранним звонком, — я вчера был в ресторане, встречался со старыми друзьями. А выходя, упал с лестницы и пролетел десяток ступенек.

— С тобой всё в порядке? — Катя моментально проснулась и села на кровати.

— Ну да, как бы тебе сказать? Видишь ли, я разбил одну сторону лица и повредил левую руку. Она отекла и болит.

Стюарт — левша. Это она отметила в день их знакомства, когда в ресторане он рисовал женское лицо левой рукой. Вдобавок ко всему у него машина не с автоматической трансмиссией, а с ручной коробкой передач. «Прошла всего неделя после знакомства, а он уже по пьяни падает и разбивается. Это явно звоночек. И для меня тоже», — подумала Катя. О встрече в аэропорту речи уже не было, но пока они договорились о встрече вечером.

У входа в манхэттенский ресторан на Вест-Сайде стоял он и курил.

— Скажи спасибо, что я уже видела тебя в более приличном виде, иначе развернулась бы и ушла, — сказала она, подойдя к нему.

— Да, ты права, Катюша, моя бывшая жена, посмотрев на эту картину, решила, что я похож на кусок дерьма.

— Ты для нее — ничто, неважно, с разбитой физиономией или нет. Для нее ты — в прошлом, а для меня — в настоящем.

Пятидесятитрехлетний Стюарт выглядел как подросток, получивший в глаз. Катя даже не предполагала, что кожа человека может превратиться в столь богатую красками палитру. Одна половина лица Стюарта была щедро разрисована красно-синим. Веко опухшего левого глаза — мечта импрессиониста — переливалось неповторимыми по цветовому спектру оттенками, от берлинской лазури до шокирующего розового. Цвета плавно и гармонично перетекали из одного в другой. Зато не тронутый ступенями лестницы правый глаз по-прежнему сиял синевой неба. Только по нему и можно было узнать Стюарта. Вместо пальцев левой руки пять переваренных сарделек с лопнувшей пленкой сверкали ядреным фиолетовым. Кисть опухла до такой степени, что от натяжения на ней треснула кожа.

— У тебя перелом руки и повреждение лицевого нерва, — уверенно сказала Катя. По ее мнению, это было настолько очевидным, что ошибиться с диагнозом было невозможно. — Дуй утром к врачу и сделай снимок. Обещай сразу позвонить мне.

— Обещаю.

Ему было больно, но он старательно улыбался неповрежденной половиной лица. Это старание не могло не очаровать.

— Звоню, как ты просила, — раздался утром в трубке голос Стюарта, — сижу в приемной у врача. Рентген сделали — перелом руки. Нужна небольшая операция. Сейчас будут делать. И еще поврежден лицевой нерв. Доктор сказал, что это постепенно пройдет, а в гипсе надо будет ходить месяц.

— У тебя есть страховка?

— Нет, но врач обещал дать скидку.

— За красивые глаза? Вернее, за оставшийся красивый глаз?

— Нет, потому что он — русский.

— А, тогда понятно, — сказала Катя, — считай, что тебе повезло.

— Он то же самое говорит.

— А ты сказал ему, что его соотечественница, не врач, уже поставила тебе диагноз?

— Нет.

— Тогда передай привет.

За постановку диагноза он ее даже не поблагодарил. Не то что ей нужна благодарность, но мог бы. «Если такое случилось всего через несколько дней после знакомства, что же будет дальше?» — подумала она, а вслух сказала:

— Думаю, что это — твой урок. Теперь у тебя есть возможность что-то переоценить.

Повисла долгая пауза.

— Я буду над этим думать, — ответил он.

В день их знакомства Стюарт выпил несколько бокалов вина, что никак не отразилось на его

поведении. Обаяние, харизматичность, быстрота ума в сочетании со скоростным чувством юмора остались теми же. После первой ночи он проснулся в хорошем настроении.

— Ты не представляешь, как для меня важна утренняя улыбка, — промяукала она тогда, потягиваясь и щурясь от солнечных лучей, заглядывающих в распахнутое окно десятого этажа гостиницы.

«Я была бы счастлива встретить мужчину, который так же, как и я, начинает утро с улыбки», — написала Катя в своей краткой автобиографии на сайте знакомств. Еще три месяца назад она и представить не могла себя клиентом такого сайта. Твердая убежденность в том, что она не сможет выставить в Интернет свои фотографии с целью знакомства; невозможность увидеть себя рядом с американцем, коих на этом сайте подавляющее большинство; словарный запас ее английского никогда не сможет соперничать с русским, то есть свои мысли так же легко и свободно, как на русском, она излагать не сможет. И вообще, при ее любви к русскому языку, ставшему еще и профессией, она всегда чувствовала себя неграмотной, общаясь по-английски, хотя язык знала и говорила на нем свободно. В разноязыкой Америке мало кто обращает внимание на иностранный акцент, с которым здесь говорят миллионы и миллионы, но Катя комплексовала. Эти причины были столь весомы, что встречаться с американцем с целью создания семейного союза — ею не рассматривалось в принципе. И главное, Катя считала себя

стеснительной и неопытной в вопросах знакомства. Она не помнит, чтобы у нее возникала необходимость с кем-то познакомиться. Обычно всё происходило само по себе.

Лишь однажды, первый и последний раз, ее попытались познакомить с молодым человеком. Это было через несколько дней после приезда в Америку. Соседка и приятельница Катиной бабушки узнала о том, что скоро к ней приезжает внучка. «У меня есть хороший мальчик, без вредных привычек, он мечтает познакомиться с хорошей девочкой», — заговорщически сказала бабушкина соседка. «Хорошим мальчиком», по странному стечению обстоятельств, оказался ее внук. Обе бабушки поняли друг друга: судьбы детей их детей решены — еще бы, как такая «хорошая девочка», как Катя, может не понравиться «хорошему мальчику»? А уж то, что он произведет на нее правильное впечатление, сомнений не было — мальчик знает английский и имеет-таки работу! Обе бабушки подошли к вопросу ответственно и начали строить планы скорой свадьбы. Они взялись за изучение каталогов с платьями для невест, повычеркивали из длинного списка гостей недостойных, придирчиво искали тамаду из местных знаменитостей, подсчитывали, в какую копеечку выльется мероприятие. В итоге решили, что главное в этом деле — не скупиться и не ударить лицом в грязь: всё же внуки женятся не каждый день.

После всех подсчетов Катина бабушка накрыла стол и торжественно объявила внучке, что с ней хочет познакомиться «хороший мальчик с хорошей

профессией» — он ремонтирует холодильники и кондиционеры. Катя наотрез отказалась от встречи с «хорошим мальчиком». Не то что холодильные профессионалы ей неинтересны, просто она не привыкла, чтобы ее с кем-то знакомили, пусть даже и родные люди. Но бабушка слезно умоляла уделить «мальчику» хотя бы полчаса, иначе соседка Фира этого не простит или «не дай Бог, не переживет». Только ради сохранения Фирино-го здоровья и ее добрых отношений с бабушкой Катя согласилась на встречу с холодильных дел мастером.

К назначенному часу, одетая в свою первую американскую попку — новенькие, за двадцать долларов, настоящие джинсы Levis, — она выпорхнула из бабушкиного подъезда на первое в жизни blind date — свидание вслепую и тут же, у порога, остановилась и захотела впорхнуть назад. Но было поздно. На нее устремил взор потенциальный жених — розовощекий «колобок» с пухлыми алыми губами. «Колобок» источал ароматный запах — букет наваристого борща и котлет с чесноком. На нем был серого цвета пиджак с короткими рукавами времен первой волны эмиграции — наследство от прадеда. Пиджак был тесен в пройме и застегнут на все четыре пуговицы, поэтому «колобок» мог держать руки только прямо, не сгибая, а приподняв и отставив в стороны, так что плечи его вдавились в щеки. Светло-серые, в катышках, спортивные брюки, приспособленные внизу на резинку, заканчивались на щиколотке. Ниже были белые носки и ярко-зеленые сандалии. Некоторое время у Кати ушло на то, чтобы

оторвать взгляд от этой, самой нижней части нарядного гардероба жениха.

— Пройдемтесь? — именно так, с западно-украинским говорком, «колобок» пригласил Катю на прогулку.

Онемевшая от вида «жениха» и его «пройдемтесь», Катя нерешительно сделала шаг вперед. «Колобок» покатился по правую руку от нее. На первом круге катания вокруг дома «колобок» рассказывал о своих достижениях в области ремонта кондиционеров. Из этого увлекательного рассказа Катя узнала, что кондиционеры состоят из компрессора, датчиков температуры, фильтров, реле и много чего еще. Заход на второй круг сопровождался другой, не менее занятой темой — о конфигурациях холодильников. Кате довелось познать, что холодильники делятся на компрессионные и абсорбционные, а также — на двухкамерные и однокамерные. Ей показалось, что ремонтировать холодильники «колобку» нравится больше, чем кондиционеры, — в холодильниках есть еда. Без пяти минут невеста ожидала, что к третьему кругу «колобок» поинтересуется если не ею лично, то хотя бы спросит, мол, «как там, на Родине?». Бабушка Фира наверняка рассказала внуку все подробности о Кате: и то, что она приехала меньше недели назад, и нечто другое, что бабушки обычно домысливают самостоятельно. Но Родина «колобку» была неинтересна. Кавалер даже не пригласил вновь прибывшую невесту в ближайшее кафе на кофе. Вообще-то, Катя должна была откланяться сразу после первой части рассказа о кондиционерах, но ей было неудобно:

человек готовился к свиданию, ехал издалека, наверняка волновался. Всё же на четвертом круге она взяла себя в руки.

— Мне пора, — сказала она и внимательно посмотрела на часы.

— А можно мы еще встретимся? — спросил «колобок» и икнул.

— Спасибо, не надо, — ответила Катя и впорхнула в подъезд.

После этого она попросила родственников больше не беспокоиться о ее светлом будущем — сама справится. Так и случилось. Она вполне освоилась в Америке и за последние два десятка лет не жаловалась. А девять последних — вообще пребывала в гармонии с собой, окружающим миром и еще не сбежавшим Котом.

Боль от его побега нет-нет да прорывалась в ее «сегодня», отбрасывая Катю в тот вечер, когда Рудик принес письмо. Эти воспоминания действовали на нее рефлекторно, как лампочки — на собаку Павлова. Она физически чувствовала, как тяжелеют ноги, и научилась не пугаться и не бороться с этим чувством, а принимать его и отпускать. Теперь она вновь надеялась встретить мужчину, с которым у нее будет взаимная любовь.

Она была божественно легка, она, как сон, неслась за облака, когда держалась на крыле любовь, а быть любовью мог тогда любой. Она была смешлива и смешна, как будто из вчерашнего пришла, когда от смеха сотрясался двор, а другом был и праведник, и вор. Она была чудовищно груба, как власть вкусившая

раба, когда чернела страхом пустота под аркою ближайшего моста. Она была придирчиво мила, она как будто начерно жила, когда бесцельно скалилась в ответ и дым вдыхала едкий сигарет.

Она была умеренно тиха, как утром, после тайного греха, когда боялась потерять того, кто одиноко шел по мостовой. Она была уверенно резка, когда подкрадывалась к ней тоска. Она перед нею закрывала вход и выставляла стражу у ворот. Она была величественно зла, как спутница высокого посла, когда в соседнем мини-супер-сторе просила выдать ей билет на море.

Она была торжественно чиста, как будто снова — с чистого листа, когда проскакивала «красный» на шоссе, и вновь не получилось, как у всех. Она была единственной, одной, кого он называл своей звездой, не той звездой, что смотрится в экран, а той, которую у всех украл, чтобы согреться и согреть ее, и быть в бесцветной вечности вдвоем, и плыть по небу, словно облака. Она была божественно легка.

Через пару месяцев после его побега можно было подвести кое-какие итоги: она научилась просыпаться и задаваться вопросом «Что нового ждет меня сегодня?», обустроилась в новой квартире, начала бегать по утрам, выезжать в гости и занялась самопсихотерапией — наговаривала на диктофон роман. Для столь короткого срока — неплохо.

Апрельским вечером Катя сидела перед компьютером с диктофоном в руках — этим двум электрон-

ным приборам и последнее время она доверяла больше, чем кому-либо, — когда раздался телефонный звонок. Она услышала тот же мужской голос, который когда-то звонил в ресторан, но по ошибке попал к ней.

— Hi? I'd like to place an order, please?

— Вы опять попали ко мне, — ответила Катя по-русски.

— Куда я попал? — недоуменно спросил голос.

— Пару месяцев назад вы уже звонили в ресторан, в этот или другой, не знаю, и тоже ошиблись, набрав мой номер.

— Ой, я понял, простите, ради Бога. Это случайно.

— Ничего случайного не бывает, — сказала она и дала отбой.

«Если позвонит в третий раз, значит — судьба», — подумала Катя.

Словно услышав ее мысли, телефон зазвонил вновь.

— Вы что, действительно решили, что случайностей не бывает? — спросила она трубку.

— Чего? Ты о чем? — в трубке была Ирка.

— Ой, извини, тут кто-то ошибся номером.

— А, ясно, — Ирка, приятельница Кати, с которой они давно не болтали, явно хотела выговориться, — слушай, я тут зарегистрировалась на сайте знакомств. Сама от себя не ожидала. Я встречаюсь с обалденными мужчинами. Ты даже не представляешь, как увлекательно — есть из кого выбирать.

— Ничего себе! Да, девчонки говорили, что ты вся расцвела.

— Ой, правда? — закокетничала Ирка. — Времени нет даже в парикмахерскую сходить. Столько мужчин вокруг, столько всего интересного. А твои дела как? — наконец задала вопрос Ирка.

Катя вкратце рассказала историю побега Кота.

— Вот сволочь, — воскликнула Ирка, — так тебе в самый раз зарегистрироваться на сайте.

— Ты с ума сошла! Ни за что, — отрезала Катя.

— А что тебе мешает? — невозмутимо сказала Ирка. — Ты теперь свободная женщина.

— Да нет. Исключено. Там же американцы — другая культура, обычаи, менталитет, язык, в конце концов. Кому я буду читать свои стихи и песни петь? Да и как я выставлю свои фотографии на всеобщее обозрение, чтобы все увидели?

— Там русских мужчин практически нет, — возразила Ирка, — а американцы ищут не своих, а русских женщин. Так что никто тебя не узнает. Наши бабы отчаялись найти нормального соотечественника, вот и копают среди иностранцев.

— А ты уже откопала?

— Я в поиске, но обязательно найду, — сказала она уверенно.

— Всё равно это не для меня, — отрезала Катя, давая понять, что завершает тему.

— Твое дело, — погрустнела Ирка. — Ну ладно, звони, не пропадай.

Потом, через полгода Ирка, у которой несколько лет назад внезапно умер муж, встретила мужчину, которого искала, вышла за него замуж и переехала во Флориду.

А через два дня после этого разговора, скорее, ради любопытства, Катя зашла на сайт знакомств.

В первые же часы всё закрутилось настолько стремительно, что времени на раздумья не было. На ее страницу один за другим стали заходить самые разные мужчины. Оказалось, что вокруг — масса одиноких людей, пребывающих в поиске своей второй половины. Размышлять было некогда. Если тебе кто-то понравился, но ты не отвечаешь сегодня, завтра уже может быть поздно.

Катю заинтересовала биография бразильца из Нью-Йорка — сценариста, режиссера и продюсера в одном лице. Он зашел на ее страницу, и уже вечером они созвонились. Джон оказался интересным собеседником. По-английски он говорил с сильным акцентом, но бегло и, как все бразильцы, шепелявил. Он предложил встретиться в Манхэттене. Со своей патологической пунктуальностью точно в назначенный час Катя приехала к ресторану. Бразильца еще не было. В ожидании она встала у входа и начала незаметно рассматривать людей вокруг, наблюдать за их поведением. За одним из столиков на улице к ней лицом сидели длинноволосый юноша и девушка. Катя видела только ее спину. Юноша постукивал пальцами по столу, отбивая ритм звучащей в его голове музыки, и подмигивал своей спутнице. «Странно, зачем подмигивать, когда ты уже с ней?» — подумала Катя. Девушка вышла из-за стола, юноша остался сидеть и продолжал подмигивать. Катя обернулась. Вокруг никого не было. «Наверное, тик», — подумала она, но тут же до нее дошло, что молодой человек подмигивает ей. «Он что, с ума сошел? Ему же лет двадцать».

Она присмотрелась внимательнее к этому уверенному в себе молодому человеку и узнала его: три месяца назад, в феврале, именно он подмигивал ей из соседней машины, когда она стояла на долгом светофоре. Вряд ли он узнал ее, по всей видимости, это просто его манера — подмигивать женщинам, но она не могла ошибиться. Тот день отпечатался в ее памяти поминутно.

Катя посмотрела на часы — она ждет бразильца уже двадцать минут. С какой стати? Почему она не уходит? Дает шанс? Зачем? Хочет узнать, что это за бразильский фрукт? Не хочет признать, что ее прокатили и что напрасно приехала?

Начинало темнеть. Сорок минут ожидания незнакомого мужчины! Это уж слишком! Она же приличная женщина, в конце концов. Катя решительно направилась к машине. В то же мгновение она увидела мчащегося прямо на нее высокого мужчину.

— Прости, прости, еще раз прости, — издалека кричал Джон.

Подбежав вплотную, он, смущаясь, чмокнул Катю в щечку. В тот же момент между ними втиснулась женщина в спортивном костюме. Минутой ранее Катя увидела ее, бегущую трусцой. Первую фразу бегунья произнесла по-английски, а продолжила по-русски. Она обращалась к Кате:

— О, я вас знаю. Часто вижу по телевизору. Вы мне очень нравитесь.

Катя поблагодарила бегунью за приятные слова, и та побежала дальше.

— Я не могу поверить, что тебя узнают на улицах, тем более в Манхэттене, да еще в темноте, — в полном недоумении сказал Джон.

Действительно, в этой части верхнего Манхэттена вероятность встретить русского человека крайне мала. А чтобы еще и смотрящего русское телевидение — практически нереально. Кате стало неловко. Обескураженный бразилец стал извиняться за опоздание.

— Со мной такого никогда не было, — быстро шепелявил он, — это случилось впервые. И надо же, именно с женщиной, которая мне очень понравилась.

Джон был статным мужчиной с короткой стрижкой и пронизательными, но печальными карими глазами-вишнями. У Кати он не вызвал никаких неприятных эмоций, а что опоздал — так с кем не бывает? В конце концов, это непредсказуемый Нью-Йорк. Они сели за столик на улице. Кате стало холодно, но она не подавала виду. Джон, словно в замешательстве, казалось, без всякой цели периодически хватал со спинки стула пиджак, запускал руку в карман и, ничего оттуда не вытаскивая, водворял пиджак на место за своей спиной. «Я ему не понравилась. Он собирается закругляться, но не знает, как это сделать», — подумала Катя.

Позже Джон признается, что в тот вечер он понял, что Катя замерзла, и несколько раз хотел накинуть пиджак на ее плечи, но у него не хватило смелости прикоснуться к ней. После обеда, по дороге к ее машине, от нехватки этой смелости не осталось и следа. Джон изголодавшимся зверем набросился на нее с поцелуями. Она увернулась один раз, второй. Но ей тоже хотелось понять, что он представляет собой как мужчина. А что, как не поцелуй, служит первым индикатором? Разве

большинство мужчин не так проверяет, есть ли смысл продолжать знакомство с женщиной на более близком уровне?

Он оказался интересным собеседником, у них было много общих тем — они могли бесконечно говорить о кино, режиссерах, актерах, написании сценариев. Но ее внутренний голос не дал никакого сигнала, что она влюбилась или может в него влюбиться. Ее смутили излишняя суетность, беспокойство и нервозность Джона, словно он не может определиться со своей жизнью. Такие люди обычно нетвердо стоят на ногах, их планы меняются сотни раз на день, их обещаниям нельзя верить, они ничего не доводят до конца. Тем не менее, невзирая на этот не самый идеальный портрет, она согласилась на вторую встречу, через два дня. На сей раз опоздать он не мог. Катя должна была подъехать к его офису на 23-й улице и Седьмой авеню.

— Учти, там нельзя стоять, гоняет полиция, — сказала она в телефон, поворачивая руль в сторону Седьмой авеню, — так что у тебя нет другого варианта, как выйти вовремя.

Он ждал на перекрестке.

— Испугался, что ли? — спросила Катя с улыбкой, когда он сел на пассажирское сиденье.

— А как ты думаешь? — ответил Джон. — Я же понимаю, что второго шанса ты не дашь.

— Вот это точно.

Они отправились в джазовый клуб, где их усадили за столик напротив друг друга. В течение всего вечера Джон много раз вставал со своего места, подходил к ней, потом шел в уборную. «Ка-

кие-то у него проблемы со здоровьем», — насторожилась Катя.

Словно читая ее мысли, Джон сказал:

— В Бразилии, в отличие от Нью-Йорка, столы не такие широкие, там влюбленные могут целоваться без помех. Так что я встаю, чтобы лишний раз подойти к тебе.

Он рассказал о своей семье, живущей в Рио-де-Жанейро. Брат — известный в Бразилии монтажер фильмов и сериалов. Он же монтирует и картины Джона. По мнению всех членов семьи, только у Джона всё «не как у людей». Несколько лет он был женат на женщине из Алабамы. Детей у них не было. Бывшая жена, врач по профессии, переехала к нему в Нью-Йорк. Спустя короткое время у нее началась депрессия с резкими перепадами настроения. Коллеги-врачи посоветовали ей таблетки от этой напасти. Она начала их принимать и вскоре потеряла интерес к мужу, дому и сексу. Но главное — она не смогла привыкнуть к Нью-Йорку, любимому городу Джона. Она уговаривала его переехать в Алабаму, но пойти на это он не мог. В итоге после пяти лет совместной жизни — не жизни, а мучений, по словам Джона, — они развелись. Бывшая жена уехала на родину, бросила медицину и посвятила свою жизнь семейной ферме, на которой пасет коз и овец.

— Я не готов променять Нью-Йорк ни на какой другой город, — подытожил он свой рассказ.

На сайте знакомств Джон зарегистрировался за пару месяцев до Кати. За это время у него было несколько коротких связей, но ни с одной из женщин серьезных отношений он не захотел.

— Ой, — вскинул брови официант, подойдя к их столику и глядя на Катю, — я вас узнал. Теперь буду рассказывать, кого сегодня обслуживал.

Официант оказался русским, шесть лет назад приехавшим в Нью-Йорк из Лондона.

— Я понял, ты подговариваешь людей. Ты платишь им деньги, чтобы они разыграли передо мной сценку узнавания тебя, — воскликнул Джон.

И действительно, для второго свидания в Манхэттене, а не на Брайтоне, второй похожий случай — более чем странно. Кате показалось, что он на самом деле заподозрил ее в подставе.

— Хорошая идея — подговаривать, — засмеялась она, — надо взять на вооружение.

Они вышли из клуба и подошли к ее машине.

— Ну и что дальше? — спросила она.

— Что ты имеешь в виду? — не понял Джон.

— Я имею в виду: куда дальше?

— Я живу, как бы это сказать... не один, — он звучал неуверенно.

— В смысле?

— Нет, нет, ты не то подумала, — затараторил Джон, — я живу с соседом.

— От взрослого мужчины это звучит глупо и неубедительно, поэтому, если ты думаешь, что я приглашу тебя к себе, ты ошибаешься. Я не могу приглашать мужчину, которого знаю две встречи.

— Я честный и порядочный, от меня ничего плохого ожидать не стоит, — скороговоркой выпалил Джон, — а ты очень смелая и независимая, раз можешь спокойно называть вещи своими именами.

— Ну что ж. Тогда пристегивайся и держись — взлетаем.

Катя завела мотор и рванула с места.

— Мы едем к тебе? — радостно выпалил Джон.

— Нет, к тебе.

— Я же....

Она не дала ему договорить.

— Я везу тебя домой... к тебе домой, а сама еду к себе домой.

Несколько раз Катя наведывалась на страничку с фотографией высокого мужчины в очках с тонкой оправой. Сам же он ни разу не удостоил ее своим вниманием. Этот факт чуть было не понизил Катину самооценку. Спасли два первых знакомства: со Стюартом и с бразильцем. Если из двух мужчин, с которыми она встретилась, оба хотят увидеться еще, то, согласно статистике, это считается стопроцентным успехом.

Джон — личность творческая и, в отличие от многих его коллег, не заикленная на себе. Стюарт — интеллигентный, с чертовщинкой в голубых глазах. Именно глаза на фотографии, где он стоит в белом халате со стетоскопом на шее, и сразили Катю. Плюс бархатный баритон, внятная, с яркими обертонами, речь.

Пребывание на просторах сайта знакомств оказалось занятием увлекательным, но от него легко впасть в наркотическую зависимость. Трудно удержаться от того, чтобы не привыкнуть к гонке. Перед глазами мелькают лица, биографии, иногда — в телефонной трубке — голоса. Времени остановиться нет, ты спешешь, кажется, что следующий станет твоим джекпотом. Еще одна ставка.

Но получается, что призрачный выигрыш маячит за ближайшим поворотом, с каждым шагом отодвигаясь от тебя. Катя научилась виртуально отсеивать реальность, распознавать, когда мужчина лукавит и пишет одинаковые сообщения всем женщинам, на авось, может, кто-то, да откликнется, а когда адресует послание лично ей. Бывают мужчины, рассказывающие небылицы о себе или расточающие всем женщинам одинаковые комплименты. И с теми и с другими Кате становилось скучно на второй минуте общения.

О человеке можно многое сказать по его фотографии. Кто-то снимается в самых разных местах в обществе любимой собаки. Кто-то целуется со своими огромными псами — кинг-конгами, и звери смачно облизывают восторженные лица своих хозяев. Кате трудно представить, чтобы, зная о столь страстной любви к собаке, она могла поцеловать ее владельца.

На другом снимке здоровенный мужик заботливо держит на руках маленькую белую болонку с бантиком на лбу. Судя по серии фотографий, болонка сопровождает этого мужика повсюду: на яхте; на лыжном курорте; в ресторане. Зачем мужчине таскать с собой пусть даже самого очаровательного пёсика? Собачьи экземпляры в целом Катей не рассматривались. Собак она любит, чужих, но сама собачницей не является.

Другие кандидаты выставляют фотографии с кое-как замазанными черным фломастером лицами бывших или настоящих (кто знает?) спутниц жизни, стоя с ними в обнимку. Таковые тоже отсеивались.

Особая категория — спортивные болельщики. Как правило, на главном снимке своей страницы фанат спорта одет в безразмерную кофту с огромной цифрой, под которой, надо полагать, играет его любимый бейсболист, скажем «19». Важны и другие атрибуты — кепка и бейсбольная бита. Спортивный болельщик запечатлен во время сделанного им самим удачного удара, который он будет вспоминать, пока жив, а может, и после, учитывая, что прогресс движется семимильными шагами. Ученые вон уже установили, что таки да, есть жизнь после смерти. Скоро с того света можно будет отправлять селфи близким: «А Земля за моей спиной — такая маленькая» или «Здесь я в компании Эйнштейна и Ницше». В своей биографии болельщик пишет, что основным событием его жизни стало посещение всех матчей обожаемой им команды. Обязательным считается снимок, на котором он в баре с друзьями отмечает победу своей сборной. Над ремнями любителей спорта нависают пивные животы, у каждого в руке — огромная кружка пива, а на лицах — одинакового оскала улыбки. Подпись под этим творением: «Да здравствуют Мэтс!»

Большой раздел на сайтах знакомств составляют байкеры. Они седлают свои навороченные «харлеи», то стоя на вздыбленном байке, то насилуя машину лежа, во время движения. На одной из фотографий байкер изображен в косынке до бровей, завязанной на затылке в узел. На его теле — майка, пару десятков лет назад считавшаяся нижним бельем. В ней лучше видны татуировки, часть из которых в настоящее время проходит процедуру

вытравливания. Поэтому в тех местах, где байкер пытается избавиться от грехов молодости, зияют незаживающие раны, что придает общей картине драматичности и мужественности. На другой фотографии — он и кореша в темных очках, джинсах и тяжелых ботинках сидят на своих мотоциклах, сгрудившись плотным кольцом. Байкерам необходимо, чтобы потенциальная спутница жизни разделяла их мотоциклетные интересы. Катя не их пассажир. Она не видит своей принадлежности к полуфабрикатам для морга.

Спортсмены предпочитают фотографироваться со штангами над головами, в горнолыжном обмундировании на горе высшей сложности, на доске для серфинга внутри гигантской волны, на палубе белоснежной яхты или зависнув в небе с парашютом едва различимой точкой. Одержимые экземпляры, чем бы то ни было, — тоже не для Кати.

Немалое количество клиентов сайта составляют «ослепительные» мужчины с белозубой, цвета унитаза, улыбкой. В автобиографическом очерке они пишут о себе в превосходной степени, подчеркивая, как легко им удастся рассмешить женщину. Кате попадалось большое количество юмористов и сатириков, согласно их автобиографиям. У нее невольно закралось подозрение, что всем им помогал писать один человек — заведующий отделом смеха и юмора. Ну не может быть столько весельчаков на один квадратный метр. Впрочем, судя по выражениям многих физиономий, их юмор на уровне «торт в лицо».

Если в старые добрые времена, глядя друг другу в глаза, говорили: «Ты мне нравишься», то нын-

че обитатели сайтов знакомств изъясняются так: «Мне нравится твоя биография». То есть от того, какие эпитеты ты подберешь к собственной персоне, а по сути, как ты сам себя продашь, пропиаришь, зависит твоя дальнейшая судьба. Ежели ты не обладаешь писательским даром, не волнуйся — администрация сайта предлагает несколько шаблонов для написания биографии. Так что косноязычие легко маскируется под литературным даром шаблона. Главное преимущество сайтов знакомств в том, что каждый может беззастенчиво лгать о себе и беспардонно рассматривать чужие странички, что в реальной жизни не так просто. В виртуальном пространстве ты можешь прикинуться умным, будучи идиотом в третьем поколении, или можешь расписать себя смельчаком и отважным рыцарем, родившись трусливым, как морская свинка.

Первое время Кате казалось нетактичным кому-то отказывать даже в письменном общении, не говоря уже о телефонном. Вскоре нетактичность сменилась интересом. Она научилась читать по диагонали. Если что-то ее цепляло, она готова была услышать голос, а после телефонного разговора становилось понятно, стоит ли продолжать знакомство.

Один клиент сайта — писатель — пригласил ее на литературные чтения начинающих авторов. Катя откликнулась на это необычное для первого свидания предложение. Первые два часа знакомства они молча сидели на мягком клубном диване, пока авторы читали довольно занимательные произведения. В какой-то момент писатель робко дотронулся до Катиной руки, она аккуратно ее

убрала. Больше попыток не было. Чтения закончились, и они перешли в ресторан при клубе. Писатель оказался из «ослепительных». Он картинно улыбался исключительно белоснежными зубами, без привлечения глаз. Этой приклеенной к лицу улыбкой он одаривал всех вокруг. Катя заметила, что, ведя с ней диалог, писатель — не здесь и не сейчас. Его взгляд лишь скользит по ней, на самом деле он блуждает по всему окружающему пространству. Писатель не сомневался в своем очаровании, полагая, что от него невозможно не обалдеть. Работник интеллектуального труда взмахом головы драматично откидывал со лба прядь волнистых, крашенных под цвет скошенного сена волос и оглядывался, оценивая, какое впечатление на окружающих производит этот жест. Никто от восторга не умирал, Катя тоже сидела вполне себе живая. На следующий день писатель позвонил.

— Можем ли мы встретиться еще раз? — спросил он.

— Извините, не думаю, — сказала Катя.

Оказывается, жизнь бывает стремительной и захватывающей. За все годы жизни в Америке она только два раза была в длительных отношениях: восемь лет с бывшим мужем и девять лет — под знаком Кота. Между ними — три года перерыва с несколькими скороспелыми романами. Всё это протекало в возрасте от двадцати семи до сорока семи лет, который принято считать лучшими годами жизни. После — у многих наступает кризис среднего возраста. В Катину дверь этот пресловутый кризис не стучался, да она бы и не открыла,

зная, как нелегко пришлось некоторым подругам, распахнувшим кризису двери.

У Ольги, например, разгорелся роман с гражданином России. Несколько лет он жил и работал в Нью-Йорке. В Москве у него были жена и взрослая дочь. Ольга надеялась, что он разведется с женой, хотя он никогда этого не обещал. Со временем желание владеть им единолично переросло у нее в навязчивую идею. Начались частые скандалы, после которых Ольга — любительница выпить — садилась за руль. Не одну машину она разбила в пьяном состоянии, но сама ни в одной из аварий удивительным образом не пострадала. Однажды, в пылу очередной ссоры, после пол-литра водки, она села за руль и ей пришел в голову гениальный план мести: прямо сейчас рассказать всю правду жене этого подлеца. Не сбрасывая скорость, Ольга схватила телефон и стала набирать номер московского телефона своего любовника. Цифр много, взгляд не фокусировался. Кое-как она нажала все кнопки. Оставалась последняя. Но ее нажать Ольга не успела. Машина на полном ходу врезалась в фонарный столб. На Ольге — ни царапины, автомобиль — вдребезги. Полиция, наручники, тюрьма, суд, лишение прав на год, крупный штраф, курсы для алкоголиков, финансовые затраты на адвокатов — вот что получилось в остатке. На следующий день после выхода из камеры предварительного заключения она позвонила Кате.

— Представляешь, до чего он, сволочь, меня довел?! — кричала она в трубку. — Из-за него я разбила машину, попала в тюрьму к уголовникам,

влетела на бабки. А ему по фигу, он даже не поинтересовался, как я себя чувствую.

Катя слушала ее страстный монолог, не перебивая, а потом то ли сказала, то ли спросила:

— Ты понимаешь, что тебя Бог спас?

— Ты сдурела, что ли? От чего он меня спас? — завопила Ольга.

— От подлости. По-другому ты бы не поняла. Тебе же оставалась одна цифра до превращения в сволочь.

Подруга бросила трубку.

— До меня дошло, что ты имела ввиду, — сказала она после двухнедельного молчания, — понимаешь, у меня кризис среднего возраста. Я чувствую, что мужикам неинтересна. Они стали скользить по мне взглядом, а не останавливаться, как раньше.

— Оль, у тебя не кризис, а алкоголь среднего возраста, — ответила Катя.

— При чем тут это? — раздраженно проговорила Ольга.

— А при том, что именно благодаря тебе я столько лет не пью.

— Не ври, я тебе никогда не советовала бросать.

— В том-то и дело. Могу напомнить. Мы как-то сидели на твоей кухне, выпивали, я о чем-то рассказывала. Вдруг ты посмотрела на меня осоловелым взглядом и говоришь: «Катьк, бросай пить». Меня знаешь, что поразило? Не сама фраза, а то, что ее произнесла совершенно пьяная женщина. И я бросила. За что и благодарна тебе.

Ольга долго молчала, потом сказала:

— У меня бросить не получится.

— Захочешь — получится.

На своей страничке на сайте знакомств Катя просила не подмигивать (там есть такая функция), а отправлять сообщение. «В противном случае, — писала она, — вы упускаете свой шанс». Тем не менее многие эту ремарку игнорировали и подмигивали. Для нее это означало, что написанное ею они не читают, а подмигивают всем женщинам подряд в расчете на то, что какой-нибудь патрон из обоймы, да выстрелит. Между тем один из кандидатов оказался с чувством юмора. Он тоже подмигнул Кате, но почему-то, вопреки своим правилам, она в ответ отправила ему сообщение: «Ты подмигнул мне, несмотря на то что я просила этого не делать. Обычно я подобное игнорирую, но тебе захотела ответить». Он тут же откликнулся: «Вот я и решил: она наверняка подумает: “Что это за наглец такой, которого просят не подмигивать, а он всё равно это делает?” И, таким образом, обратит на меня внимание. Как видишь, мой ненормальный метод сработал. Ты мне написала. Ура!» Он был прав. Попадание оказалось в десятку. «Интересный тип», — подумала Катя.

Она запарковала машину возле ресторана и вышла из нее. В ее сторону в буквальном смысле с отвисшей челюстью стремительно двигался загорелый, подтянутый, среднего роста, сероглазый мужчина с шевелюрой темно-русых волос, лет сорока на вид. На его восторженном лице читалось: «Не верю своему счастью». Они сели за столик. Катя обратила внимание, что у него дрожат руки и он прячет их под стол. На алкоголика Брюс похож не был, больным тоже не выглядел. Причина

была в чем-то другом. Говорил он много и сбивчиво. В числе прочего рассказал, что завтра его папе исполняется восемьдесят лет, а он до сих пор не написал поздравительную речь, которую должен будет произнести в большом зале перед аудиторией из двухсот человек.

— Честно говоря, я никогда не толкал спичей перед столькими людьми, — сказал он, — да и здравниц никому не писал. По-моему, писать вообще трудно, да?

— Хорошо писать трудно, а плохо — раз плюнуть, — сказала Катя, — но я уверена, что ты постарешься и у тебя обязательно получится.

— Вот это да! Ты дала мне веру в себя, — присвистнул Брюс, — спасибо.

Когда они прощались, Брюс без всякой надежды в голосе грустно спросил:

— Есть ли у меня хоть малейшая возможность встретиться с тобой еще раз, на ленч?

— С удовольствием, — не раздумывая ответила Катя.

Он аж подпрыгнул и, потрясенный, на мгновение завис в воздухе.

— Ты правда хочешь со мной увидеться снова? — сказал он, приземлившись и всё еще не веря.

Поняв, что это не шутка, пока Катя не передумала, он забил дату встречи — послезавтра.

На втором свидании Брюс вел себя несколько раскованнее, руки его больше не дрожали.

— В первую нашу встречу я не мог поверить, что ты захочешь меня видеть снова, — признался он, — уж слишком ты казалась неприступной женщиной. Я очень волновался. У меня даже руки дрожали от волнения.

Для нее это был сигнал — чуть понизить планку. Он не первый, кто говорит о ее неприступности. Многие вообще даже не решаются намекнуть на ее завышенные требования. Мужчины побаиваются сильных женщин. Однажды на работе Катю представили мужчине, который показался ей привлекательным. Он принимал участие в одной из программ телевидения в качестве гостя. Мужчина был симпатичным внешне и приятным собеседником. Они с Катей общались не больше двадцати минут, после чего обменялись телефонами, и он уехал вместе с Катиным коллегой, которого подвозил до Бруклина. Проходит день, два, три, неделя. Он не звонит. «Что за ерунда? — думает Катя. — Я же ему понравилась». Она спросила о нем того самого коллегу.

— Знаешь, что он мне сказал, когда вез меня домой? — признался коллега. — Она очень хорошая, но через пять минут общения будет видеть тебя насквозь.

Катя была потрясена. Вот как ее воспринимают умные, вполне достойные мужчины?! Или, может, они не вполне достойные? Станет умный мужик бояться умной женщины? Как бы то ни было, надо с собой что-то делать. Но что? Брать то, что плохо лежит, первое попавшееся? Прикидываться блондинкой? Слушать с открытым ртом? Мужчины, с одной стороны, не любят рентген, а с другой — любят женщин-манипуляторов. Возможно, даже неосознанно.

Признаться в этом равносильно тому, что сказать: «Я — лох». Катя за свою жизнь так и не набралась женских штучек, с помощью которых можно

манипулировать. Ее арсенал в этом смысле был крайне скуден. Она считала, что манипулировать людьми неприлично. Проще и интереснее, когда прямо и честно, без игр. Игры, по ее мнению, хороши только для сцены.

Оказалось, что Брюсу — за пятьдесят, но выглядит он на десяток лет моложе. Не пьет, не курит, никогда не был женат, без детей, умеет радоваться простым вещам и отстаивать свою точку зрения, живет один в своем доме на берегу озера. Традиционная семья — две сестры, у которых свои семьи и, в девяноста километрах от Нью-Йорка, в доме у океана, родители. Отец — священник протестантской церкви.

— Я хочу пригласить тебя на свой катер, — Брюс откашлялся и отхлебнул глоток воды, — если ты, конечно, не против.

— Я — за, — ответила Катя.

Он расплылся в счастливой улыбке ребенка, получившего то, что хотел.

На следующий день он заехал за ней, и они отправились на его катер. Дорога заняла сорок минут. Они приехали в тихий городок, утопающий в зелени. На холмах — скромные, ухоженные дома, среди них — аккуратный дом-хижина Брюса, в котором он всё сделал своими руками. Деревянный добротный дом скорее напоминал дачу, усовершенствованную для проживания в ней круглый год. Брюс работал в известной итальянской фирме — производителе автомобилей люксового класса и говорил, что его там ценят. Про машины он знал не только в теории, но и ремонтировал любую модель. Они подошли к озеру.

— Вот, — указал рукой вперед Брюс и торжественно посмотрел на Катю.

Представшая перед ней картина потрясла ее. У Кати остановилось дыхание. Поверить в то, что он не шутит, было невозможно. На берегу, утопая в тине, в гряде себе подобных, цепью к причалу была привязана обыкновенная, жестяная, вёсельная лодчонка. Где же комфортабельный катер, о котором Брюс так много рассказывал и на который, по его словам, у него уходит уйма времени и средств? И тут до нее дошло. «Я ошиблась, идиотка, — Катя улыбалась, как ни в чем не бывало, — в английском языке слово boat имеет два значения — “катер” и “лодка”. Это как раз второй вариант. И всё же Брюс не в своем уме».

Хозяин посуды быстро и деловито снял с нее замок с цепью, спустил на воду, положил на сиденье мягкую подушку, по-джентльменски подал Кате руку, подождал, пока она устроится поудобнее, вставил весла в уключины и стал грести. Они заскользили по чистой, прозрачной озерной глади. Плотная тишина прерывалась лишь легким плеском воды, когда ее аккуратно касалось весло. Озеро, словно картину, обрамляли берега чарующей красоты, вышедшие из сказок Андерсена. Из-за деревьев выглядывали цветные домики. Казалось: они нарисованы на холсте неба. Катя почувствовала, что Брюс поглядывает на нее украдкой. В середине озера в спокойной воде отражался маленький, игрушечный, зеленый островок. Они подплыли к нему. Солнце медленно заходило за горизонт, подсматривая за ними сквозь стволы деревьев. «Всё это очень мило, но ехать после рабочего дня

сорок минут, чтобы покататься на жестянке? — подумала Катя. — А что, если бы волею судьбы я жила здесь? От скуки сбежала бы на второй день. Таким очарованием можно любоваться, восторгаться, изредка приезжать сюда, но жить в этой звенящей глуши — невыносимо скучно».

Вернувшись на берег, они поехали в горный итальянский ресторан. Место оказалось тихим, романтичным, со свечами на столах и огромными — от пола до потолка — стеклянными окнами. На улице, посреди террасы, бил фонтан в стиле ампир. В его центре стояли фигуры мальчиков-ангелочков с чуть склоненными головами. Разноцветные фонари подсвечивали ангелочков с разных сторон. Территорию окружал резной забор. Стемнело. На небо плотной гурьбой высыпались звезды — так на школьный двор выпускают детей, нетерпеливо ожидавших окончания уроков. Капельки звезд разбежались по всему небосводу, и в этом горном, разреженном воздухе они начали танцевать свой, только им понятный, но хаотичный для нашего глаза танец. Брюс наклонился к Катиному уху и шепнул:

— Смотри.

Она взглянула в темноту окна. Из черного леса в их сторону медленно двигались светящиеся точки. Ей показалось, что это с небосклона на землю по очереди спускаются звезды. А когда она пригляделась, то увидела, что светящиеся точки — это глаза оленей, десятков оленей. Один за другим, животные грациозно подходили к забору. Брюс, широко улыбаясь, с гордостью, будто сам имеет к этому непосредственное отношение, прошептал:

— Такого ты больше нигде не увидишь.

Заиграла музыка из «Тоски» Пуччини. В то же мгновение, словно по команде, слаженным кордебалетом, олени изящно выгнули шеи и стали облизывать забор. Посетители ресторана замерли. Не моргая и не дыша, Катя смотрела на это невероятное зрелище. Олений танцевальный ансамбль посматривал в сторону огромных окон ресторана. Так же тайком из-за кулис артисты подглядывают за реакцией зала. Сказочное представление окончилось, раздались аплодисменты. Потрясенная, Катя не могла проронить ни слова.

— Забор специально смазывают солью, — поведал секрет Брюс, когда она стала возвращаться из своего потрясения, — и именно «Тоска» по какой-то причине действует на оленей магически, по крайней мере на этих.

Безусловно, у мужчины, который привел женщину в столь необычное место, есть потенциал. Вскоре Брюс отвез ее домой. Прежде чем она вышла из машины, он быстро поцеловал ее, на мгновение коснувшись губ. Словно боялся спугнуть птицу, которая пока не давалась в руки. «Бросил якорь», — подумала Катя.

Ассоль

Сцена. Там солнце греет,
Алый раскрылся парус.
Снова Ассоль ждет Грзя
Ночи и дни, без пауз.

Тихо качнулся якорь
И зацепился в тине.

Где-то скулит собака
Парусной бригантине.

Берег — весь в кипарисах,
В волнах плывут барашки...
А режиссер в кулисах
Снял короткометражку.

Больше — не потянули,
Молча ушли актеры.
На бутафорском стуле —
Тело сидит тапера.

Занавес. Чайка кружит.
Сорванные гастролы.
Пьют из жестяных кружек
После провальной роли.

Гвозди из старой сцены
Вытащены неловко,
Вшиты в костюмы цены,
Спит реквизит в коробках:

Парус не алый — серый,
Волны — клочки бумаги,
Не кипарисы — сено,
Не берега — овраги,

Солнце — кусок картона.
Смыты остатки грима.
(Скрипка на четверть тона
Снова сыграла мимо.)

Выцвели неба краски.
Солнце висит, не грея.

Нет ни Ассоль, ни сказки,
Ни парусов, ни Грзя.

— Всё, я решил, больше не пью, падения с лестницы мне более чем достаточно, — голос Стюарта звучал в телефоне бодро и категорично.

Катя не сомневалась, что решение он принял.

— Я за тебя рада, — обрадовалась она.

Понятно, что пить ему нельзя. И вообще, взрослым дядькам и теткам не к лицу напиваться до потери сознания, чтобы наутро ничего не помнить. По молодости что только не вытворяли, в какие только истории не вляпывались. Но из всех ситуаций вытаскивала какая-то высшая сила. По пробуждении было два варианта: либо у тебя отшибло память и ты выпрашиваешь подробности у других участников событий, по крупицам восстанавливая картину вчерашнего; либо ты всё помнишь и рассказываешь тем, у кого в памяти провал. И в первом и во втором случае рассказы сопровождались смехом. Иногда «вчера» было так хорошо по сравнению с «сегодня», что казалось: ты не жилец, если не завяжешь пить. Но уже к вечеру эта нелепая, необдуманная мысль отступала на задний план, здоровье улучшалось, и после первого глотка алкоголя жизнь больше не выглядела столь безысходной.

У Стюарта тоже утренняя дурь про «больше не пью» к вечеру из головы выветрилась. Часам к шести он уже принимал на грудь в очередном баре, откуда и позвонил Кате. Язык его заплетался, и он старался выговаривать каждую букву.

— Катюша, как же здорово, что ты есть, мне с тобой очень хорошо, — говорил он по слогам.

— Ты же утром сказал, что больше не пьешь, — удивилась Катя, — причем, заметь, сам сказал.

Стюарт замолчал. Она обратила внимание, что, когда его ловили на слове, он замолкал, но не вызывающе, а так, словно незаметно выходил в другую комнату. Очень быстро он понял, что с Катей надо менять тактику. Чтобы его невозможно было уличить в пьянстве, он перестал звонить, а отправлял эсэмэски. Но и в них прокалывался — буквы в его словах прижимались друг к другу в произвольном порядке. Если бы они были не напечатаны, а написаны от руки, то каждая залегала бы на разной высоте, как ноты на нотном стане. Единственное, что всегда оставалось правильным, это первая и последняя буквы слов. Поэтому смысл, в общем-то, был понятен. В трезвом состоянии он располагал буквы в словах аккуратно и даже соблюдал знаки препинания.

Алкоголь действовал на Стюарта как тоннель в прошлое — на плёнке своих воспоминаний он бесконечно прокручивал одни и те же сюжеты, но только те, которые не вызывали у него положительных эмоций. Попадая в собственную западню, он крутил эти кадры вновь и вновь и крутился в них сам — белкой в колесе.

Шесть лет назад Стюарт развелся с женой, шведкой по национальности, стюардессой по профессии. Дети остались с ним, так как жена чаще бывает в воздухе, чем на земле. По словам Стюарта, он никогда не получал от нее тепла, а секс не интересовал ее вообще. Она считала, что секс нужен

только для детопроизводства, что удалось ей трижды. Впрочем, секс, по мнению Стюарта, был не главным, главное — семья. Он мечтал о собственном доме на берегу. Сам сделал проект и сам, своими руками приступил к строительству. Каждую деталь для семейного дома он подбирал с особой тщательностью. Ему хотелось, чтобы жена любила их новое жилище.

Через несколько месяцев тяжелой работы счастливый и довольный Стюарт вбил последний гвоздь, повесил на него любимый портрет, где они с женой, красивые и счастливые, улыбаются в день свадьбы, сел на диван, окинул взором художника, сделавшего финальный штрих, свое творение, с наслаждением затянулся сигаретой, выпустил кольца дыма и впервые за восемнадцать лет супружества задал жене простой вопрос:

— Ты меня любишь?

— Да... как отца своих детей, — равнодушно ответила жена и вышла из комнаты.

...Разрыв их отношений показался Стюарту ничем по сравнению с настоящей трагедией, случившейся в то же самое время. Всего за два месяца от рака груди, обнаруженного в последней стадии, умерла его сестра. У мужа сестры — вдовца, остались две дочери-подростка — племянницы Стюарта. Сам он в это время только начал бракоразводный процесс. Жена выразила ему соболезнование по поводу смерти сестры, слегка хлопнув по плечу. И всё. Ни единого слова. Перед его глазами до сих пор стоит картина последнего вбитого гвоздя и на плече — холодная рука чужой женщины, с которой он прожил почти два десятка лет. Разошлись они

тихо, а через пару месяцев у бывшей жены тоже обнаружился рак груди, к счастью, на ранней стадии, и она вылечилась.

К третьей встрече с Катей бразилец готовился серьезно. Он не хотел упасть лицом в грязь, так что заказал в ресторане столик и сказал, что придет с цветами и подарком. День выдался серым и промозглым. Небо монотонно, без перерыва, плакало каскадами дождя. Несмотря на скверную погоду, Катя приехала вовремя, запарковала машину, распустила над головой зонт и, перепрыгивая через лужи, направилась к перекрестку, на котором ее должен был ждать Джон. Десять минут. Пятнадцать. Джона нет. Катя звонит на его мобильный. Включается автоответчик. С неба льёт сильнее.

Промокли ноги. Она замерзла. Двадцать минут ожидания. Звонит телефон.

— Я в одном квартале, бегу, — кричит в трубку Джон.

«Слава Богу, — думает она, — ладно, с кем не бывает? Зря я не спросила его, в какой ресторан мы идем. По крайней мере, была бы сейчас в тепле».

Проходит еще пятнадцать минут, за которые можно было преодолеть половину Манхэттена. Ее тело начинает бить мелкая дрожь. В туфлях — вода. Она вновь звонит Джону и слышит в трубке незнакомый мужской голос. Она думает, что не туда попала, но на всякий случай говорит:

— Аллё, здрасьте, а Джона можно?

— Его нет, — отвечает трубка.

— Откуда же он только что звонил? — удивляется Катя.

— А наверное, из автомата, — весело говорит трубка.

Получается, что мобильный не его, а того самого соседа, с которым он живет. Значит, у Джона мобильного вообще нет? «Всё, с меня хватит», — Катя решительно, даже не пытаясь обходить лужи, направляется к машине и, раздаётся звонок от... Стюарта.

— Ты-где-я-жду-тебя-в-нашем-ресторане, — говорит он одним словом, без пауз.

— Я-в-Манхэттене-буду-через-десять-минут, — отвечает она так же.

Потом Джон оставлял одно сообщение за другим, кричал в автоответчик, что он «уже пришел, а ее нет», что он «так волновался и выехал за два часа, чтобы не опоздать», что «во всем виновато проклятое нью-йоркское метро, которое затопил дождь». Кате было его жалко, но на звонки она больше не отвечала. В этот день она написала:

Дождь будет лить до четверга, мы будем пьяные слегка не от вина, а от любви. Нам все равно, что за окном и дождь, и молнии, и гром, и замолчали соловьи. Есть только мы, и — никого, и даже жутко оттого, что бесконечен сон, не от вина, а от любви тебе признания мои над взлетной полосой.

В субботу утром улетишь в такой же пасмурный Париж, в такой же дождь. А завтра солнце ослепит твой чай, что в спешке недопит, и снова — ночь. Дверной замок, в коленках — дрожь, и будет солнечная ложь, и будет

в сутках — век, когда в глазах — ни страх, ни боль, а просто выжатая роль отяжелевших век. Потом — до вторника — весна, и снова будет не до сна двум избранным врагам. Прошу тебя: не приходи! Мне ближе вечные дожди по четвергам.

Вскоре Катя уехала со Стюартом на три дня в Куперстаун, на родину Фенимора Купера, чистый и уютный городок с музеем писателя на берегу прозрачного озера. Семьдесят два часа в маленьком домашнем отеле, райском уголке, в котором повсюду книги — на маленьких столиках, на полках и даже на лестнице. Они читали всё, что попадалось под руку. Погода не улыбалась, моросил дождь, но они, не замечая ненастья, гуляли по зеленым аллеям городка, фотографировались на фоне озера, тайком забирались внутрь огороженных жилищ индейцев в музее-усадьбе и там примеряли на себя их цветные аксессуары. Вечером Стюарт включал в своем телефоне музыку семидесятых и под ее сопровождение, сбиваясь и волнуясь, играл на губной гармошке. Особое очарование его экспромт-концерту придавала загипсованная рука. Она болела, но Стюарт держал марку и, как настоящий артист, старался не оплошать перед своим единственным зрителем. Гипс сковывал движения, и Катя оберегала его как могла — подкладывала под руку подушки, чтобы ему было удобнее спать, застегивала ремень брюк, пуговицы рубашки, укутывала руку в целлофановый пакет, чтобы, принимая душ, он не намочил гипс, выти-

рала тело. Всё это доставляло ей удовольствие... материнское удовольствие.

— Вы очень красивая пара. Берегите друг друга, — сказала на прощание хозяйка отеля.

Они берегли... еще несколько часов. В Куперстаун они уехали в пятницу вечером, возвращались — в воскресенье. Туда и обратно машину вела Катя. Дорога в ту сторону заняла почти четыре часа, вместо обещанных Стюартом двух. Он сбивался с маршрута, навигационная система в его телефоне барахлила и несколько раз завозила их не туда. Стюарт нервничал, Катя сохраняла спокойствие.

— Сколько бы мы ни ехали, главное, что мы вместе, — говорила она.

И вот, после трех дней отдыха, они возвращаются назад и проезжают мимо дома его мамы. Как бы между прочим Стюарт говорит:

— Давай зайдем.

— Не думаю, что будет нормально — приехать к маме как снег на голову со мной. Нет, мне неудобно, — растерялась Катя.

Больше он не настаивает. Внутри у нее кольнуло, но она прогнала эту колючую мысль. «Он — порядочный и добрый, — подумала она, — просто ему не везет в жизни». Они проехали мимо маминного дома и по узкой дороге, затянутой густым туманом, стали подниматься в горы. По правую сторону дороги нависали отвесные скалы с острыми выступами, слева зиял крутой обрыв. Ширина просеки не превышала двух с половиной метров. Стюарту этот путь был знаком с детства, но машину-то вела Катя. Она ничего не видела перед

собой на расстоянии метра и, как ни странно, была спокойна, ведь рядом — Стюарт.

— Ты очень хороший водитель, — сказал он, когда они миновали все опасности и выехали на шоссе.

Проведя в машине очередные четыре часа, они подъезжали к Нью-Йорку в самый разгар воскресных пробок. Обычно беспробочный путь от Катиного до его дома занимал семь минут, но сейчас на этот путь могло уйти часа два. Справа уже показался ее дом и, из соображений практичности, она сказала:

— Давай останемся у меня, мы уже здесь. Глупо тратить несколько часов туда-обратно, чтобы пересечь мост. А завтра ты спокойно общественным транспортом доедешь до Манхэттена.

— Хорошо, давай переждем затор у тебя, — согласился он, — но с одним условием: когда он рассосется, ты меня отвезешь.

Это было по-женски капризно. Не так она себе представляла заботливого мужчину.

— Лучше я отвезу тебя сейчас, пусть и потеряю два часа, — начинала злиться Катя.

Стюарт не спорил. Оставшуюся часть пути они проделали молча. «Почему он такой эгоист? — думала она. — Почему не вошел в мое положение? Почему не поступил как джентльмен?» Попрощались они прохладно.

В Куперстауне они фотографировали двумя фотоаппаратами. На следующий день Катя отправила ему свои снимки.

— Ты прекрасно чувствуешь кадр, — написал он, — твои фотографии очень профессиональны.

Ей приятно было услышать похвалу от него — художника и фотографа. Она попросила, чтобы

и он выслал ей то, что снимал. «Завтра», — пообещал он. Неделю спустя, после еще одной просьбы, он сказал, что фотографии надо обработать. Третьего напоминания с Катиной стороны не было, как не было и фотографий.

Потом она перевела на английский одно из своих стихотворений. Стюарту оно понравилось, и он вызвался его отредактировать. Но и этого не случилось.

Проходя по Центральному парку Большого Нью-Йорка, я увидела пару, в обнимку стоящую рядом. Им не то что по двадцать или тридцать, когда хочется жить нараспашку, когда всё впереди и не думаешь, что будет завтра. Им почти что полвека, где многое прожито, спето, что-то просто утеряно в спешке, и это уже не вернуть. Целовались они, как последним своим поцелуем, и деревья листвою стыдливою их прикрывали, будто так неприлично в их возрасте думать об этом. Даже в городе, слишком стремительном, где никому нету дела ни до тех, кто вокруг, и тем более кто целоваться надумал прямо здесь, под свидетельским взглядом Центрального парка Большого Нью-Йорка. Он такое видал, что уже никому не приснится.

Я застыла от этой внезапной, пронзительной страсти и уставилась прямо на них, не в силах скрывать любопытство. Мне казалось: они от любви разрывались на части, от последней любви, которой уж не повторится, и тем более после полжизни забытого счастья. Всё вокруг для меня превратилось в эфира помехи: шелест трав; рок-н-ролл, доносящийся громом

из наушников тех, кто промчался на роликах мимо, невзирая на злые сигналы такси, перекрашенных в желтый, где давили на газ пакистано-арабские шейхи. Это было неважно для пары, прожившей полжизни, так, как будто у них ничего не осталось, будто «завтра» не будет подавно и считать будет нечего, словно и не было вовсе, потому заключительный свой поцелуй никому бы они не отдали.

Но внезапно, врываясь не к месту, как будто бы в праве, кто-то крикнул решительно: «Снято!» И закончилось всё, будто не было вовсе, и вокруг оживились все звуки, гудели машины, словно раньше их просто забыли заправить. И помчались бегуни в наушниках гордо, мускулистыми икрами, вроде мужскими, но точно не женскими, в парке Центральном сверкая. А влюбленная пара разошлась, как ни в чем не бывало, расцепила тела и отправилась — каждый к себе — согреться и свое доживать, только в серой реальности будней. Где нет места ни страсти, ни даже любви, ни участью, где выгуливать надо собак и встречаться с приятельским кланом, говорить о погоде, финансах и день проводить с адвокатом, чтобы к вечеру выпить мартини в каком-нибудь баре. Посмеяться с барменом, как старым и добрым знакомым, официанток-полячек расспросить о проблемах с мужьями, обаять напоследок соседку за барною стойкой, ту, которую спутник оставил на время, чтоб, куря сигарету, проверить свои телефонные штучки: сотни две сообщений от дам и влиятельных дядей.

А потом, с телефоном опять же под мышкой, спать отправить травюху растущего сына, не успев разузнать об успехах с подружкой и в школе. Впрочем, это на завтра придется оставить. Если «завтра», конечно, изволит случиться. Можно снова пройтись, не считая кварталы, до парка или сесть на такси, чтобы встретиться вновь с дамой сердца. И стоять, прижимаясь к гудящей машине, целоваться, как будто вам двадцать или тридцать.

А из двери открытой, у черного входа пятизвездочного ресторана будет взглядом съедать вас, проживших так много — полжизни, мексиканец, помывший посуду, смертельно уставший. Он подумает: «Сколько же можно бесконечно снимать о любви прямо возле Центрального парка Большого Нью-Йорка?»

Мужчины с сайта знакомств всё настойчивее стучались на ее страницу. Катя хотела бы остановиться на Стюарте, но он не давал ей такой возможности. Об этом она думала в те моменты, когда он исчезал. Тогда включался ее разум, но стоило Стюарту вновь появиться на горизонте, разум отправлялся в спячку.

Катя производила селективный отбор и встречалась далеко не со всеми. Вполне достойные, интеллигентные, образованные, некоторые оставляли приятное впечатление, но не вызывали желания увидеться повторно. У них были положительные качества, а искорки не было. Она невольно сравнивала их со Стюартом. Его она хотела видеть всегда. Она была готова отказать во встрече кому угодно, только не ему. Иногда, сворачивая по-быстрому

одно свидание, она мчалась в ресторан, где ждал ее Стюарт. Домой он ее не приглашал — дети.

Брюс долго уговаривал Катю приехать на его «настоящий» катер. Наконец она сдалась.

— Какой ты хочешь бутерброд на ленч? — спросил он по телефону за пару дней до встречи. Судя по голосу, он волновался.

— А какой у меня выбор?

— Всё, что пожелаешь.

— Тогда с индюшкой и сыром.

— Слушаюсь, моя королева, — сказал он.

Жарким субботним утром она приехала к месту стоянки. Перед ней стоял сверкающий на солнце, самый настоящий, девятиметровый белоснежный катер с просторной палубой и двумя каютами. Теперь Брюс был достоин повышения до «капитана».

— Спасибо тебе, я польщен своим новым званием, — сказал он.

Что, как не проверка была тогда, на лодочке? Оригинально, ничего не скажешь! Они отправились в путь. Волны били в борт катера, поднимаясь до самого «кошачьего прохода» — catwalk — неширокой полосы вдоль борта, по которой можно пройти, обогнув весь корпус по периметру.

— Это в твою честь назвали, — сказал Брюс, — специально для Кошки.

Катер приблизился к каналу, и Брюс согласно инструкции сбросил обороты.

— Этот канал был построен во время Второй мировой войны для американских подводных лодок, — сказал он, — чтобы они могли доплывать из

Нью-Джерси на юг, до самых берегов Флориды, не заходя в океан.

— Вот это да! Я думала, что это легенда, а оказывается, так оно и есть.

В динамиках звучала Let it be «Битлз».

— А у тебя есть моя любимая Yesterday? — спросила Катя.

— Должна быть, сейчас найду, — сказал Брюс и спустился в каюту. Через какое-то время он вернулся наверх: — Извини, не нашел, но в следующий раз будет. Обещаю.

Она почему-то не сомневалась, что обещание он выполнит, и без напоминаний. Соленые брызги били в лицо, катер весело подпрыгивал на волнах. Они прошли через канал и на сумасшедшей скорости понеслись по океанским просторам. Катю восхищало всё — внимательный и услужливый Брюс, его рассказы с экскурсами в историю, океан, солнце, скорость, но... она ждала «завтра». И в этой завтрашней картинке Брюса не было. Почему так бывает: вроде всё хорошо в человеке — и порядочный, и положительный, и прекрасно к тебе относится, но тянет тебя к другому — не такому хорошему, с набором проблем?

Брюс снизил скорость. Катер вошел в узкий залив, в котором с трудом могли развернуться два судна. У обоих берегов стояли пришвартованными катера и лодки разных фасонов и размеров. С каждого судна доносилась громкая музыка на любой вкус. Публика была разношерстной: семейные пары играли с детьми и собаками; мужчины поджаривали на грилях сосиски; девушки вращали в такт музыке бедрами, потягивая из банок

пиво. Брюс выключил мотор, привязал трос катера к дереву и накачал насосом два надувных матраса. Один из них был снабжен стаканодержателями, второй — принимал форму тела. На нем можно было и сидеть, и лежать. На таких матрасах отдыхающие перевозили друг другу пиво и сосиски. Они циркулировали от катера к катеру, а любители поприкалываться научили делать это четвероногих друзей человека, но сосиски собакам не доверяли, иначе деликатес мог не доплыть до другого катера, пиво же животных не интересовало. Понимая всю ответственность, возложенную на них, гавкающие модницы в солнцезащитных очках и купальниках ответственно выполняли функцию доставщиков питья. Тузики, Шарик и Джеки забавно подгребали лапами под надувными кругами, к которым крепили целлофановые пакеты с пивными банками.

Как бы здесьгодились авоськи. Но это то небольшое, чего в Америке нет. Хотя и говорят: нет такого, чего в Америке нет, но авоськи Кате на глаза не попадались. Впрочем, даже авоськиным изготовителям они на глаза не попадались — эти сетки для продуктов в советские времена плели слепые.

Лишь однажды на Брайтоне Катя увидела соотечественника с авоськой, который, видимо, недавно приехал. На него оборачивался весь Брайтон, а наиболее сообразительные — снимали на фотоаппараты. В авоське, выдерживающей до семидесяти килограммов, теснился интернациональный ансамбль: упаковка молока американского производства, батон хлеба из израильской кондитерской, банка соленых огурцов, изготовленных в Польше, зеленый лук из корейского магазина (он любопыт-

но высовывался из сетчатых отверстий), головка чеснока, тоже норовящая выпрыгнуть из авоськи, калифорнийская картофелина (одна!) и солистка ансамбля — бережно завернутая в прозрачный целлофан бутылка украинской горилки.

Что касалось пассажиров катеров, то каждый желающий мог подплыть к любой незнакомой компании, взобраться на их судно и танцевать хоть вместе со всеми, хоть соло. Приветствовалось всякое поведение, и ничего не возбранялось. Правда, Катя не поняла, в чем смысл — стоять на приколе в обществе других катеров?

— Это лодочная тусовка — аналог обыкновенной, — объяснил Брюс, — только здесь каждый демонстрирует свои катерные примочки и навороты, а заодно смотрит на примочки других.

Вода была мутной, в ней плескались и сами катера, и водные мотоциклы с вытекающим из баков бензином. Плавать в бензине Катя не хотела. Она легла на палубу и подставила тело палящим лучам солнца.

«Воды хочешь? — заботливо спрашивал Брюс и подавал ей бутылку с водой. — Давай спинку кремом смажу, а то сгоришь», — и смазывал.

Катя заметила, что его взгляд не останавливается ни на одном женском теле, коих здесь было в изобилии. Как бы невзначай он подходил к ней и обнимал в тот самый момент, когда мужчина, проплывающий на катере мимо, поглядывал в ее сторону или махал ей рукой. Брюс столбил место хозяина.

— Будешь бутерброд? — он вытащил из холодильника сверток и протянул ей. Как и обещал, бутерброд с индюшкой и сыром оказался вкусным. —

А вот и плавучий магазинчик мороженого, — указал он на небольшой, выкрашенный в яркие краски катер, подплывающий к ним, — какое ты хочешь?

На борту магазинчика были нарисованы разные виды мороженого, как на грузовых машинах, торгующих им на суше.

— Шоколадное. Спасибо, — сказала она и закрыла глаза, наслаждаясь вкусом тающего пломбира.

Жара потихоньку спадала, солнце покатилося на запад. Спустившись половиной диска к горизонту, небесное светило на несколько мгновений остановилось, как бы размышляя: уходить или нет, а потом резко, кульбитом, прыгнуло за окоем. Как по команде, на небосводе переливчатым горохом рассыпались звезды.

Пора было возвращаться на берег: в городе намечалась еще одна тусовка, наземная, на которую съезжался весь цвет местной публики. Катя с Брюсом заехали за его другом Майком, и они отправились на вечеринку.

— Кошка, смогу ли я выпить там пару банок пива? — спросил Брюс.

Вопрос ввел Катю в ступор.

— Ты не должен меня спрашивать, ты взрослый человек и знаешь, что делаешь.

— Да, но я хочу делать то, что нравится тебе.

Она никогда не слышала от мужчины ничего подобного. На выручку пришел Майк.

— Это он так тебя завлекает, — сказал он, — любимый прием Брюса.

— Слава Богу, — засмеялась Катя, — а то я уж подумала, что встретила свой идеал.

Майк тоже засмеялся, и Брюс не без гордости шепнул ей на ухо:

— Ты ему понравилась.

Майк, веселый, живой, с завивающимися мелким бесом темными кудрями, подтвердил слова Брюса:

— Ты мне очень нравишься. Если бы не друг, увел бы.

— Я что, похожа на легко уводимую? — несколько кокетливо спросила Катя.

— Нет, но я похож на ловко уводящего, — быстро и серьезно ответил Майк.

Катя подумала, что не только для Майка, но и для нее Брюс всего лишь заботливый друг.

Каждые выходные в разных домах городка устраиваются вечеринки. Во дворе накрывают фуршетные столы. Они ломаются от выпивки и закуски. Специально приглашают музыкальную группу. Сегодня на вечеринку съехалась знатная публика: помощник мэра города, врачи, адвокаты, крупные бизнесмены и политики. Гости были одеты по-летнему просто. В какой-то момент Катя заметила, что Майк, который только что шутил, резко стушевался. Брюс глазами указал Кате на даму в шортах и шепнул, что это — бывшая любовница Майка, прокурор города. Много лет она замужем за местным политиком, но любовниками никогда не была обделена.

Муж закрывал глаза на похождения жены, что позволяло ему самому гулять на стороне. Роман Майка с прокуроршей был в полном разгаре, но она, в отличие от своего любовника, оказалась в правильное время в правильном месте. Представительница

закона случайно проезжала мимо местного отеля и увидела Майка, выходящего из дверей с секретаршей своего мужа. По их лицам было件 понятно, что в отеле они не Шекспира читали в подлиннике. Прокурорша без труда выяснила, что и ее муж в свободное время навещает секретаршу в тот же отель. Для впечатлительной женщины-прокурора вероломства сразу двух мужчин оказалось чересчур, и в течение одного дня она нанесла увечья обоим: мужу-политику расцарапала ногтями лицо, оставив гигантский шрам как напоминание о том, что изменять государственному обвинителю нельзя, а ближе к вечеру разбила тарелку об голову Майка. Потом сама привезла его в больницу, где ему наложили несколько швов. Врачам она сказала, что Майк споткнулся, упал на стеклянный стол и расколол его головой. Несчастный потерпевший хотел было заикнуться, что это неправда, но мельком взглянув в выразительные глаза служительницы закона, тотчас подтвердил эту версию, решив не играть с огнем. Потом она извинялась перед Майком, говорила, что в нее вселились бесы, от которых она обязательно избавится в местной секте по изгнанию духов. Этого неожиданного поворота Майк испугался не на шутку и перестал отвечать на ее звонки. Целый месяц она оставляла сообщения, сначала мирного характера, с придыханиями, потом — со слезами. Она умоляла его вернуться, говорила, что такого мужчину, как Майк, никогда не встречала, что с ним у нее самый лучший секс, а с мужем секса вообще нет.

— Какой секс может быть с политиком? — плакала она автоответчику. — Политик не мужчина. Вот ты — совсем другое дело.

Майк держался стойко и на лесть не поддавался. Через две недели молчания любовника обвинительница пошла в наступление. Она кричала в трубку, что до конца дней посадит его в тюрьму за то, что он ее изнасиловал — у нее есть вещественные доказательства, видео и свидетели. Это уже был откровенный шантаж. Но Майк выдержал и это. Ему пришлось на пару недель скрыться в горах, в доме школьного друга, и отключить все телефоны. Когда прокурорский пыл сошел на нет, Майк под покровом ночи вернулся домой. Спустя месяц они уже кивали друг другу при встрече, словно между ними ничего и не было.

Майк тайком поглядывал на бывшую любовницу, довольно милостивую даму в коротких шортах и белой майке, облегающей массивную грудь. Обвинительница приехала на вечеринку с мужем. О том, что это муж, Катя догадалась по шраму, проходящему через всю его щеку, от левой брови до уголка губы. Шрам, пожалуй, единственное мужское украшение, которое женщина может сделать своими руками. Человек со шрамом пожимал всем руки, одаривал присутствующих стоматологической улыбкой, будто он находился на вечере сбора средств для своей предвыборной кампании. Политики в этом невероятно похожи. Майк отвернулся от прокурорши, чтобы не встречаться с ней глазами. Она же не без любопытства посматривала в его сторону, в надежде хотя бы на кивок бывшего любовника.

Брюс выпил бокал мартини и больше к алкоголю не прикасался. Приехал Дэнис, общий друг Брюса и Майка, которого они оба ждали. Дэнис

оказался представительным синеокиим блондином с обезоруживающей харизматичной улыбкой и ровно распределенным по всему подтянутому телу бронзовым загаром.

Синеокий блондин знал свои сильные стороны и сразу заулыбался Кате. Через минуту Брюс шепнул ей:

— Тебе удалось очаровать еще одного моего друга. Такое с ним бывает нечасто.

Дэнису хотелось охватить всех гостей, а их было человек пятьдесят, но на каком бы краю двора синеокий блондин ни оказывался, Катя отовсюду ловила его взгляд, оценивающий нижнюю часть ее тела, облаченную в короткую, в обтяжку, юбку. Ей было неловко от такого уверенного, раздевающего взгляда.

К счастью, гости начинали расходиться. Брюс и Майк предложили поехать в бар, где их знакомых оказалось не меньше. Брюс и там с тем же восторгом представлял Катю всем присутствующим, словно они обязаны поддержать его любовь к ней. Это был тот самый случай, когда короля играют придворные. Брюсу было приятно показывать друзьям русскую экзотическую женщину, не без чувства юмора, сносно говорящую по-английски, которая ведет себя просто и, главное, ни грамма не пьет, что уж совсем не похоже на правду о русских. Брюс ею гордился.

— Дэнис сказал мне, чтобы я не сделал глупость и не потерял тебя, — шепнул он Кате на ухо.

— Друзей надо слушать, — ответила она, — не всех.

В отличие от Брюса Стюарт не знакомил ее ни с одним человеком из своего окружения. Он лишь

отсылал ее фотографии друзьям, чтобы те оценили его новую подружку. Друзья оценивали, и он коротко сообщал: «Ты понравилась Полу» или «Дэвид одобрил мой выбор».

По окончании вечеринки Катя с Брюсом подбросили Майку к его катеру и вернулись на причал. Было около часа ночи. У борта катера чуть плескалась вода, над головой, как в планетарии, висело звездное небо. Бархат небосвода был столь многослойным, что в этих россыпях звездных бриллиантов можно было утонуть.

— Не ожидал, что ты останешься, — сказал Брюс и... уснул.

Пришло сообщение от Стюарта. Он писал из своего семейного дома в Кейп-Коде, где отдыхал с дочерью и мужем покойной сестры. Сегодня ему сняли гипс, так что водить машину он уже мог. Несколько раз он намеревался и Катю взять в свой дом, но каждый раз что-то мешало. Не первый раз он сначала обещал, а потом думал. «В нашей семье случилась беда, — писал Стюарт, — племянница, о которой я тебе говорил, шестнадцатилетняя дочь моей покойной сестры, пыталась покончить с собой, наглотавшись таблеток. Она в больнице, в коме. У нее отказала печень, врачи борются за ее жизнь. Завтра утром в Кейп-Код приедет моя бывшая жена, а я вернусь в Нью-Йорк, как мы с тобой и договорились». «Мне очень жаль, что у вас такое несчастье, — ответила Катя, — если тебе надо остаться, не беспокойся. Мы увидимся в другой раз». «Нет, что бы там ни было, — заверил Стюарт, — завтра мы будем вместе». «Хорошо, — написала Катя, — но, если что-то изменится, дай мне знать заранее».

Утром Брюс проснулся в прекрасном настроении. Они поехали завтракать в уютный домашний ресторанчик, где их кормили яичницей с сыром и пышущими жаром, только что испеченными булочками с кофе. За столом, справа от них, на высоком стульчике сидела маленькая девчушка. Мама с папой и ее старший брат, мальчик лет трех, не обращали внимания друг на друга. Довольно красивые лица родителей были крайне напряжены. Они не перемолвились ни единым словом. Но главным украшением этой неразговорчивой семьи была годовалая малышка, которая серьезно изучала всё, что ее окружало. «Дежавю», — пронеслось в Катиной голове.

После завтрака Брюс повез ее на экскурсию по городку своего детства, в котором живут его родители. Он подъехал к их дому.

— Давай зайдем, познакомишься, — как бы невзначай предложил он.

Катя сослалась на слишком пляжный вид.

— Появиться перед папой-священником в легкомысленном коротком платье — верх неприличия, — сказала она.

— Что за глупости? — Брюс опустил руку на ее колено. — Ты прекрасно выглядишь, а мои родители — современные люди. Вы друг другу понравитесь, будь уверена.

— Я не сомневаюсь ни в том, ни в другом, просто не хочу чувствовать себя неловко, — она убрала его руку с колена.

Позже Катина подруга, с которой она делилась новостями, заметит: «Просто так американцы с родителями не знакомят». Кате удалось отвертеться.

Пришло сообщение от Стюарта. Он писал, что выезжает в сторону ее дома, так что они скоро увидятся. Она стала прощаться с Брюсом.

— Жаль, что тебе уже пора, — печально сказал он и поцеловал ее в щеку.

Она села в машину, включила мотор, и радио, словно специально для нее, заиграло Yesterday. В бодром настроении, подпевая «битлам», она проехала уже половину дороги, как раздался звонок от Стюарта.

— Ты получила мое сообщение?

— Что ты выезжаешь? Получила.

— Нет, другое.

— Мне больше ничего не приходило, но какая уже разница? Говори, что случилось?

— Я же тебе написал, что мне придется остаться до завтра.

Потом он говорил, что ему и всей его семье очень нелегко в такой сложной ситуации. Они переживают: девочка в больнице с неутешительным прогнозом, не приходит в себя. Катя всё понимала, она сочувствовала, но что-то в ней переключилось. Почему у него всё время что-то происходит?

— Ты же час назад написал, что выезжаешь, — сказала она, — если бы я знала, осталась бы на пляже.

— Я не виноват, что ты не получила мое сообщение, — оправдывался Стюарт.

— Ты прав, ты не бываешь виноват. Всегда виноват кто-то другой или что-то другое. Ты всегда сначала говоришь, а потом думаешь. С такими людьми непросто. Каждый раз надо задумываться: а то ли я говорю? А не обижу ли я? А так ли он поймет?

Тут Катя поняла, что говорит в пустоту. Стюарта на другом конце провода не было. В какой момент он отключился, она не знала. Да, она не смогла остаться спокойной. Может она обидеться в кои-то веки? Но и он тоже хорош — ее не слышал и сам обижался. «Всё, надоело, — сказала она вслух, — сколько можно нянчиться с ним, как с маленьким ребенком? Я не его мама, в конце концов. Больше на его звонки не отвечаю». Ее внутренний голос замолчал... на целых пять минут. А когда он проснулся, она уже вовсю ругала себя за то, что обидела Стюарта, что не делилась с ним, а обвиняла, что произносимые слова выходили из нее, а не оставались внутри, как бывает, когда мы делимся своими мыслями. Она же знала, что Стюарт раним и непредсказуем. Вновь ее подвели собственные ожидания. Именно они чаще всего и ломают жизни людей. Ожидания и страхи, что, по сути одно и то же, только зеркально. Страх — это боязнь того, что ожидание не оправдается или же, наоборот, оправдается.

Еще в самом первом своем сообщении, прочитав ее автобиографию на сайте знакомств, Стюарт написал ей: «Ожидания и желания могут как построить, так и сломать отношения». Смысл этих слов она поняла только сейчас, когда в ускоренном режиме они проскочили все этапы, но так и не вышли за пределы собственных ожиданий-иллюзий. Иногда самый простой вопрос: «Ты уверен в том, что прав?» — может поставить в тупик. Ты замолкаешь, начинаешь слушать себя и понимаешь, что живешь в иллюзорном мире. «Стюарт хороший, — уговаривала она себя, — он никогда не повышает голос, я ни разу не видела его в раздраженном состоянии».

Как-то она спросила его:

— Что тебя может вывести из себя или оттолкнуть в женщине?

— Я никогда об этом не задумывался, — ответил он, а потом вспомнил историю трехгодичной давности — самые длительные его отношения после развода с женой. Они продолжались три месяца.

— Она жила в своем доме в Нью-Джерси, с двумя детьми, — начнет рассказывать Стюарт, готовя в Катином доме одно из своих фирменных блюд — макароны, запеченные с креветками и сыром. Он любит кулинарничать, и Катя хотела, чтобы он почувствовал себя менее стесненным оттого, что не может позволить частые выходы в рестораны. Оказалось, что приготовление обеда для нее доставило ему удовольствие.

— Начиналось всё очень хорошо, — Стюарт откроет дверцу духовки и запустит туда стеклянную бадью с макаронами и креветками, — а буквально через пару недель она пригласила меня к себе в дом. Там собрались ее родственники и друзья. Меня это напрягло: слишком быстрое развитие событий, я не был к этому готов.

«Вот почему он не знакомит меня ни с кем из своего окружения», — подумает Катя.

— Видимо, она решила, что я гожусь на роль нового отца ее детей, — продолжит Стюарт, — и начала якобы советоваться: «Как ты думаешь, что мне делать — сын плохо себя ведет в школе?» Я не успел опомниться, как подобные вопросы она уже задавала каждый день. Я перестал брать трубку. Она оставляла истеричные сообщения: «В чем дело? Почему ты не отвечаешь? Как тебе не стыдно? Как

ты можешь так себя вести?» Это было выше моих сил. Ты же знаешь: я не выношу, когда меня стыдят.

Диалог

Краток он был: «Расстанемся.
Мне надоело ссориться.
Видишь, мы не срастаемся,
Я не хочу бессонницы».

— Знаешь, — сказала, — правило,
Я ведь не горделивая
И не хочу быть правою,
Просто хочу — счастливою.

Только представь: мы порознь,
Словно осиротелые.
Жизнь, говорят, как полосы,
Правда, чуть тоньше — белые.

Спринтерская дистанция,
И рюкзаки заплечные.
Жизнь — это та же станция,
Только всегда — конечная.

В поезде грязном ехала,
Верхними плача полками.
Жизнь, говорят, как зеркало
С маленькими осколками.

Тысячу селфи сфоткала,
Каждому веря встречному.
Жизнь, говорят, короткая.
Так и любовь не вечная.

В общем, сюжет эпический,
Оба покрыты стигмами.
Жизнь — преферанс классический,
Но мизера не сыграны.

Было мое решение —
Гостем пришла непрошеным.
Жизнь, говорят, движение,
Да тормоза изношены.

Помню советы мамыны,
Помню ее девичники.
Жизнь, говорят, экзамены,
Да вот не все — отличники.

Ближе к сорокалетию —
Море — уже не лужица.
Жизнь, говорят, комедия,
Но с переходом — в ужасы.

Наше прикосновение
Склеило биографии.
Жизнь, говорят, мгновение
Глянцевой фотографии.

Слушал ее внимательно,
Тема неиссякаема.
После сказал мечтательно:
— Знаешь что, Николаевна, —

Так и назвал, по отчеству. —
Слишком заметна трещина.
Жизнь — это одиночество...
Даже — с любимой женщиной.

Продолжая переписку и встречи в реале с виртуальными мужчинами, Катя спрашивала себя: «Для чего я это делаю, если мне хорошо со Стюартом?» Да, его мягкость и ранимость подкупали, но ей не давало покоя интуитивное ощущение, что это не ее человек. Она уже имела дело с пьющим мужчиной и повторять этот опыт не хотела. К тому же перепады настроения с переходом в депрессию и непредсказуемость поведения рано или поздно выведут ее из себя. У нее настроение обычно ровное, вот состояния могут быть разные — что ж, она достаточно эмоциональна.

Редко с кем из мужчин с сайта знакомств хотелось поговорить по телефону, а если разговор всё же случался, отсеивался еще быстрее. Ухо не подводило. Интонация, тембр голоса, скорость и четкость речи — всё играло роль. На реальное свидание она решалась только в случае сочетания всех необходимых факторов, включая внешний вид на фотографии. Она не сразу поняла, что на фото люди многое скрывают. Делают это не только женщины, но, как оказалось, и мужчины. Некоторые вообще публикуют фотографии десятилетней давности, эпохи густой шевелюры и накачанного живота вместо нынешней лысины и пивного мозоля. Необъятных габаритов интеллектуал или любитель музыки может сфотографироваться общим планом, прикрывшись роялем.

Однажды Катя не послушала свой внутренний голос и попала на обманку. А голос до хрипоты кричал: «Не надо, не твое!» Собеседник в телефоне тараторил скороговоркой, тяжело дышал, не до-

слушивал ее и соглашался с каждой сказанной ею фразой. Катя проверила его реакцию и прощупала на предмет общих точек соприкосновения — бросила философскую мысль и сделала выжидательную паузу. В таких случаях одни замолкали, задумывались, а другие сразу соглашались. «Соглашательные» экземпляры, как правило, мужчины отчаявшиеся, готовые на всё, чтобы заполучить женщину. Таких Катя всерьез не воспринимала. Этот тоже соглашался, но Катя, неизвестно зачем, решила с ним увидеться.

Встреча была назначена в баре пятизвездочного отеля, рядом с Линкольн-центром. Несмотря на ее парковочную удачу, на сей раз мест не было. Это уже само по себе было сигналом: уехать. Но Катя поставила машину в гараж, и когда открыла дверь в помещение бара, зазвонил ее телефон.

— Ты доехала? — тяжело дыша, спросил он.

Катя не успела ответить, как ее взгляд выхватил из глубины зала рыхлое тело. Тело сидело на диване с телефонной трубкой у уха и не видело ее. Их разделяли колонна и несколько метров. «А не смыться ли прямо сейчас, пока я для него невидима?» — появилась интересная мысль. Но проклятое воспитание не позволило ретироваться. Катя подошла к телу и остановилась над ним. Тело сделало неуклюжую попытку привстать с мягкого дивана, но центр тяжести отбросил его назад. Вторая попытка — тот же результат. Лишь с третьего разгона ему удалось встать. Он поцеловал Катю в щечку. Из телефонного разговора тело уже знало, что Катя не пьет, и потому ничего не предложило. Первые минут десять оно отвешивало однообразные комплименты.

— Хороша-красива-вся-в-белом-какой-прекрасный-английский, — задыхалось тело. Потом, видимо, опомнившись, спросило: — Воды хочешь?

«Опаньки. Вопрос номер один, — подумала Катя, — но раз уж приехала, то хоть понаблюдаю за этим экземпляром и выучу какой-нибудь урок». То, что урок будет иметь место, сомнений не было. На фотографии на сайте тело стояло за роялем в магазине по продаже этих инструментов. Оно было итальянским и без передышки тараторило, задыхаясь. Несмотря на то что в баре сифонил кондиционер, на лобном месте тела сверкала испарина, которую оно нервно промокало салфеткой. Тело задавало тему и долго не могло с нее соскочить. По сути, оно вело диалог с самим собой, собеседник ему не требовался. Катя могла расслабиться, не вслушиваться, а просто запоминать всё, что происходит. Через час от тела прозвучал вопрос номер два:

— Не желаешь ли ты что-нибудь?

— Кофе, пожалуй, — ответила она, чтобы просто не сидеть со стаканом воды. Тело оказалось меломаном. Оно говорило о своей любви к музыке 60, 70, 80 и 90-х годов, потом — в обратном порядке.

— А ты помнишь, как красиво звучало многоголосие группы «Бич Бойз»? А ведь начинали они, четыре брата, как исполнители для любителей серфинга.

— Три брата и друг, — поправила Катя.

— О да, конечно, — воскликнуло тело, — как здорово, что ты это знаешь.

— Дай мне догадаться: твоей мечтой тогда были пляжи, море и девушки, — сказала Катя.

— Только такие, как ты, — ответило взмокшее тело и вновь стало сыпать заученными комплиментами. — Не могу поверить, что ты настолько хороша! — ворковало оно, промокая лоб бумажной салфеткой.

Изредка Кате удавалось делать вставки, что вовсе не требовалось. Говорящее тело вполне было удовлетворено ее присутствием. Через полтора часа оно спросило:

— Почему ты не задаешь ни одного вопроса?

«Опс, вопрос номер три».

— А мне про тебя всё понятно, — улыбнулась Катя и сделала последний глоток кофе.

— Каким образом? Ты же ни о чем не спросила? — искренне удивилось тело и вытерло салфеткой лоб.

— Вот поэтому и стало понятно. У меня не было возможности вставить ни единого слова.

Тело схватилось обеими руками за голову, опустило ее и после длинной паузы произнесло:

— Fuck, I did it. I can't believe this.

Что означало следующее: «Я не могу поверить в то, что так облажался». И тут же, набравшись смелости, задало четвертый, самый главный вопрос:

— Могу ли я увидеть тебя еще раз?

— Какого ты ожидаешь ответа? Того, который хочешь услышать, или правду?

— Правду, — радостно выпалило тело.

— Ты уверен?

— Стопроцентно, — оно звучало уверенно.

— Тогда ты получишь ее молчанием.

Это было последнее, что сказала Катя. Тело проводило ее до гаража, чмокнуло в щечку и попрощалось. Через пятнадцать минут от него пришла

эсэмэска: «Надеюсь, ты доехала хорошо. Было приятно провести с тобой время. Если надумаешь, я всегда буду рад увидеться. Прости». «Ага, обязательно, — подумала она, написала слова благодарности и пожелала удачи, — ты же знала, что голос и манера разговора говорят гораздо больше, чем слова. Надо было прислушаться к интуиции. Она правдивее любой логики. Будем считать эту встречу бесценным опытом — в копилку».

В электронной почте ее ждал сюрприз — письмо от бразильца: «Не могу тебя забыть, — писал он, — я очень виноват в том, что всё так глупо случилось. В тот злополучный день лил дождь. Я так ждал нашей встречи, ехал с цветами и подарком. Ты даже не представляешь с каким. Ты говорила, что твоя любимая книга “Мастер и Маргарита” Булгакова. Так вот, специально для тебя я нашел подарочное издание этой книги на английском. Сейчас я на съемках в Рио-де-Жанейро, вернусь в начале августа. Не хочу тебя терять, мечтаю вновь встретиться с тобой — удивительной женщиной». Ниже были ссылки на несколько песен на португальском, на котором любая музыка звучит романтично. Катя искренне обрадовалась его сообщению и написала в ответ, что они обязательно встретятся по его возвращении в Нью-Йорк. Она была уверена, что встреча сорвется по каким-либо причинам, и поймала себя на том, что сильно опаздывающий бразилец не вызывает в ней негативных эмоций. Интересно, что объявился он спустя ровно семь недель после их знакомства.

В цикличности всех событий Катя убеждалась всё чаще. Сопоставляя по датам многое из проис-

ходящего с ней, она поражалась тому, насколько точно и интересно написан сценарий жизни. Хорошо, что с вариациями, — есть из чего выбирать. «Не может быть. Так не бывает», — поражалась она каждый раз, но неумолимые цифры возникали вновь и вновь. С помощью этих циклов можно узнавать ход дальнейшей жизни и готовиться к последующим событиям. Это увлекательно и предсказуемо. История всегда повторяется — либо на другом витке, либо зеркально.

Подходили семь недель со дня знакомства со Стюартом. Хоть Катя и уверяла себя, что это не ее пассажир, он незримо сжигал ее своим магнетизмом, врвался в ее сны, будил по ночам. Она просыпалась, хватала телефон, ощущала на своей шее его дыхание, чувствовала прикосновения рук, запах тела. В ее голове крутилась фраза, которую он произнес, когда они стояли на берегу Гудзона и смотрели на подмигивающие им звезды:

— Ты делаешь меня счастливым, королева.

Эти слова были для нее неожиданными и приятными. Тем более что Стюарт никогда не терял голову от любви. Последний раз он влюбился четверть века назад в бывшую жену. С тех пор боится увязнуть в любви. Если их разговор становился слишком откровенным и затрагивал чувства, а не факты, Стюарт использовал свой излюбленный прием — менял тему. А чтобы не выглядеть романтиком, прикрывался цинизмом.

— Знаешь, говорят: переспать с женщиной меньше трех раз — дурной тон, — шутил он.

С их последней ссоры прошло три дня. Он не звонил. Катя была уверена, что если он и позвонит, то только когда выпьет и фон его настроения изменится на романтический. Она сидит в ресторане, беседует с очередным кандидатом, который выставил на сайт единственную, крупноплановую фотографию, и понять по ней габариты его тела было невозможно. Катя согласилась встретиться с ним лишь потому, что ресторан находится недалеко от ее дома — в любой момент можно ретироваться. На деле кандидат оказался гораздо крупнее предыдущего, с многослойным бесформенным животом, свисающим фартуком почти до колен. Катя ужаснулась, увидев это зрелище, но бежать было поздно. Как только она переступила порог ресторана, кандидат, уже сидевший за столом, узнал ее и, чуть привстав, жестом пригласил присоединиться.

В отличие от итальянского меломана, новый кавалер был ученым — физиком и философом. После «здрасьте» и по-научному оценивающего взгляда вдоль и поперек Катиного тела его физическая часть завела разговор об устройстве Вселенной. Начал он издавека, с зарождения планеты Земля.

— Первая примитивная жизнь на Земле зародилась три с половиной миллиарда лет назад, — сказал ученый ровно через секунду после того, как они представились друг другу. — Тяжелые породы, содержащие железо, сформировали ядро, а легкие, каменистые — поднялись на поверхность и образовали кору, — физик вывалил из хлебницы на стол булку, хлебницу перевернул вверх дном и ею накрыл хлеб. — Из-за сжатия и радиоактивного рас-

пада Земля стала нагреваться изнутри и началось смещение континентов.

Катя не могла поверить, что вот так, всерьез, с места в карьер, на первом свидании можно приступить к научной лекции. Оказывается, да, можно. Она помнила свое первое слепое свидание двадцатилетней давности с мастером по ремонту холодильников и кондиционеров, но сегодняшний экземпляр — куда живописнее. Вдобавок ей показалось, что она где-то видела это лицо и жестикуляцию.

— А что сейчас происходит? — спросила она, имея в виду необычную для свидания тему беседы.

Физик вопрос трактовал по-своему. Он усмотрел в ее вопросе крайнюю степень заинтересованности и оживился.

— Континенты и сейчас непрерывно смещаются, со скоростью примерно сантиметр в год. Поэтому мы не замечаем этого движения.

Он произвел на столе рокировку вилок, ножей и хлебницы.

— А как раньше назывались континенты? — действительно заинтересовалась Катя.

— Миллиард лет назад на нашей планете был один гигантский континент Родиния, — для большей наглядности ученый уложил на середину стола кусок белого хлеба. — Мало того, у нас был и один океан — Мировия, — он придвинул к Катиному стакану с водой свой. — Тогда было страшно холодно, — физик встряхнул стаканы. Льдинки ударились друг о друга и зазвенели, на стол вылилась вода. Ученый входил в кураж. — Потом из-за тепловых потоков Родиния распалась, — он вылил на ломоть хлеба воду. Хлеб размяк. Физик отщипнул от него кусочек и отложил

в сторону. — Потом была Пангея, — он указал на отложенный кусочек, — которая тоже распалась. После нее распадались и другие континенты, — ученый оторвал от Пангеи несколько мякишей.

Он говорил всё громче. Он размахивал руками и разбрасывал по столу кусочки мокрого хлеба. Катя заметила, что на их странную парочку поглядывают сидящие за соседними столиками. Ей даже показалось, что бармен за стойкой бара характерным образом покрутил у виска, показывая на них официанту.

— Сейчас мы имеем современный вариант планеты Земля, — продолжал физик, не замечая никого вокруг и повысив голос еще на тон.

Подойдя к сегодняшнему дню, ученый создал на столе более чем наглядную картину: океаны воды с кубиками льда растеклись, в них плавали континенты и острова — куски сжатого до пластилинового состояния хлеба.

— А что же будет дальше? — спросила Катя, теперь уже отчетливо представляя, как распадаются материки.

— Вероятно, континенты опять столкнутся и образуют новый суперконтинент, — физик понизил голос, оглянувшись, не подслушивают ли их, и шепотом произнес: — У него даже есть имя — Пангея Ультима.

Он сгреб вселенную в одну кучу, разбросанную и разлитую им же по столу несколько минут назад и, довольный своей лекцией, вытер руки о брюки. Подошла официантка. Девушка еле удерживала две огромные тарелки с мясом и жареной картошкой. Она уставилась на поверхность стола,

залитого водой — в ней плавали куски хлеба и лед. Официантка поставила тарелки на соседний пустой стол, вытащила из-за пояса тряпку и стала вытирать континенты.

— Вот-вот, так они тогда и распались, — следя за действиями официантки, сказала грустно философская часть физика.

Одну тарелку девушка поставила перед ученым, другую — перед Катей. Не успела Катя открыть рот, мол, она ничего не заказывала, как ученый придвинул к себе вторую тарелку и стал поглощать оба блюда сразу, двумя руками и, как показалось Кате, даже двумя ртами. Ученый забыл не только о мировых проблемах материков, но и о потенциальной невесте. Это и понятно: раз она слушает и задает вопросы, значит, никуда не денется. Физик сосредоточенно жевал кусок мяса, непостижимого даже для богатого воображения размера и одновременно вталкивал в набитый говядиной рот жареную картошку. Кате стало не по себе. Она так и не смогла сделать глоток заказанного ею кофе.

Вдруг ее телефон загорелся сообщением. «Как дела?» — писал Стюарт. «Всё в порядке. Как ты?» — написала она в ответ дрожащими от волнения руками. Ее не смутило присутствие рядом ученого. Сам того не ведая, Стюарт всегда объявлялся вовремя и становился ее спасителем.

— Прошу прощения, это по делу, мне надо срочно позвонить, — брякнула она в сторону физика, вышла на улицу и набрала номер Стюарта.

Трубку он взял после первого гудка. Его голос был слегка навеселе.

— Соскучился, — коротко сказал он.

— Буду через двадцать минут, — как в армии, ответила Катя.

Ей было всё равно, что подумает о ней философ-физик, с помощью которого она за десять минут прошла наглядный курс истории возникновения планеты Земля. Катя вернулась в зал. За короткое время ее отсутствия ученый успел прикончить обе порции мяса, посадить на рубашке огромное жирное пятно, запить съеденное гигантским стаканом кока-колы и расплатиться.

— Ты прекрасный слушатель. Я бы с удовольствием рассказал тебе, что творится в небе и что там летает, — физик вытер грязной салфеткой жирный рот.

Тяжело дыша и перекатываясь из стороны в сторону, он засеменял следом за Катей. Быстрым шагом она направлялась к стоянке. Рядом со своей машиной она увидела миниатюрный автомобиль вишневого цвета с капотом, помятым в форме знака «бесконечность». Физик подошел к нему. Катя чуть не расхохоталась. «Вот это да! — сказала она про себя. — Ученый из зеркала заднего вида! Оказывается, вот кто тогда уплетал жареную картошку из “Макдональдса”». Опять что-то напоминает ей о том дне, когда она ехала на концерт в Карнеги-холл, еще не зная, что в эту минуту Кот улетал навсегда. «Как же давно это было, будто не со мной», — подумала она.

— Летать я буду без вас, товарищи ученые, — сказала она вслух по-русски, села в машину и рванула с места.

«Больше меня фотографиями на общем плане не обмануть», — пообещала она себе.

Через двадцать минут она уже подруливала к любимому ресторану Стюарта, в котором он чувствовал себя как дома. Официантки-полячки встречали ее радостными улыбками, и Стюарт как-то сказал:

— Ты им нравишься.

— Это просто они чувствуют своих сестер-славян.

Открыто восторгаться и говорить комплименты он не умел, цветов не дарил. Многие американцы даже и не подозревают о том, что женщине цветы могут быть приятны. Но корни Стюарта — европейские, точнее, немецкие. Хроника его семьи по маминной линии полна тайн и темных пятен. Дед его был немцем. Внешне внук пошел в него: светловолосый и голубоглазый. В начале двадцатых годов двадцатого века дед оказался в Америке. Что его сюда привело, никто из членов семьи доподлинно не знал. По случайным обрывкам фраз можно было догадаться, что в Германии дед совершил нечто противозаконное и должен был сесть в тюрьму. Может, он и отсидел. Кто знает? А может, сбежал аккуратно перед посадкой. И помог ему то ли случай, то ли изворотливость ума. Как бы то ни было, дед оказался в Америке, где вскоре выпустил книгу на неожиданную для его родных тему: о правилах пользования грилем при приготовлении пищи. Готовил дед, по воспоминаниям родственников, отменно. Писательский и поварской талант уживались в нем с натурой афериста. За свою жизнь он обманул немало людей, но, будучи крайне осторожным, документальных свидетельств своих обманов не оставил. Стюарт рассказал то немногое, что знал, и Катя предположила самое очевидное:

— Cherchez la femme. Скорее всего, там была замешана женщина.

— Как же раньше никто из нас не догадался? — воскликнул Стюарт. — Ведь ты права. Всё становится на свои места, и теперь ясно, почему он никогда не рассказывал о своей личной жизни ни в Германии, ни здесь. Я помню, однажды бабушка обмолвилась, что где-то в Европе у деда была дочь. Она умерла от алкоголизма в тридцать с лишним лет.

— Значит, у тебя наследственность — так себе, — сказала Катя.

Старший брат Стюарта много лет назад страдал алкогольной зависимостью. Всё же пить он бросил и призывал младшего пойти по его стопам.

— Брат и мама всегда хотели меня контролировать, хотели, чтобы я не пил, — сказал Стюарт, — меня это раздражало и, я напивался назло им.

— Что, если предположить: а вдруг они хоть в этом правы? — спросила Катя.

— Я об этом не думал. Теперь задумаюсь, — он ушел в себя.

Двадцать минут, пока она ехала к Стюарту после свидания с ученым, Катя задавала себе вопросы: «Готова ли я жить с ним? С его детьми? В Манхэттене? Для этого ли я переезжала ближе к работе? Поселиться у меня? Надо ли ему это?» На все вопросы она ответила: «нет». Стало легче. Но и включив рассудок, она не могла просто так вычеркнуть Стюарта из своей жизни. Для этого должно было произойти что-то особенное. Много раз разрыв отношений происходил у нее не тогда, когда звучали звоночки, а вместе с раскатами набата.

Стюарт стоял на улице и курил. Рука его была отекая, уже без гипса. Синяк под глазом прошел. Это был тот самый очаровательный Стюарт, которого она впервые увидела шесть недель назад. Как и тогда, он хитровато улыбался и взглядом художника с ног до головы оценивал приближающуюся к нему натурщицу. Они сели за стойку бара — его любимое место, где можно общаться, не напрягая слух и голосовые связки. За барной стойкой Стюарт просиживал целую жизнь. Из бесед с барменами и посетителями он, по его словам, получал новые знания. Катя считала, что это никакие не знания, а ненужная информация, но Стюарт не соглашался.

Справа от них сидел знакомый Стюарта — врач-хирург, бразилец по происхождению. Полгода назад хирург решил взять на работе тайм-аут и отправиться в кругосветное путешествие. Но пока он так и не выехал даже за пределы Манхэттена.

— Я пишу сценарий фильма о подводных камнях в системе здравоохранения, — сказал нетрезвый врач заплетающимся языком, — допишу, покажу своему близкому другу. Он тоже бразилец, режиссер и продюсер. Он живет здесь, в Нью-Йорке.

Катя чуть не поперхнулась кофе. Сейчас он произнесет имя этого режиссера-продюсера, и она потеряет дар речи. До ее приезда Стюарт успел сказать бразильцу-хирургу, что Катя — русская и ведет программы на телевидении. Надо было срочно отвлечь внимание Стюарта от пьяного доктора.

— Сегодня ты выглядишь гораздо лучше, чем в прошлый раз, — сказала она, — скоро полностью вернешься в свой первоначальный вид.

— Спасибо, а ты сегодня особенно хороша, — ответил Стюарт. О ссоре он не вспоминал, словно ее и не было.

Ресторан они покинули последними, когда официанты завершили подсчет дневной выручки и поставили стулья на столы вверх ножками. Катя подвезла его к дому. Не простить Стюарта она не могла. Ей было неважно, есть у них будущее или нет. Она хотела настоящего, подлинной свободы, когда нет ни прошлого, ни будущего, когда не держит ни то ни другое, а есть только «сейчас». Многие, наверное, потому и не могут быть счастливы, что живут тем, чего нет. Либо сожалеют о прошлом, либо мечтают о будущем. Невозможно быть счастливым в будущем. Это возможно только сейчас.

Можно дать задание мозгу: быть счастливым. Он понимает любые команды и, если заложить в него правильную программу, без отрицания, мозг станет ее выполнять. Так же как компьютер, он не понимает команды «не делать». Так же актер, которому режиссер объяснит, какое должно быть действие, начнет это действие выполнять. Если человеку, режущему что-то ножом, сказать: «Осторожно, не порежься», почти со стопроцентной гарантией он порежется. Мозг не понимает «не», он слышит «порежься». Может быть, и женщина вправе ожидать подвоха от женщины, которая подчеркивает свою независимость? И подсознательно она хочет зависимости? А мужское «я не достоин тебя» означает: «достоин, но не хочу»?

Однажды и Стюарт сказал:

— Я тебя не достоин. Тебе нужен другой мужчина, без заскоков, надежный, который даст тебе

стабильность. Я этого дать не в состоянии. Ты достойна лучшего.

— Откуда тебе знать, что надо мне, если ты до сих пор не разобрался, что нужно тебе самому? — спросила Катя.

— Ты права. Я об этом не подумал, — ответил он и, как всегда, замкнулся.

«А может, он и прав, — подумала Катя, — может, мне и нужен совсем другой».

Приближался один из любимых американских праздников — Четвертое июля — День независимости. В этом году получилось три выходных. Стюарт предложил провести два из них вместе. Он зарезервировал столик в ресторане, на берегу Гудзона, откуда открывается прекрасный вид на Манхэттен — лучшая точка для наблюдения за главным салютом страны.

Брюс тоже хотел провести праздник с Катей и пригласил ее «хотя бы на один день» на свой катер. Тут включилась Катина совесть. Она понимала, что поступает нечестно по отношению к Стюарту — недоговаривает и, значит, обманывает. Но ведь Стюарт ни разу не поинтересовался ни ее чувствами, ни ее мыслями. Не знать — удобнее — меньше проблем. В этом месте совесть выключилась, и Катя отправилась на один день на катер. Туда же приехали два друга детства Брюса: Джей — весельчак из породы «всё по фигу» и Дэн — серьезный, сосредоточенный на чем-то своем мужчина. Брюс включил моторы, и катер помчался по волнам. Молчаливый Дэн сразу уткнулся в телефон. Он с кем-то

переписывался и изредка улыбался. Владелец копны кучерявых волос Джей, сразу приступил к «отдыху». Он открыл банку с пивом, растянулся на палубе и заговорил. Если бы он просто говорил, то было бы еще ничего, можно было бы отдыхать, но ему нужен был собеседник. В качестве человека для диалога он выбрал Катю. Ей очень не хотелось с кем-то разговаривать, рассказывать о себе, что неминуемо — незнакомые люди задают много вопросов, когда узнают, что она — русская. Она хотела наслаждаться океаном и скоростью в тишине, прерываемой только монотонным звуком мотора. У Джея оказалось молниеносное чувство юмора и такая же реакция. С ним оказалось просто и смешно. Чем больше пива заливалось в его организм, тем больше становилось и его самого. Брюс начинал нервничать. Его злило то, что друг перетягивает внимание Кати на себя. А Катя пьянела от морского воздуха, скорости, брызг соленых волн и смеха. Пьянела, не прикасаясь к алкоголю.

За долгие годы непития в любой приятной компании выпивающих людей она научилась достигать их градуса по мере поглощения ими спиртного. Никому и в голову не приходит, что она не пьет. Разница в том, что после застолья она ведет машину, не опасаясь полиции, у нее не бывает похмелья, провалов в памяти и она не гробит свое здоровье. Брюс склонился к ней и тихо сказал:

— У меня болит голова. Это оттого, что всем от меня что-то нужно, кроме, естественно, тебя. Всё, больше на катере никого не будет, когда есть ты. Только мы вдвоем.

— Интересно, а какой ты зимой? — неожиданно для себя самой спросила Катя.

— Станный вопрос. Я что, гожусь только для лета?

— Ты будешь смеяться, но в одной моей песне, «Времена года», есть такие слова: «Я в июле закружусь с другим, он для лета, а не для зимы».

— Значит, я прав? — сник Брюс.

Она не могла признаться, но эта мысль и вправду осенила ее. Брюс совсем не годился для зимы, она не могла представить себя рядом с ним в зимнее время года. Зимой хочется согреться в объятиях друг друга, а милый и обаятельный Брюс не вызывал у нее нежных чувств и прикасаться к нему не хотелось. Она в принципе не видела себя в долгосрочной перспективе рядом с этим неплохим и надежным мужчиной. Он мог рассчитывать только на роль друга, но это вряд ли устроило бы его.

Вскоре они вернулись на берег и вдвоем на машине Брюса подъехали к дому его родителей. Брюс предпринял вторую попытку познакомить их с Катей. На сей раз аргумент о легкомысленной юбочке не сработал. Брюс был категоричен.

— Ты прекрасно выглядишь, а мои родители — совершенно нормальные люди, — твердо сказал он.

Катя на комплимент не клюнула и сказала, что никуда не пойдет. Брюс на секунду задумался.

— Сейчас вернусь, — решительно сказал он, вышел из машины и поднялся по лестнице в дом.

Через минуту он появился на пороге в сопровождении родителей. Мама, одетая в светло-серый брючный льняной костюм, торжественно

шла под руку с папой. На папе были выглаженные белые шорты и белая футболка. Катя вышла из машины и поздоровалась с ними. Мама, блондинка с серыми глазами, не растерявшая с возрастом обаяния и шарма, обняла Катю по-матерински, как родную и протянула ей мороженое, а папа — подтянутый, элегантный, голубоглазый мужчина с обворожительной улыбкой — вручил две бутылки воды. Папа вовсе не выглядел на восемьдесят лет.

— Мы еще две недели назад надеялись с вами познакомиться, даже родственников пригласили, — сказала очаровательная в своей непосредственности мама.

Катя вспомнила слова подруги про американцев, которые просто так с родителями не знакомят. Да, подруга была права.

Головная боль у Брюса не проходила. Катя подумала, что причина — не в его реакции на неутомного Джея, а в том, что ее мысли — далеко от Брюса, и боль является отголоском, отражением того, что она не хочет его как мужчину. Всё вокруг — отражение нас самих и наших мыслей.

— Обычно на головную боль ссылаются женщины. Первый раз слышу, чтобы голова болела у мужчины, — сказала она.

— Прости, — Брюс был расстроен.

Ей стало жаль его. Он не отталкивал ее, не раздражал, но и не вызывал ни трепета, ни даже малейшей искры. Пропала последняя надежда на то, что хоть какой-то огонек по отношению к Брюсу в ней вспыхнет. Как ему об этом сказать? Какие подобрать слова, чтобы у него не было иллюзий? И как при этом не обидеть?

На катер они вернулись ночью. Мучаясь головной болью, Брюс сразу уснул, что избавило Катю от неприятного разговора. Она сидела на палубе и переписывалась эсэмэсками со Стюартом. «Не могу дождаться, когда завтра ты окажешься в моих объятиях и останешься в них на целых два дня», — писал он. В небе едва угадывался Млечный Путь. В каюту спускаться не хотелось. Это было бы нечестно по отношению к Стюарту, даже несмотря на наличие второй каюты. «Ты что? — одернула она себя. — Бери от жизни то, что считаешь нужным. Он на тебе тоже не остановился, с сайта знакомств уйти не спешит и, заметь, больше не заикается о том, чтобы и ты оттуда ушла». Действительно, кто сказал, что Стюарт — конечная точка ее маршрута? Почему бы не предположить, что он лишь прекрасная ступень на длинной лестнице ее жизни? Это понятно, а кто же тогда единственный? Не Брюс же, в самом деле. Однажды она спросила Брюса:

— Почему ты не интересуешься, может, я встречаюсь с кем-то еще?

— Я не хочу этого знать, Катя, — он серьезно посмотрел ей в глаза.

— А зря.

Совсем не страшно сказать горькую правду тому, кто не дорог. И как же мучительно невозможно выдавить из себя такую же правду тому, кого любишь. Нет сильнее испытания, чем быть открытым в любви. Не то что ты боишься ранить — какие тяжелые раны иногда мы наносим самым любимым! — нет, ты боишься потерять. Любовь становится испытанием, и проходят это испытание не все. Стюарт говорил,

что разрыв с женой стал для него настолько сильным потрясением, что после этого он панически боится попасть в зависимость от любви.

— Нет, ты боишься не любви, а оказаться брошенным этой любовью, — сказала Катя. — Согласись, после исчезновения в одно мгновение девяти лет любви я должна была сказать, что больше не подпущу к себе никого из вас, что все вы сволочи. Я должна была озлобиться на весь мир. А я всё равно жду любви. Это что, ненормально?

— Ты — необыкновенная, и тебе повезло, что ты умеешь любить несмотря ни на что, — сказал Стюарт.

— Наоборот, смотря на всё. Если женщина говорит, что все мужики сволочи, то ей и будут попадаться сволочи. Для меня все мужчины — прекрасны, просто среди них есть не мои или те, которые стали не моими.

— А я — твой? — спросил Стюарт.

— Если мы рядом, значит, сейчас — да. Другой вопрос: надолго ли?

— Ты считаешь, ненадолго?

— Посмотрим. Потом это будет уже урок. Не знаю, как тебе, но мне нравятся трудные уроки. Только потеряв всё, в том числе и любовь, можно стать по-настоящему свободным. Вот для тебя что такое любовь?

— Это когда ты заботаешься о человеке, доверяешь ему.

— Заботаешься ты о детях, а доверяешь друзьям.

— Но, когда любишь, делаешь это особенно, — Стюарт подумал и добавил: — Любовь — это непрерывная музыка на заднем плане.

Что сильнее — любовь или разум? Сколько она ни пыталась выбирать между ними, разум всегда проигрывал. Разум расчетлив, умеет привязываться, но не умеет любить. Разум — наука точная, математика, а любовь не поддается математическому расчету. Пусть математики и внедряются в эту область, и пытаются подводить под любовь научную основу, всё равно их выводы не бесспорны. Невозможно любовь объяснить с точки зрения науки. И гормоны с феромонами тут не помогут, и разница температуры тел влюбленных, и особые импульсы мозга. Тому, у кого сильнее разум, неведома любовь. Но иногда всё же лучше крепкая привязанность разума, чем зыбкая любовь. «Может, сейчас, со Стюартом, я хочу поставить очередную галочку в своем списке побед любви над разумом? А может, хочу убедить себя и доказать Стюарту, что я была лучшей женщиной в его жизни? Но разве он обязан мне свободой только потому, что своей любовью я решила сделать его счастливым? Разве он должен расплачиваться за мои желания и ожидания, за мои иллюзии?» Любые иллюзии рассыпаются в пыль. И тогда ты разыгрываешь последнюю карту, заключительную сцену спектакля. Ружье из первого акта всегда выстреливает в третьем. Иначе — нет спектакля. Уже потом, после выстрела, ты будешь бежать под манхэттенским ливнем неведомо куда, рыдать солеными слезами, задевать прохожих спицами зонта, спотыкаться на подворачивающихся каблуках и смотреть на свое отражение в лужах. Ты поправишь растрепавшийся локон, пока в твоей

голове крутится рождающееся сию секунду стихотворение. Ты будешь бежать всё быстрее и думать не о том, что минуту назад потеряла любовь, а о том, чтобы успеть донести до бумаги эту чертову строчку, чтобы не забыть ее. Ты глотаешь коктейль из слез с дождем и краем глаза замечаешь, как под натиском шквального ветра под колесами желтого такси покончил жизнь самоубийством чей-то зонт. Ты останавливаешься, и уже не имеет значения, что по тебе льются дождевые струи, а по лицу растекается тушь. Ты лихорадочно выскиваешь на дне сумочки скомканную ресторанную бумажную салфетку. Пять минут назад, расставаясь с любимым мужчиной навсегда, ты утирала ею слезы, потом схватила на случай, если вдруг постучится новая строка (о, эта барышня по имени Вдохновение может прийти внезапно, без стука). И вот он — случай. На этой мокрой салфетке ты царапаешь ручкой с заканчивающимися чернилами строки новой песни. Очень скоро на кухне своей квартиры, не сняв промокшую одежду, ты будешь петь ее самой себе срывающимся от волнения голосом, не попадая дрожащими пальцами по расстроенным гитарным струнам. (Настраивать гитару некогда, иначе ты упустишь момент Вдохновения — барышня уйдет так же быстро, как только что от любви ушла ты.) На твоём лице не будет даже намека на трагедию, час назад свершившуюся в твоей жизни. Трагедию потери любви. Перед твоими глазами будет только зонт-самоубийца, и ты напишешь:

Она ушла, зонта раскрыв ладони. Она ушла
в ночную пустоту. Она ушла, оставив на пер-

роне своих следов ненужных суету. Чужой вокзал кружился каруселью, и, задевая спицами зонта толпу прохожих в ветреном апреле, она, омытая дождем, была чиста. Часы вокзальные свой ход остановили, и циферблат белел, как диск луны. Она покинула пределы водевиля, как покидает ночь границы тишины.

Он растворился в черноте вагона, и стук колес, призывный, как набат, ей в спину бил и отдавался стоном в железных прутьях кованых оград. Она наутро перечтет все письма, вдохнет изменчивый рассвет весны, и к ней навстречу, распуская листья, как жизнь, ворвется свежесть новизны. Она ушла, не веря в возвращенье, — ни женщина любимая, ни дочь. И ей казалось, что ее колени целует он, а не бесстыжий дождь.

Ты всё оправдаешь конечным результатом. Мужчина использован как инструмент, поэтический мастерок, но он об этом даже не догадывается. Эгоистично? Да. Зато теперь он обретает свободу и новую жизнь. Он уже не с тобой, он на бумаге, вместе с дождем, зонтом и толпой прохожих. Всё, что от него осталось, — песня, автор которой словно не ты, а кто-то другой, а ты — зритель/слушатель/читатель. И ты дала крылья этому мужчине-песне, пускай летит. И какое тебе дело до его души, какая разница, что в ней происходит? К третьему акту твоей пьесы он устал, утомился. «Не справился. Вот такое я ничтожество. А ты — лучшая», — скажет он. И правильно. Каждый хочет лучшую и одновременно боится ее. Кому нужна худшая, с изломанной судьбой? Но от худшей так

стремительно не бегут, как от лучшей. Не каждый к ней готов. Будьте со счастливыми, с несчастными пусть будут другие.

И в твоём сценарии появляется новая глава о том, как в центре Манхэттена любящий тебя мужчина бросается под колеса твоей машины и, стоя на коленях, умоляет тебя не уезжать. По твоему лицу хлещут лучи восходящего солнца, а ты сидишь за рулем, включая и выключая мотор, включая и выключая. Потом выскакиваешь из машины, падаешь на асфальт рядом с ним и рыдаешь, то ли от разрывающего пополам счастья, то ли от осознания того, что такое счастье больше никогда не повторится.

Запомнить бы в деталях. О, ты умеешь в самые тяжелые моменты смотреть на себя со стороны. О, эта актерская школа, научившая тебя главному приему: артист должен уметь запоминать свое состояние и свои чувства. Чем они драматичнее, тем лучше. Всё пригодится на твоей творческой кухне. И вот уже вместе со слезами ты выплескиваешь на листок бумаги, приклеенной слезами к рулю, слова будущей песни. Ты едешь, не зная куда, задыхаясь от слез, любви и ужаса потери. А в зеркале заднего вида, повернутом к тебе, наблюдаешь за собой со стороны. Главное, хорошо смотреться. Даже сейчас, даже перед собою, даже в слезах.

Дежавю. Такое уже было. Четыре семилетних цикла назад. Москва. Дождь. Твой сломавшийся и улетевший на проезжую часть зонт. Остановка автобуса, в стекле которой отражается машина. Машина останавливается, открывается пассажирское окно. Водитель с темными вьющимися волосами кричит:

— Девушка, вас подвезти?

— В другой жизни, — кричишь ты в ответ и отворачиваешься: он не должен видеть твоих слез. Стеклянная остановка отражает его отъезжающую машину.

Иногда мир сжимается в одну точку. Из этой точки-звезды ты можешь изучать происходящее внизу. А внизу, на палубе катера, — тоже ты. Лежишь и переписываешься с одним, пока в каюте спит другой.

— Не хочу тебя ни с кем делить и никому другому уделять драгоценное время, отрывая его от тебя, — сказал утром Брюс, поднявшись на палубу, — обещаю, что больше здесь никого не будет.

— Как твоя голова?

— Спасибо, прошла. А ты что, так и спала здесь? — удивился он.

— Что может быть лучше, чем уснуть со звездами?

— Ты имеешь в виду «под звездами»?

— Я знаю, что мой английский оставляет желать лучшего, но я имела в виду именно «со звездами».

— Как бы я хотел быть на их месте, — грустно сказал Брюс.

— Даже не начинай, — осадила его Катя.

Они подъехали к машине Джея, который в ней провел ночь.

— Я уже раскалился от жары, — улыбнулся он, высовываясь из своей железяки.

Брюс взялся организовать «самый лучший» ресторан для завтрака. На пассажирском сиденье — Катя, на заднем — в прекрасном настроении Джей, за рулем — Брюс. Они проезжали места, знакомые

друзьям с детства, и на каждом квартале Джей ударялся в воспоминания.

— А вот здесь я впервые поцеловался, — сказал он, указывая на перекресток впереди, — мне было двенадцать, а Брюс тогда застенялся, отвернулся и ушел вперед.

— Один ушел или в обнимку с девочкой, с которой поцеловался на следующем перекрестке? — смеясь, спросила Катя.

— Один, — жестко оборвал Брюс, — она ушла гораздо дальше.

Катя замолкла. Неожиданно замолчал и Джей. О своем прошлом Брюс никогда не рассказывал, а Катя не спрашивала. Она считала, что, если мужчина за пятьдесят никогда не был женат и не имеет детей, тому есть свои причины. В молчании они подъехали к ресторану на берегу. Ни одного свободного места для машины не было — отдыхающие уже съехались на пляж. Тонем человека, заранее знающего, что парковка ему не светит, Брюс пробурчал:

— Если здесь мест не будет, неподалеку есть еще два ресторана, попробуем поискать там.

Катя с Джейм рассмеялись в один голос:

— Надо говорить: «Парковка есть».

— Вы чего это как близнецы разговариваете? Сговорились? — недовольно пробурчал Брюс.

Джей с Катей переглянулись и вновь расхохотались.

— Катя, твой опыт — только твой, — тоном наставника брюзжал Брюс, — а то, что ты мыслишь позитивно, не обязательно означает, что такую же модель поведения должны принять и другие.

— Ты прав, — у нее не было желания философствовать. Хотелось побыстрее позавтракать и отправиться на пляж. Стояла испепеляющая жара. — Брюс, прости, это мои idiotские ожидания. Не обращай внимания.

Извинение не помогло. Он все равно нервничал, дергал машину, резко срывался с места и так же резко тормозил. Катя с его лучшим другом была заодно, значит, против него. Упрямство Брюса смотрелось невыгодно и неумно на фоне весельчака Джея.

На поиски парковки ушло полтора часа. Изнывая от пекла, с пересохшим от жажды горлом, наконец возле пятого по счету ресторана высшие силы сжалились над ними и освободили место для машины. Позавтракали они рекордно быстро. После омлета с беконом и кофе настроение Брюса заметно улучшилось. Вскоре они разложили на раскаленном песке пляжные полотенца, бросились с разбега в прохладную воду, а выйдя на берег, подставили тела солнцу.

— Ты рассказывал Кате свою историю про качка? — обратился Джей к другу.

— О, хорошо, что ты напомнил, — оживился Брюс и придвинул к ней свое полотенце, — тебе это понравится, Кошка. Рассказать?

— Давай.

— Это было пару недель назад. Еду я по пустой дороге. Вдруг, откуда ни возьмись, меня подрезает красный внедорожник. В водительском окне торчит локоть огромной волосатой руки, а сама рука — вся в татуировках. Явно качок. «Ни фига себе, как нагло подрезал! Так просто я это

не оставлю», — думаю я. Догоняю его и тоже подрезаю. Качок высовывается в окно, что-то орет, жестикулирует, показывает мне оба средних пальца, напрягает мускулы. Длинные черные волосы до плеч, белая футболка в обтяжку, чтобы рельеф бицепсов был хорошо виден. Красавец. Он указывает мне в сторону обочины, мол, чтобы я остановился, сразимся на кулаках. Всё это — на скорости семьдесят пять миль в час. А я что? Я к бою готов. Качок разгоняется миль до девяноста и отрывается. Только я собираюсь рвануть следом, как вижу сзади полицейскую машину. Сбрасываю скорость. Полицейский обгоняет меня. Пронесло, думаю, только жаль, что качка упустил. Еду, расстроенный, минут пять. Вдруг вижу: у дороги — небольшой ресторан и его красная машина. Ну всё, думаю, попался. Останавливаюсь, захожу внутрь, оглядываюсь, его нигде нет. Из другого конца зала слышу живую музыку — джаз. Поворачиваю голову и обалдеваю. На сцене с музыкантами стоит он. Рост — не больше метра, карлик, но с огромными бицепсами. В руках — гитара, больше его. Он смотрит на меня в упор: узнал, рожа агрессивная, бьет по струнам и между аккордами грозит мне кулаком и поигрывает бицепсами. Я чуть не заржал. Доиграли они композицию, я иду к сцене. Качок напрягается, отставляет гитару в сторону и становится в боевую стойку. Я еле сдерживаю смех. Подхожу и вдруг, сам того не ожидая, протягиваю ему руку. Он смотрит на меня с недоверием, спускается со сцены и неожиданно... пожимает ее. Чувак оказался мне по пояс. Потом он со своей группой целый час играл только для меня, причем

обалденный джаз, а музыкантам сказал, что я — его друг.

— Классная история, — сказала Катя.

— Представляешь, как бывает? — улыбнулся Брюс. — Я тогда вспомнил, как ты говорила, что надо всех и за всё прощать.

— Тебе повезло с училкой. Молодец, пять с плюсом. Заслужил окунуться.

После пляжа они отправились на пороссячью тусовку. Этого события ждали все местные владельцы лодок и катеров. Столы, накрытые под тентами на берегу, прогибались под тяжестью блюд. Ажиотаж публики вызвал гвоздь программы — зажаренный целиком метровый поросенок с хрустящей корочкой. Прежде чем блюдо разрежали, состоялась пороссячья фотосессия. Снимали на всё, что снимает, все, кто мог держать в руках то, что снимает. Кто-то кричал: «Отойди, не загорай!» Кто-то вертел модель в разные стороны, чтобы в корочке отражалось солнце, другие становились рядом, щелкали и тут же выкладывали фото в «Фейсбук», а какой-то особый любитель деталей крупным планом фотографировал пяточок лежащего на огромном блюде золотистого поросенка. Единственным отличием данной фотосессии от красной ковровой дорожки с участием голливудских звезд, было отсутствие криков фотографов «Smile».

Приехал и голубоглазый Дэнис. Брюс сказал, что он тоже клиент сайта знакомств. Дэниса сопровождала новая спутница — юная бледнолицая длинноволосая особа с раскачивающимися во время ходьбы бедрами. Брюс говорил, что, в отличие

от него самого, Дэнису нужна не вторая половинка, а много разных четвертинок и даже восьмерок. Дэнис любит разнообразие.

Катя поклевала салаты. С поросенком быстро справились без нее — мясо она не ест. Со всеми присутствующими она попрощалась воздушным поцелуем, а весельчак Джей встал из-за стола и обнял ее. Ей стало неловко перед Брюсом, который зыркнул на Джея недобрым взглядом.

— Это тебе, — Брюс протянул Кате диск, — «Битлз» с твоей любимой Yesterday. Я не забыл.

— Спасибо тебе. И за прекрасное время — тоже, — она чмокнула его в щеку, села за руль и поняла, что больше не может его обнадеживать, что ей жаль этого хорошего и доброго парня. Надо ему как-то сказать, чтобы он не строил планов.

Она села в машину, нажала на газ и увидела в зеркале заднего вида ссутулившегося Брюса. Он стоял на дороге и печально смотрел вслед исчезающей за поворотом машине, из окон которой звучала песня о вчерашнем дне. Да, жаль его, но Катя не любит тех, кто ощущает себя жертвой. Ей кажется, таким людям скучно с собой. Когда рядом с тобой жертва, трудно радоваться жизни. Гордиться жертвой тоже невозможно. А Кате хочется, чтобы она гордилась своим мужчиной. Обычно ее мужчинам другие люди говорили: «Береги ее». Но никто почему-то не берег. Каждый из этих спутников, как и полагается спутнику, оставил свой след. Кто-то пролетел маленькой звездочкой, и Катя не успела загадать желание, кто-то промчался кометой, осветив ее дни или годы, кто-то сиял солнцем, обжигая и оставляя

рубцы от ожогов, а кто-то шел следом по Млечному Пути, залечивая эти раны. Другие проскакивали мимо, торопясь поймать совсем другую спутницу. Но и они тоже оставили след, даже если не оставили имени. Были среди них ураганы и смерчи, штормы и даже пара солнечных затмений, после которых ослепленная Катя долго восстанавливалась.

Ягодка

Двадцать второй апрель,
Быстрый, как электричка.
Он распахнул постель:
— Рядом ложись, певичка.

Думала, что роман —
Сцена, цветы, гастроли.
Душный вагон, стакан,
Дырки в пальто от моли.

Двадцать девятый май —
Рамка от вернисажа.
Аннушка и трамвай
Ей ни о чем не скажут.

Слышала: где-то там
Райдеры, гонорары.
Здесь же по всем фронтам —
Водочным перегаром.

Тридцать второй январь —
Зеркало врет безбожно.
Улица. Ночь. Фонарь
Станции придорожной.

Верила, что придет
Сильный, ее масштаба.
Был неудачным год —
Боль. Передоз. Рехабы.

Тридцать восьмой июнь.
Сволочь, как все мужчины.
— Слушай, подруга, плюнь,
Нам не нужны морщины.

— Голову не морочь,
Стану еще шикарней.
Сына рожу и дочь
И рассчитаюсь с кармой.

Август. Ей сорок пять.
Замуж никто не просит.
Не золотится прядь,
А серебрится проседь.

Хит под фанеру спет,
Выцвела позолота.
И на подошве — след
Ягодки... из компота.

— Тебе что-нибудь купить? — мужской голос за
Катиной спиной говорит по-русски.

Не оборачиваясь, она берет упаковку сыра,
расплачивается, выходит из магазина и вдруг ее
осеняет: она уже слышала этот голос. Память на
голоса у нее лучше, чем на лица. Нет, лица она
тоже запоминает. Ну как запоминает? Толку от
этого запоминания не больше, чем знания того,

что существует семь нот. Главное же — не только запомнить лицо, нужно еще совместить его с конкретным местом и временем. А это уже сложнее. Катя часто мучается, разгадывая ребус «лицо-место-время».

С голосами всё иначе. Голос в ее голове сразу начинает принадлежать конкретному человеку. Человеко-голос сплетаются в единое целое. Бывают, конечно, и проколы, и повторяются они от раза к разу. Так, когда она звонит в дом своих приятелей и трубку берет жена, Катя здоровается:

— Гриш, привет.

В ответ Гришина жена без тени раздражения неизменно отвечает:

— Кать, это Майя.

У Майи мужской, пропитый и прокуренный голос. Не то что Катя этого не знает, но каждый раз, вот уже лет двадцать, обманывается. Ее мозг отказывается верить в то, что у женщины может быть голос тракториста.

Есть среди ее знакомых и прямо противоположная пара. Там у отца семейства — высокий женский голос. Зная его те же лет двадцать, когда он берет трубку, Катю охватывает оторопь. В данном случае ее разум восстает против того факта, что в телефоне — мужчина, потому что по всем голосовым признакам — это женщина.

Катя говорит:

— Здравствуйте, а Виталика можно?

Повисает многозначительная пауза, после которой Виталик говорит:

— Какая же ты сволочь. Ты специально подчеркиваешь, что у меня не мужской голос.

Катя не может объяснять ему в очередной раз, что никакой задней мысли у нее нет, поэтому отшучивается:

— Поменяй уже пол, что ли, чтоб не путали.

Она открывает дверь машины и пытается вспомнить, где могла слышать этот голос из магазина. Вроде даже не один раз. «Может, вернуться и посмотреть, кому он принадлежит? А как я его найду? — думает она и трогается с места. — Значит, не судьба. А может, судьбы еще и не было? И вообще, будет ли, когда позади уже больше, чем впереди? Может, я всё время проскакиваю мимо своей станции, так и не успев разглядеть стоящих на платформе?»

Недавно у нее состоялся мини-диалог с женщиной, которому уже за восемьдесят. Она оказалась с ним в одной компании. Катя успела произнести только начало фразы: «Жизнь такая...» — дальше они продолжили одновременно, каждый — своё. Она: «Короткая», а он: «Длинная». Может, именно поэтому она всегда думала, что любит, а на самом деле, цеплялась за каждого, как за последнюю надежду не остаться одной в этой короткой жизни? И в каждом из них искала своего единственного.

Меня пригласил на свидание дождь, пока не закончилось лето. «В шестнадцать ноль-ноль буду ждать. Не придешь — сама пожалеешь об этом». Надетые туфельки из васильков, а из одуванчиков — платье, счастливая очень, под стук каблучков к дождю торопилась в объятья. В шестнадцать ноль-ноль пунктуально пришел с оранжевым солнцем на пару. Сказал:

«Ты красива, с тобой хорошо», пел песни свои под гитару. Я зонтик раскрыла (шел облачный фронт), дождь обнял, шепнул: «Что с тобою? Не бойся промокнуть. Зачем тебе зонт? Тебя от себя я укрою». В семнадцать ноль-ноль лиवानул из ведра, ушел, хлопнув дверью калитки. Проплакала вечер и ночь, до утра, и вымокло платье до нитки.

Потом приглашал на свидание снег, я белую шубку надела, был ужин — весь в белом и белый ночлег, озябшее белое тело. Я помнила дождь, я взяла теплый плед, прижалась спиной к батарее, а снег засмеялся: «Мне тысячи лет, тебя я собою согрею». Проснулась. Растаял бесследно, как сон, как будто и не был на свете.

И тут появился решительно он — попутный порывистый ветер. Я помнила дождь и растаявший снег, смущалась, мне было неловко, но ветер сказал: «Что ж я, не человек?» — на мне разрывая ветровку.

Очнулась наутро, был временный штиль, он гладил мне волосы нежно. Сгорая, дымился бумажный фитиль, я плавала в море безбрежном. Мне крылья свои обещало отдать пушистое облако-птица. «Не бойся, я будут тебя охранять», — сказало, блеснув на реснице. Я помнила дождь, шквальный ветер и снег, туман и замерзшие лужи.

Потом листопад поселился «навек», но он оказался не нужен. Пьянея, бродили по скверам ночным, он скинул наряд в ритме вальса, я вырвалась и улетела, как дым, когда он сказал: «Раздевайся».

Теперь я другая, мой выброшен зонт, босая, бегу я по лужам, не кутаюсь в плед в самый зимний сезон... Но стынет сегодняшний ужин, ветровка валяется на чердаке, нет ветра при летной погоде. А облако... Облако — снег на руке, растает и снова приходит.

Катя договорилась о свидании с владельцем крупной художественной галереи. Галерейщик посещал популярные нынче курсы пилатеса и одевался в молодежном стиле. На встречу с ней в джазовый клуб он пришел в облегающих джинсах и высоких кедах с расшнурованной верхней частью, возле язычка. Эта показная моложавость седому мужчине под шестьдесят совсем не шла. Галерейщик рассказал, что является автором сценария одного из голливудских фильмов. Он оказался хорошим рассказчиком, умел слушать и спросил о Катиных успехах на сайте знакомств.

— Из нескольких кандидатов есть один наиболее достойный, с которым у меня явное химическое притяжение, но он любит выпить, — призналась она.

В конце вечера, проведив Катю к машине, галерейщик спросил:

— Могу ли я встретиться с тобой еще раз?

Никакого интереса он в ней не вызвал.

— Прости, не думаю, — честно сказала Катя.

На следующий день он позвонил и повторил свой вопрос.

— Ты очень хороший, — набравшись духа, ответила она, — но я ничего не могу поделать с чув-

ством, которое испытываю к тому, о ком тебе говорила. Я не могу обманывать ни тебя, ни его.

— Ты же сказала, что у него проблемы с алко-голем.

— Да, но сердцу не прикажешь.

— Вот это да! — воскликнул галерейщик. — Мужества тебе не занимать. Тем не менее, если у тебя что-то изменится, мой телефон для тебя всегда свободен.

Что он подразумевал под словом «мужество»? То ли факт того, что она не может обманывать и встречаться одновременно с двумя мужчинами, что само по себе под большим вопросом, то ли то, что, несмотря на проблемы Стюарта, не желает от него отказаться? Или же то, что смогла одному мужчине признаться в своей любви к другому?

Наступил День независимости со Стюартом. (От Стюарта?) Они сидят за ресторанным столиком на улице. Отсюда можно видеть салют, не вставая с мест. Но когда начинается ослепительной красоты фейерверк, усидеть невозможно. Всем своим великолепием салют сверкает над Гудзоном, и каждый залп разноцветных огней отражается одновременно в воде и манхэттенских небоскребах.

— I love you, — вдруг говорит Стюарт и обнимает Катю за талию.

Он никогда не признавался ей в любви. Небо озаряется очередным залпом, и Катю пронзает мысль, что больше ничего подобного не повторится. С ними не повторится. Салют будет, и не раз, но без них. Последние разряды фейерверка

как заключительные аккорды их любви. Нет, их страсти. По-другому она и не могла закончиться. Испытывая материнское чувство к мужчине, бессмысленно ждать, что он полюбит в тебе женщину. На глазах ее — слезы от грандиозного зрелища. Или от осознания конечности любви.

Нечто похожее случается с ней в момент перехода в новый год. Где бы она его ни встречала, в большой компании или в узком кругу, ровно в полночь, когда все смеются и чокаются бокалами с шампанским, к ее горлу подкатывают слезы. Эти слезы — из детства. Катя и тогда не испытывала радости от Нового года. Папа работал, играл на гитаре на «Голубых огоньках», мама отмечала праздник с ним, а Катя — в интернатах. Интернатовские праздники казались ей ненастоящими, радости они не вызывали. Массовость и объединение в группы были для нее невыносимы. Она до сих пор не терпит клановость, съезды и прочую общую принадлежность к чему-то. А тогда, в интернатах, она вместе со всеми вырезала из бумаги снежинки и гирлянды, украшала ими елку, играла в сказке «Теремок» сразу несколько ролей: труженицу-муху — строителя теремка и ее гостей — блоху-попрыгуху, мышку-норушку, лягушку-квакушку, а однажды срочным вводом сыграла медведя косолапого, который теремок и разрушил. Жестокость этой сказки, как и многих других, была ей неприятна. Ей хотелось счастливого конца, но, увы, в русских сказках и люди, и животные почему-то обманывали друг друга, а мачехи всегда были злыми. Однажды Катя спросила у воспитательницы:

— Почему в сказках у детей нет родителей? Бабушки и дедушки есть, а родителей нет. И как у старичков могут быть маленькие дети? Они что, берут их из детских домов?

— Не занимайся ерундой, — отмахнулась воспитательница, — праздник на носу. Иди готовься.

И Катя погружалась в себя, туда, где было безопаснее и интереснее. Внутри себя можно было рифмовать слова, это было увлекательнее и веселее, а снаружи окружающие только делали вид, что им весело. Но она-то знала, что на самом деле им тоже грустно, ведь ничего веселого в том, что обязательно, нет. Как же у других может быть иначе, если она чувствует именно так? Разве можно чувствовать по-другому? Она всматривалась в лица своих сверстников в попытке найти в их глазах такие же, как у нее, мысли, словно кто-то сейчас ей подмигнет и она поймет, что не одна. И можно будет рассказывать друг другу свои секреты, и никто об этом не узнает. Можно будет доверить свои чувства, и он тебя не осудит, а поймет, потому что он — такой же, как ты.

В третьем классе такой сигнал поступил. Сережка был улыбчивым, голубоглазым, веселым, с маленькими ямочками на щеках. Он не дергал ее за косички, как делали другие мальчишки, не говорил глупостей. Он был настоящим, потому что не пытался быть лучше других и ни с кем не задибался. «Наверное, с ним можно делиться своими секретами, он не проболтается», — думала Катька. У Сережки была мама, папы не было. Он с гордостью рассказывал, что его папа утонул в море, когда спасал маленького мальчика. «Сережкин

папа — герой», — говорили дети и смотрели на Сережку с уважением. Все хотели дружить с сыном героя. А Сережка в дружбе был избирателен. Он снисходительно позволял дружить с собой, но близко к себе не подпускал.

Раз в неделю в интернате был день кино. Детей приводили в спортивный зал и рассаживали на длинных гимнастических скамейках. Сегодня Катька села на последнюю скамейку. На стене растянули простыню, служившую экраном, и с помощью проектора начали крутить кино — новый фильм «Остров сокровищ». Кино Катьку захватило сразу. Дело было не только в юном Джиме, который искал в океане остров с несметными сокровищами. Главным было то, что в этом кино на гитаре, за кадром, играл Катькин папа. Когда с экрана раздавались звуки гитарных струн, она видела перед собой папу, которого ей так не хватало. Катька всем корпусом устремилась вперед, в сторону экрана, сердце ее колотилось в унисон с музыкой и сердцами героев фильма, на глазах выступили слезы. Вдруг она почувствовала, что ее правая щека горит от чьего-то пристального взгляда. Катька повернула голову. С другого конца скамейки, не моргая, ее сверлил взглядом Сережка. Ее, а не экран! Он не смотрит такое интересное кино! На скамейке были только они — Катька и далеко, на другом конце, Сережка. Значит, его взгляд адресован ей. Не может быть! Катька покраснела и отвела глаза. Она пыталась сосредоточиться на сюжете приключенческого кино, но это почему-то не получалось. Даже папина гитара не помогала. Оттуда, с правой стороны, впервые за всю ее долгую девятилетнюю

жизнь Катьку обжигала сильная волна похлеще «Острова сокровищ» и папиной гитары. Она не выдержала и снова повернула голову в сторону Сережки. Он заговорил с ней жестами, на «немом языке». Это был секретный язык детей тех времен, «немая азбука», в которой использовали пальцы рук и части лица. Многие достигали столь виртуозной скорости общения на этом языке, что не понимающие азбуки взрослые не догадывались, о чем идет речь. Катька «немой азбукой» владела в совершенстве, поэтому Сережкины «слова» поняла сразу. Она не дала ему «договорить». На третьем слове предложения «Я тебя лю...» Катька зарделась и стремглав выбежала из зала.

Впервые в жизни ей признавались в любви. Как теперь с этим жить? Стыдно и страшно, а вдруг это — большая любовь навсегда? А если она не оправдает его надежд и он разочаруется в ней? Они что, теперь поженятся? Как сказать маме? А что, если узнают другие дети и учителя? Нет, надо быть скромной, нельзя показывать, что ты тоже его очень сильно любишь. Надо сделать так, чтобы он об этом не догадался. Мысли подгоняли одна другую. В голове всё гудело.

С того дня Катька панически боялась смотреть в сторону Сережки, она обходила его стороной, а если было уже поздно и он неумолимо приближался, сердце ее громко и часто стучало. Так длилось целую неделю. Потом Сережка оказался предателем. Катька шла по школьному коридору и вдруг увидела, как Сережка при помощи «немой азбуки» признаётся в любви другой девочке из ее класса. Катька рванула со всех ног в сторону лестницы, словно за

ней гналось чудовище, выскочила на лестничную площадку и разревелась в рукав кофты — никто не должен был видеть и слышать ее рыданий, тем более Сережка. Ей было жалко себя, было больно от того, что в один миг разлюбила Сережку. Выплакав всё и икая от постигшего ее горя, Катька вытерла слезы и сказала себе, что больше никогда не посмотрит ему в глаза. Ведь если они столкнутся взглядами, Сережке станет стыдно, а Катька не хотела, чтобы ему было стыдно. Однажды Сережка еще раз попробовал использовать «немую азбуку», чтобы сказать Катьке те же слова о любви, но на сей раз внутри ее сердца ничего не произошло. Она даже удивилась собственному безразличию и отвернулась от него. Потом, в конце третьего класса она узнала, что Сережкин папа — никакой не герой, что он ушел от мамы к другой тете, потому что мама пила водку. Еще Катя поняла, что Сережка ее не предал, а просто устал ждать.

Больше ей сигналов никто не давал. Или она их не читала? Катя наблюдала за чужим праздничным весельем и ощущала неприкаянность одиночного патрона, на который направлены все взгляды. Нет, она тоже умеет веселиться, но не умеет — в толпе. Толпа завораживает и восхищает ее как стихия, но оказаться внутри нее — желания нет. Толпа всегда разрушительна. Кате нравится наблюдать за толпой, как ребенок наблюдает за миром взрослых. Иногда ей кажется, что она сама — этот ребенок. Ей, взрослой женщине, не верится, что она живет самостоятельной жизнью и сама принимает решения. В эти моменты она смотрит на себя не изнутри, а отстраненно, как на часть мира, как на кадры фильма со своим участием.

Запах печенья

Ушла из-под крыльев опеки родительской, да нет, улетела. Тебя не поймать, лишь запах печенья из старой кондитерской, что в доме напротив — Советская, 5 — всплывает из детства коврижкой овсяною, и тянутся руки, сластит на губах. Вдали золотится полоска песчаная, а жизнь, как тарзанка, зажата в руках. Ларек открывается тетенькой засветло, в нем — кружка пивная и с водкой стакан, и дяденька хмурый, опухший и заспанный, считает копейки, ругая карман.

Ларек из пивного вдруг стал прохладительным, в нем грустная тетя торгует водой. Взрослеют подростки, стареют родители, но ты будешь вечною и молодой. Был запах сирени, бульвары цветущие, мальчишки: кто первым — на велосипед? Все были равны, все мы — многоимущие, имущество наше — закат да рассвет. Поёшь под гитару, расставшись с игрушками, и мальчишки падают прямо к ногам, а самый отважный, с большими веснушками: «Тебя, — говорит, — никому не отдам». Смеешься в ответ: «Подрасти хоть немножечко, а лет через десять посмотрим еще». Но лет через пять молчаливый Сережечка тебя от дождя прикрывает плащом, берет тебя за руку. Прикосновение едва ощутимо, а сердце, как мяч, то прыгает вниз, то вдруг через мгновение, из этого сердца доносится плач.

Но ты не заплачешь, ты самая сильная, ты даже мальчишкам советы даешь... Пятнадцать. Глаза твои синие-синие, приталена блузка и стелется клёш. Аккорды уверенней,

строки рифмованы, вот он — поцелуй. Ты говоришь от стыда... Вчера ты — влюбленная, им очарована, сегодня он молча исчез без следа. Строка стала жесткой. Словами, как пулями, стреляешь и целишься точно в мишень. Ты столько прошла январями, июлями, что впору лапшу снять с горящих ушей.

Гитара чехлится, загарчик — водительский, не вспомнить, что было, и не рассказать. Лишь пахнет печеньем из старой кондитерской, что в доме напротив — Советская, 5.

Салют на берегу Гудзона почему-то вызвал слезы. И сам салют, и как никогда бережно обнимающий ее Стюарт. Будто в его объятиях скрывался какой-то предупредительный знак. Утром ее разбудил запах свежеприготовленного кофе. Стюарта рядом не было. Не вылезая из постели, она дотянулась до телефона у изголовья и отправила в соседнюю комнату сообщение: «Доброе утро». Тут же пришел ответ: «Доброе утро. Читаю в Интернете “Нью-Йорк таймс”. Хочешь ли ты кофе?» «Спасибо, хочу», — ответила она. Стюарт вошел в спальню с чашкой ароматного кофе. Конечно, таким и должно быть утро влюбленных. Он поцеловал ее. Последний салют, последний кофе, последний поцелуй.

— На этой фотографии ты очень похожа на мою бывшую жену, — сказал он, указывая на снимок, висящий на стене.

Это было фото двадцатипятилетней давности, в котором когда-то и Кот увидел ее сходство со своей первой любовью Олесей. На фотографии

Катя стояла в купальнике, в полный рост на берегу Черного моря. «Не слишком ли на многих бывших я похожа? Может, потому что и я — чья-то бывшая? Но ни слова о прошлом. Впереди у нас целый день», — подумала Катя. Ей захотелось угостить Стюарта завтраком на свежем воздухе. Он согласился. Катя приняла душ и пошла одеваться. Через десять минут она была готова к выходу.

— Я поеду домой, — вдруг сказал Стюарт.

Катя опешила.

— Что произошло за эти несколько минут, пока я приводила себя в порядок?

— Ничего, просто я решил поехать домой.

— А как же наш завтрак? Мы же собирались провести вместе весь день.

— Я решил поехать домой, — повторил он упрямо и после паузы добавил, — хорошо, давай съездим поехать, раз уж ты так хочешь.

— Это одолжение? Я что-то не так сделала?

— Нет, всё так. Ты вообще всё делаешь так. Поехали.

— Похоже, что именно это тебя и раздражает, — Катя начинала закипать изнутри, но голос не повышала, — как я могу поехать с тобой после таких слов? Да еще когда ты не хочешь объяснить.

Она боялась его обидеть и старалась говорить как можно спокойнее. Стюарт молчал.

— Я отвезу тебя домой, — подытожила она.

Они вышли из дома и направились к машине. Стюарт по-прежнему не говорил ни слова.

— Ты просто неадекватен, — сказала она тихо, почти шепотом, скорее себе, чем ему. В ее интонации

было больше удивления, чем раздражения. — Я не давала никакого повода, чтобы ты меня обижал.

Он продолжал игру в молчанку. Катя ждала хоть какой-то реакции. Но ее не было. У нее начался самозавод.

— Конечно, ты знаешь, что обидеть меня нельзя, — она чуть прибавила децибелов, — я ведь непробиваема и ничего не воспринимаю как личное.

И вновь — гробовое молчание. Нет, она не может с этим смириться. Кто же это выдержит — говорить в пустоту, когда человек — рядом?

Олово

Всё, что сказано, стоит дешево.
Мы не знали, что это — правило.
Никуда без тебя, хорошего,
И с тобой никуда, неправильным.

Всё, что прошлое, то вчерашнее,
Телефоны с ладонь — фантастика!
А что помнишь меня, тогдашнюю,
Это можно исправить... ластиком,

Как на фотке, что сильно выцвела.
Мы неопытны, загорелые.
Просто там я свежа и выпалась,
А теперь — недосып и — зрелая.

Наши руки сомкнулись кольцами,
Улыбалась тогда неловко я
И с тугими ходила косами,
А теперь — осветлила локоны.

Горький дым от тебя, хорошего,
Сигареты твоей ментоловой.
Всё, что сказано, стоит дешево,
И молчание нынче — олово.

— Теперь и завтракать с тобой у меня отпала охота, — сказала она железным тоном.

Ну, сейчас-то он точно должен что-то ответить. Но Стюарт безмолвствовал. Он шел, понуриив голову. Какие процессы происходили в его мозге, понять было невозможно. Да она и не психотерапевт, чтобы выяснять это. Она всего лишь женщина, которой хочется, чтобы рядом был адекватный мужчина.

— Я умею держать слово, в отличие от некоторых. За тобой выбор места для последней трапезы, — сказала она, сменив тон на как можно более равнодушный.

Или он не понял слова «последняя», или сделал вид.

— Да. Ты же знаешь, что я очень теряюсь, когда меня стыдят. В такие минуты я становлюсь плохим мальчиком, — невпопад сказал Стюарт.

Он действительно входил в ступор, если чувствовал опасность, внутренне весь съеживался, прятался за невидимой стеной и опускал дежурный занавес. Так выглядел его шок, когда вместе с даром речи отключались мысли.

Они молча доехали до Манхэттена, вышли из машины и через парк направились к небольшому ресторанчику. Прямо перед собой Катя увидела необычное дерево. Его ствол показался ей точной копией Венеры Милосской, только скульптором поработал не древнегреческий Агесандр, а сама

природа, каким-то чудесным образом знакомая с древнегреческой культурой. Даже высота этой живой деревянной скульптуры была те же два метра, как и у оригинала. Катя остановилась, вытащила телефон и с разных ракурсов стала фотографировать изваяние с классическими женскими формами в стволе дерева. Стюарт тоже извлек из кармана телефон и стал снимать.

— Поразительно, я так часто бываю в этом парке, столько раз проходил мимо, но никогда не замечал, что это — женское тело. Как будто скульптор вырезал. С ума сойти. Как ты умудрилась это разглядеть?

— Это просто, когда глаза открыты, — ответила она.

Стюарт не ответил. Странно, что у человека нет ни раскаяния, ни желания возразить, он замыкается на своем внутреннем «я» и отключается от внешнего мира. У нее в таких случаях опускаются руки.

Ресторан располагался на противоположном от ее дома берегу Гудзона. Символичность последнего завтрака была очевидна. А в том, что он — последний, Катя уже не сомневалась. Они сели на улице. Над головами распустил крылья зонт. Он оберегал их от жарких лучей июльского солнца. Они заказали вредную, но вкусную еду: бутерброды и жареную картошку с кетчупом. Со стороны они напоминали семейную пару с давними добрыми отношениями. По реке медленно плыла баржа.

— А ты знаешь, что раньше для движения барж использовали ветер и паруса? — сказал Стюарт.

— Нет, не знаю, — ответила она безразлично.

«Неужели ему настолько всё равно, что сейчас он может думать о баржах?»

По набережной перед ними проехали велосипедисты.

— Как им не жарко в такое пекло крутить педали? — задал Стюарт риторический вопрос.

— Это их выбор, — философски-равнодушно ответила Катя.

Официант принес счет.

— Могу ли я посодействовать в оплате? — спросил Стюарт.

— Нет, спасибо, сама справлюсь, как и обещала.

— Тебе спасибо, — сухо сказал он.

В напряженном молчании они дошли до машины и так же, не проронив ни звука, доехали до его дома. Катя затормозила. Прежде чем выйти из салона, Стюарт потянулся губами к ее щеке. Она мягко отстранилась и попыталась зафиксировать чувство, которое испытывает в этот момент. Лучше просто наблюдать за тем, что происходит и отпустить ситуацию. Если бы она позволила поцеловать себя, сценарий мог бы развиваться по-другому, но ненадолго. Оттянулось бы время, не более того. Нет ничего, что не стало бы уроком, и нет никого, кто не стал бы учителем. Стюарт вышел из машины, а Катя не могла сдвинуться с места. Она вытащила из сумки блокнот и написала:

Вылюбили

Придумали сюжет любви неистойой, не хуже, чем Шекспировы баталии. У берега волнительно-скалистого волна ее обхватывала талию. Не ожидала ни любви, ни праздника,

да он и сам не думал, что так слюбится. Их, словно откопали из запасников и выбросили на пустую улицу. Любили, как могли, цеплялись пальцами, сплетались до зари, кружась над пропастью, богами становились, и скитальцами, и персонажами своей же повести. Обманывали, бредили в бессоннице, хватали телефон, который выключен, клялись не помнить и не церемониться, прощались навсегда, всё горло выкричав.

Потом прощали, не прося прощения, всё забывали, виделись украдкой, съедали взглядом, полным восхищения, тела друг друга в те мгновенья краткие. Боялись больше никогда не встретиться, не верили, что могут быть счастливыми, ей говорили, что она вся светится, ему — что реки может вспять с разливами. И всё равно не верили. С рассветами, закрыв замки и души в темной комнате, клубничкой объедаясь и конфетами, обидные придумывали колкости. Зачем — не знают, нету объяснения.

Бросались с шеи сорванными бусами и вновь любили до изнеможения, до кончиков волос, до губ искусанных. Всё выдохнут, и выкричат, и вылюбят, он улетит в соседний дом, не далее, и будет помнить, как ее он вылепил из той волны, что обнимала талию.

Не каждому дано пережить чье-то счастье. О чужом несчастье даже как-то приятно говорить. А о счастье-то как сказать? «Представляешь? Она счастлива!» Звучит нелепо. И что дальше? Совсем другое дело: «Представляешь? У нее та-

кое произошло». Любое плохое событие — тема для обсуждения. Счастье — не тема. Если даже и начать с него, беседа обязательно скатится на язвительный тон с осуждением счастливых или поиском выгоды для обеих сторон. Многим вообще не приходит в голову, что кто-то в принципе бывает счастлив. И уж совсем трудно поверить, что можно быть счастливым всегда, а не в какие-то едва уловимые мгновения. Один Катин приятель заметил: «У счастливых людей за душой ничего, кроме счастья, и нет». Сначала эта фраза резанула ее своей неприкрытой и жестокой правдой, затем обрадовала: «Так ведь больше ничего и не нужно». Это же не скука, в конце концов. Быть счастливым — не значит скучным. В конце концов — это вопрос выбора. Интересно, что много «счастий» не бывает, а «несчастий» может быть множество. Катина знакомая, живущая по другим, неизвестным самой Кате законам, ненавидящая мужчин, окружающих людей, свою работу и себя саму, поинтересовалась у Катинной подруги:

— А что, Катька действительно так счастлива или прикидывается?

В чем-то она права. Иногда, чтобы не начать жалеть себя, нужно симулировать счастье. Жалеть себя — просто, для этого не надо прикладывать усилий, а счастливым прикинуться не так легко, как кажется. Но со временем «прикидывание» входит в привычку и даже вырастает в настоящее счастье. Можно уговорить себя быть счастливым. Конечно, не может человек быть счастлив, когда всё плохо. А плохо бывает всем. В такие минуты-часы-дни Катя говорит себе, что в любой трагедии есть комедийное

начало, что жизнь скорее комедия, нежели трагедия. В том, что еще недавно было трагедией, всегда найдется искра юмора, которую можно разжечь и превратить ее в комедию. В конце концов, гораздо интереснее самой быть режиссером своей жизни.

Бывает, что твой собственный спектакль идет не по задумке автора. На сцене твоей жизни случаются неожиданности: то осветитель виноват, то рабочий сцены не укрепил декорацию, то звуко-режиссер не в том месте включил фонограмму, то партнер забыл реплику. Виноваты все, кроме тебя — драматурга и режиссера.

Бывает, что и ноги твои отнимаются, и сердце, как потерявший ориентир дельфин, выбрасывается из тела, и не верится, что эту пьесу играешь ты. Тогда ты думаешь: какой идиот мог написать столь бездарные для современного языка страсти? Тоже мне — Шекспир, но зачем в наше-то время и почему с моим участием?

Всего четыре месяца назад она думала, что вот-вот этот неправильный сон-спектакль закончится. Она проснется, и всё окажется как было. Но реальность побеждала и убеждала в том, что из этой пьесы надо выкарабкиваться, придумывать свою драматургию. Она уже могла задавать себе вопросы: «Что делать дальше? Что я реально потеряла? Уверена ли я, что это трагедия? Как эта “трагедия” будет выглядеть через пять лет?» Вопросы заданы — появились ответы, и ты понимаешь, что ничего непоправимого не произошло, бывает и страшнее. То, что сейчас выглядит как потеря, на деле — новые знания и возможности.

После поцелуя Стюарта ■ ее отвернувшуюся щеку Катя отъехала на несколько кварталов, остановила машину, закрыла окно и разрыдалась в голос. Она выла, колотила кулаками по стеклу машины, ложилась грудью на руль, отчего машина начинала сигналить. Испуганно оборачивались прохожие. Но Кате было всё равно. Терять больно, даже если этот разрыв иницилируешь ты. Ты отрываешь от тела присохшие к нему бинты — а это больно. Почему же больно? Ведь это твое решение. Потому, что ты ставишь себя на место брошенного тобой человека. И тебе больно за вас обоих.

Откуда взялась новая строка, неизвестно, но она заскочила в голову и выключила слезы. Катя записала в блокнот: «На фоне пейзажа». Потом взглянула на себя в зеркало, улыбнулась, открыла настежь окна и дала по газам. Проехав квартал, затормозила и вывела в блокноте:

На фоне пейзажа

Салфетка бумажная из придорожного ресторана, исписанная шариковой непишущей ручкой. Мы завтракаем яичницей с беконом. За окнами — рано, настолько рано, что хочется прикинуться злючкой, напялить очки, читая меню из десятка страниц, будто не зная, чем можно кормить постояльцев, скрывать за очками моргание сонных ресниц, себя пробуждая стуком — костяшками пальцев. А ты в это время глазами съедаешь мой профиль, его запиваешь крепчайшим, без сахара чаем. За ним на салфетке рисуешь пейзаж, словно профи, я делаю вид, что детали пейзажа

того изучаю. На самом-то деле изучено всё: и кофейная гуща, и лица, и даже пейзаж, что меняется с каждой минутой всё лето. В меню ресторанном протерты до дыр все страницы, особенно те, на которых две сотни названий омлета.

Наш завтрак такой затяжной, как прыжок с парашютом, как будто мы знаем, что он не раскроется в связке, что кто-то за нас расписал и пейзаж, и маршруты, а нам остается как можно быстрее придумать развязку. Поэтому молча сидим, поедаем послушно свой завтрак, салфетки как холст и бумагу используя солнечным утром. Из кухни доносится кофе чарующий запах, лицо официантки свежо и презрительно мудро. Ложится на стол отпечатанный счет подотчетный, берешь ты очки, не свои, а мои, между прочим. Мы стали с тобой одинаково видеть нечетко. Ты подпись не глядя поставил и что-то бормочешь. Едва различаю слова. Почему же так тихо? Ну кто ж так клянется в любви, даже после яичницы с чаем? Но вслух не осмелюсь сказать. Я ведь тоже трусиха, уж лучше я сделаю вид, что слова твои не различаю.

Я это потом напишу, на бумажной салфетке, когда оторву по частям от себя, по кусочку. Закроюсь в квартире своей — трехкомнатной клетке — и буду тебя тормозить в неозвученных строчках. А ты дорисуешь пейзаж и доедешь до дома. Там выспаться сможешь. Уже не мешаю ни я, ни рассветы.

Наш завтрак остыл, до обеда еще очень долго, а между — полжизни, как будто одно беско-

нечное лето. Салфетка бумажная из придорожного ресторана. Еще не поставили чай перед нами, не выдали кофе. Мы завтракаем яичницей с беконом, за окнами — рано, на фоне пейзажа — мой недорисованный профиль.

Спустя несколько дней Стюарт поменял свою фотографию профиля на сайте знакомств. Когда-то Катя сказала ему, что снимок, на котором он изображен в докторском халате со стетоскопом на шее, выглядит идиотски и говорит о том, что он не дизайнер, а врач. Он ответил, что просто приколотся. В чем прикол, Катя не поняла. Всё то время, пока они были вместе, фотографию он не менял. Теперь вдруг выставил другую, более приличную, на которой виден рельеф его мускулатуры. «Демонстрирует, что готов к новым отношениям, — подумала она, — и не исключено, что не со мной».

Как-то, обмениваясь с ним эсэмэсками, она сделала селфи и отправила ему со словами: «Эксклюзивно для тебя». Ему понравился и снимок, и сопровождавшая его подпись. Через несколько дней произошла их очередная ссора, и некоторое время они не разговаривали. Тогда Катя выставила эту фотографию на сайт знакомств. Реакция Стюарта была незамедлительной. «Эта фотография принадлежит мне и никому больше. Ей здесь не место», — категорично написал он. Катя расценила это как попытку примирения и ответила: «Что хочу, то и делаю, фотография моя». Одной этой строчки оказалось достаточно, чтобы

их отношения протянули еще какое-то время, до следующей остановки.

Поэтому сейчас, увидев его новый снимок, она нашла повод написать без всякой надежды на продолжение: «Твоя новая фотография гораздо лучше. Надеюсь, что я была хорошим трамплином к положительным изменениям в твоей жизни». Он ответил тут же: «Я не считаю тебя трамплином, а фотография эта старая. Просто решил обновить свою страничку». СМС-перепалка длилась целый час. Для чего она начала этот диалог, Катя и сама не знала, но час спустя, в десять вечера, он пожелал ей спокойной ночи. «О каком сне ты можешь говорить? — написала она возмущенно. — Не верю, что тебе по ночам хорошо спится и ты не думаешь обо мне». «Ты сама, высадив меня из машины, сказала, что это — всё». «Неправда, я такого не говорила, я вообще молчала. А после этого хотела, чтобы ты осознал, что был не прав, и первым сделал шаг к примирению». «Нет, ты мне дала понять, что всё закончено», — по-детски продолжал он. «Когда ты научишься слушать, ты перестанешь спорить», — ответила она. Стюарт замолчал. Но нет же, Кате было мало собственного последнего слова, поэтому, выждав минут пятнадцать, она набрала его номер.

В трубке звучал подвыпивший, но готовый к диалогу голос. Ни к чему хорошему разговоры с пьяным человеком не приводят. Особенно если этот человек — Стюарт. Но она была неостановима: развязка любой ценой, без благородства, без игры в порядочность и хорошесть. Сейчас она точно знала, что их отношениям пришел конец.

В основном люди тонут тогда, когда начинают сопротивляться, пытаясь выплыть. Спасается тот, кто отпускает ситуацию. Потом спасшиеся, как правило, говорят, что в какой-то момент уже потеряли надежду выжить. Не потерявшие надежду рассказать этого, увы, не могут. Так же и во время ссоры, когда обоих не остановить, понимаешь, что это еще не конец, что как-то всё само разрулится. Катя отпустила ситуацию.

— Без угрызений совести разрешаю тебе забыть мой номер телефона, — сказала она в трубку и дала отбой.

Пару секунд она стояла не шевелясь. Потом открыла морозилку, вытащила мороженое и прямо из коробки съела несколько ложек. Улыбнулась. Посмотрелась в зеркало, удивилась, увидев совершенно спокойное лицо, без слез и малейших следов расстройства. «Как просто можно всё завершить, — подумала она, — а ведь нас настолько ничто не связывает, что, если теперь с одним что-то случится, второй об этом даже не узнает. Ни одного общего знакомого, ни одной общей связи. Значит, так и должно быть».

Точка

Вот представь себе: вас соединили в маленькой точке.

Предположим, она называлась городом.

Вы жили в этом городе, не зная друг друга, поодиночке,

И для встречи не было никакого повода.

Ты повзрослела, он подросток. Оказалось, что город — это не точка,

А точка там, где встретились ваши взгляды,
Он не может оторваться от твоего
пульсирующего виска и завиточка,
А ты не можешь дожидаться, когда вы окаже-
тесь рядом.

И вот представь: вы живете на одной жил-
площади,
Обмениваетесь новостями, напечатанными
в газетах.
Говорить о событиях в мире гораздо проще
ведь,
Чем делиться друг с другом каким-то своим
секретом.

Но это неважно. Вы вместе перемещаетесь
в вагоне времени,
В одном купе, в триольном колёсном ритме,
То выскакивая на свет, то утопая в тоннельной
темени,
Пейзаж в окне — в тягучем гексаметре и не-
сложной рифме.

За купейным столом, смеясь, вы расправля-
етесь с завтраком,
Пьете чай в подстаканниках, не нуждаясь
в услугах проводницы.
Из соседних купе врываются куриные запахи.
Они тоже вызывают улыбку на ваших лицах.

Ночами вы укладываетесь рядом на тесной
полке.
Зато не в обиде. Вам подмигивают огни на
семафоре.

После Нового года вы выносите из купе иголки,
А подъезжая к лету, сходите с поезда, чтобы
увидеть море.

Потом представь себе: двоим на полке стано-
вится тесно.

Он незаметно перебирается на верхнюю —
оттуда видней.

Ты не хотела так. И всё же, жизнь по-прежне-
му интересна

И, как прежде, состоит из радостных и не
очень дней.

И вот представь: в радостный день он выходит
из вашего купе.

«Наверное, хочет сорвать цветы на станции
захолустной».

Ты поёшь и нанизываешь на маленькие шпаги
канапе —

Он любит, когда ты готовишь что-нибудь
вкусное.

Проходит время, поезд стоит, и ты понима-
ешь,

что твой вагон отцепили,

И ты осталась среди ночи в удаленной от всего
мира точке.

А он запрыгнул в уходящий, как в плохом во-
девиле,

И машет тебе рукой, и кричит: «Привет дочке!»

А потом представь себе: много лет спустя,
Когда ты уже забыла об ушедшем в ночи поезде,
Увидев в ящике его письмо и впервые за
много лет перечтя,

Когда ты наизусть помнишь слова этой по-
вести,

Ты вдруг понимаешь, что тогда не ты осталась
в ночи,

Что совсем не страшна уходящая от тебя боль.

В той точке остался он. Вот теперь хохочи,

Потому что ты уехала в своем отцепленном
вагоне

туда, где живет любовь.

Каких-то два с половиной месяца назад, в самом начале ее пути на сайте знакомств, Катя очаровалась новым для себя видом общения — с американцами — и сказала подруге, что они, в отличие от соотечественников, хороши тем, что не лезут в душу и не доказывают свою правоту. Подруга, обладавшая большим опытом общения с разными иностранцами, в том числе и американских кровей, ответила:

— Зато могут сделать большее, ранив сильнее.

Тогда Катя не придавала значения ее словам. Да, они не хамят, не посылают впрямую, не констатируют, что отношения окончены. Они молча пропадают, исчезают, растворяются. И не обязательно — навсегда. На время. На долгое время. На пару недель, к примеру. Ты недоумеваешь, хочешь удостовериться, что с человеком всё в порядке: а вдруг что-то случилось, а что, если ему нужна помощь? Ты звонишь, он польщен, он ответит: «О, йес. Ты — самая лучшая на свете, таких женщин, как ты, не бывает. Это я плохой, у меня депрессия, ты меня в таком состоянии видеть не хочешь, я тебе не нужен».

Ты недоумеваешь: «Откуда ему знать, что мне нужно, а что — нет?» Потом копнешь чуть глубже и понимаешь: а ведь он прав, действительно не нужен.

Теперь, поставив все точки над «і», Катя имела право не испытывать угрызений совести от одновременного присутствия в своей жизни двух мужчин.

Отсев кавалеров с сайта знакомств продолжался. Пока лишь «капитан» Брюс оставался крепким орешком и никак не отсеивался. Он тактично не звонил, а присылал сообщения с вопросом: хочет ли она приехать на катер? Встречались они только там, на катере, не чаще чем раз в две недели.

В этот день Катя должна была оставить машину у дома его родителей, откуда она с Брюсом собиралась отправиться на катер. Подъехав, она увидела стоящих на крыльце Брюса с папой. Папа радостно обнял Катю и пригласил пройти внутрь, чтобы она переделалась в пляжную одежду. Катя переступила порог дома и остолбенела. Перед ней в торжественных позах, с улыбками на лицах, не шевелясь, стояла вся семья — мама Брюса, тетя, две сестры и племянник-подросток. Из статичного ансамбля выбивалась лишь радостно виляющая хвостом собака. Старшая сестра, актриса, игравшая в свое время в бродвейских мюзиклах, а потом получившая небольшую роль в известном сериале «Секс в большом городе», взяла инициативу в свои руки.

— А вы случайно не русская шпионка? — спросила она Катю.

Это прозвучало актуально в свете скандала с российскими шпионами, разоблаченными ФБР.

— К сожалению, нет, — ответила Катя, подыгрывая, — да и у вас, скорее всего, никаких секретов не водится.

Семейству священника ее ответ понравился. Все засмеялись, а собака в знак признания лизнула ее ногу. Тщательно спланированные Брюсом смотрины удались.

Весь день они с Катей рассекали волны, а с наступлением ночи бросили якорь у небольшого необитаемого островка. Брюс выключил мотор. Воцарилась оглушительная тишина. Ее прерывали легкие всплески воды у борта катера. Катя подняла голову вверх и ахнула. На нее смотрело нескончаемо черное небо, от которого, как от листа ватмана, отклеивались звезды.

— Когда в последний раз ты ночевал под таким нереальным небом? — спросила она шепотом, чтобы не спугнуть внезапно наступившее безмолвие.

Брюс задумался, что-то подсчитывая, и сказал:

— В океане — никогда, а под звездами — лет в семнадцать, в лагере бойскаутов, на траве возле палатки. Но с любимой женщиной — никогда.

Она сделала вид, что про «любимую женщину» не расслышала.

— Я точно никогда не проводила ночь в океане, с миллионами звезд над головой.

Зарегистрировавшись на сайте знакомств, Катя надеялась, что ей быстро удастся найти достойного мужчину, с которым захочется идти рядом до

конца жизни. Оказалось, что это — всё равно что найти идеальную пару обуви, в которой можно себя чувствовать одновременно «как в тапочках» и «на выход». Приключения ее не интересовали, она хотела взаимной любви. Но чем больше проходило времени в этих поисках, тем более очевидным становилось, что этого мужчины не существует. От отчаяния ей захотелось мстить всему мужскому человечеству. Она убеждала себя, что от мужчин надо взять всё, что можно. Так она примеряла на себя роль стервы и сволочи. Но ничего не получалось. Она вынуждена была констатировать, что сволочью и стервой надо родиться, и это не ее случай, увы.

«Буду стервой», — сказала и сделала.
Прямо завтра начну, прямо в рань.
Помнишь дуру — пушистую, белую?
Дуры нет. Есть стервозная дрянь.

С выкрутасами буду, капризную,
Мужики станут падать к ногам.
Буду селфи свои живописные
Выставлять по утрам в «Инстаграм».

Буду требовать ванны шампанского,
Массажисты чтоб мяли бока,
Не хочу ничего эмигрантского,
Высшей пробы хочу мужика.

Буду краситься красной помадою,
Надевать дорогое манто,
Стану я долгожданной наградою
Для Рокфеллера в модном авто...

... Скрипнул пол, из окна ветром дунуло,
 И стрелой пролетел лимузин.
 Я открыла глаза и подумала:
 «Надо встать и идти в магазин».

Ясно, что, когда тебе под полтинник, на новые отношения решиться непросто. Какое там новое, когда ты уже научилась целиком принадлежать себе и распоряжаться своим временем и мыслями? Когда ты ходишь по квартире голой и непричесанной потому, что так хочешь. Когда тебе хочется накладывать на лицо неэстетичного вида маски из помидоров и огурцов, которые плохо действуют на твой вид сейчас, зато хорошо — на твою кожу — потом. Когда ты можешь не застилать постель, а в выходной день — не вылезать из нее до полудня. Когда ты имеешь право слоняться по квартире и ничего не делать, то есть вообще ничего — не протирать пыль на экране телевизора, не мыть чашку со следами от мороженого, которое съела ночью потому, что тебе захотелось, и, главное, не ругать себя за это. Ты никому ничего не должна, никуда не обязана спешить: ни в магазин за хлебом — ты давно его не ешь, ни в оперу, лишь потому, что так хочет он, ни в гости к его родным, которые тебе не очень-то и рады.

Именно сейчас — то самое время, когда ты начинаешь ценить вкус свободы, которая, может, в том и заключается, что ты больше ни за что и ни за кого не цепляешься, а значит, не боишься потерять. Нельзя же потерять то, чего нет. Потерять можно только невосполнимое: родителей, детей, время. А еще точнее, то, без чего невозможно жить, —

время. Может, старческое слабоумие — эдакая на-смешка природы над возрастом — и заключается в том, что человек перестает ощущать время? Оно сходится для него в одной точке, так, что больше ни отмотать, ни растянуть его невозможно. Это означает, что у человека больше нет времени, а у времени — нет его. Человек и время — вне друг друга и, как параллельные прямые, не пересекаются. Они в разных плоскостях. И если под свободой подразумевают способность распоряжаться временем, то этот человек несвободен. Он несвободен в своем выборе и не может выбрать свободу. Свободу не делать то, чего не хочешь. Свобода всегда — выбор. В отличие от любви. Любовь выбора не дает. Тем она и опасна. Свободна лишь одна любовь — безусловная. Именно с ней проявление любви и нежности перестает быть опасным. Как сказала Кате одна маленькая девочка: «Любовь — это когда конфетку ешь ты, а вкусно мне». Испытание любовью может стать самым главным в жизни — возможность осознать в себе любовь без условий. А то, что ты раньше называла любовью, было всего лишь зацепкой от страха одиночества.

Любовь и предает, и силы придает. Она бросается стремглав на амбразуру, бездонный океан она проходит вброд, она — сама себе свобода и цензура. Любовь — предание, предчувствие, каприз, она — и преданность, и призыв, и предвкушение, и даже падая бескрыльно вниз, она незримо совершает восхождение. Любовь примчится, оседлав коня, или пройдет канатоходцем чинно, она допьет до донышка

коньяк, чтоб притвориться девственно-невинной. Любовь — и стражник, и отчаянный беглец, она ломает стены и преграды, неведом ей безнравственный конец, даже когда не очень ей и рады.

Любовь — предатель с яркой мишурой, она ревнива и реванша хочет, она стать может даже неживой, чтоб, не прощаясь, раствориться ночью. Любовь — и боль, и страх, и пустота, она и лекарь, и разносчик счастья; она — аншлаг, исполненный с листа, она — король и туз единой масти. Любовь отнимет всё и может всё отдать, она в подонка превращает гуру, она заставит праведника лгать и выставит премьер-министра — душой. Любовь — антракт, и действие, и ложь, она — драматургия и эстрада, она подсунуть в руку может нож, когда почувствует опасность рядом.

Любовь рассыплется и превратится в дым, а вскоре будет праздновать рождение и пнёт ногой того, кто не любим, и даже оправдывает преступление. Любовь — колдунья, жертвенно чиста, она — то друг, то враг, а то приятель, она и путает, и выдает места. Любовь — и преданность, и призрак, и создатель.

Еще недавно Катя открывала сайт знакомств — проверить, кто заходил на ее страницу. На страничке Стюарта, с которым она рассталась двадцать минут назад, мелькал значок «на сайте». Внутри у нее всё обрывалось. «Как же так, он только что целовал меня и уже — здесь?» — думала она, заливаясь краской. Однажды она одернула себя: «А я-то что здесь делаю? Он ведь никаких обя-

зательств не брал, а сказанное им в первый день нашего знакомства, что уберет меня с этого сайта, просто глупость. Мало ли, что может сказать мужчина?»

Прошло две недели после завершения их отношений. Катя с удивлением поймала себя на том, что за это время ни разу не заплакала, словно вылила последние слезы, когда уехала от него на машине и написала песню про недорисованный профиль. Будто вместе с заключительной строчкой сняла с себя ответственность за собственную любовь к нему. «Хватит, ничего из этого не получится», — говорила она себе. Проплакалась быстро, значит, быстро может улыбнуться. Никогда нельзя влюбляться от одиночества. Такая влюбленность пуста и печальна. Влюбляться нужно, когда готова.

В промежутках между ответами на вопросы жаждущих общения обитателей сайта знакомств она продолжала наведываться на одну заинтересовавшую ее страничку, хозяин которой показался ей неординарным и по своему взгляду, и по своим взглядам. Он не обращал на нее никакого внимания. Телевизионщик, он много лет проработал новостным корреспондентом на одном из известных американских каналов. Трудно было поверить, что ему даже не любопытно, что за женщина, достаточно привлекательная в конце концов, регулярно заходит к нему. В этот день она выставила свою новую, более интересную фотографию, и вдруг, спустя всего несколько минут, от него пришло письмо. От неожиданности она чуть не подпрыгнула.

«Привет от телевизионного ведущего, — писал он, — у нас с вами много общего. У обоих не бывает депрессии, оба позитивно смотрим на жизнь. У меня были только длительные отношения. Двадцать два года я состоял в браке, после развода десять лет жил с русской подругой из Москвы, вашего возраста, творческой личностью, очень известной в своей области. Меня интересуют только постоянные отношения с интеллектуально развитой, эмоционально стабильной и профессионально состоявшейся женщиной, история жизни которой не менее интересна, чем моя».

Медлить было нельзя. Катя ответила, что между ними действительно много общего. Он поблагодарил ее за молниеносный ответ и добавил: «Мне не терпится услышать ваш голос». В тот же вечер они беседовали по телефону. Том оказался обладателем красивого тембра, четкой и невероятно богатой речи. Говорил он спокойно, без желания угодить или понравиться. Катя почувствовала, что он позитивен и без второго дна. Они договорились о встрече. Том поинтересовался, какую она предпочитает кухню, и прислал ссылку на сайт выбранного им фешенебельного ресторана. «Я хочу пригласить вас на обед в хороший ресторан. Я предпочитаю элегантные места», — написал он.

На следующий день Катя приехала в Манхэттен. У входа в ресторан стоял высокий, подтянутый, лысеющий мужчина, одетый просто и со вкусом — черные брюки и белая льняная рубашка с расстегнутым воротом. На переносице — очки в тонкой оправе. Он читал журнал и, казалось, никого вокруг не замечал. Лишь когда Катя подо-

шла почти вплотную, оторвал глаза от журнала, непроизвольно просканировал ее с головы до ног и, широко улыбаясь, воскликнул:

— Вот это да!

Минимум косметики, чуть за колено белое льняное платье в крупный черный горох и черно-белые легкие туфли на каблуке произвели эффект. Говорят, мы можем понять, наш это человек или нет, в первые пять секунд с момента встречи. Ей хватило двух.

Одним мигом пролетели три с половиной часа. Казалось, не существовало ни одной темы, которая им обоим не была бы интересна. Ей импонировали манеры Тома. Уверенность, спокойствие, мягкость, с которой он выражал свои мысли, искренняя заинтересованность тем, что говорила она, умение слушать, не перебивая и не навязывая свою точку зрения, открытость и простота в общении. Плюс необычайной широты кругозор, богатый словарный запас, образованность, интеллигентность, не говоря уже о драматическом баритоне и прямом, сияющем взгляде счастливого человека. «Не может быть, — думала Катя, — где-то должен быть подвох. Слишком хорошо, чтобы быть правдой».

— Я онемел, увидев тебя, — сказал Том, когда они вышли из ресторана, — и до сих пор не в состоянии поверить, насколько ты не просто соответствуешь своим фотографиям, но и гораздо лучше в жизни.

Помолчав, он добавил:

— Если хочешь, поедем ко мне. Я живу в одном квартале от Эмпайр-стейт. Он виден с крыши моего дома. Если не хочешь, я пойму.

Невольно она сравнивала его со Стюартом, от которого загорелась сразу, с первой минуты. Сейчас внутренний голос подсказывал лишь одно: опасности педантичный Том не несет. И всё. Дальше была какая-то запретная территория, на которую доступ ей был закрыт. Тем не менее она согласилась пойти к нему домой, не опасаясь, что произведет неправильное впечатление. Она позволила всему происходить так, как происходит, и наблюдать со стороны за собой и тем, что свершается сейчас, в данную минуту.

Том показался ей человеком искренним, неподдельным. Это обезоруживало, но Катя одергивала себя: «Не обольщайся. Ты его совсем не знаешь». Она знает за собой слабость — очаровываться, но вскоре замечает, что мужчина, который был так хорош в первые встречи, далек от идеала. Такое происходит не только с потенциальными спутниками жизни, но и с потенциальными друзьями обоих полов.

Том ей понравился, но она совсем не почувствовала к нему никакого влечения. «А может, это не главное? — подумала Катя. — А что, если пойти другим маршрутом и удивить саму себя?» Каждый раз, когда в ней зарождалась любовь, внутри всё трепетало, она ощущала себя не ходящей, а парящей выше уровня земли. «А может, настоящее, сильное чувство должно формироваться постепенно, без всяких потрясений, может, совсем не обязательно убиваться от страстей?»

Они подъехали к его дому. Дверь открыл швейцар. Пока они поднимались в лифте, Том, улыбаясь, сказал:

— Теперь у швейцара появится тема для разговора.

Это означало только одно: женщины в его обители гостят нечасто. Дверь квартиры он открыл без ключа, просто распахнув ее.

— В нашем доме никто двери на замок не запирает, — опередил он вопросительный взгляд Кати.

Ничего подобного в современном мире она не видела, тем более в центре Манхэттена. Гостиная с огромными зеркалами, покрывающими одну из стен сверху донизу, красного цвета кухня, такого же цвета ванная комната. На втором этаже — спальня с низкими потолками, где надо пригибаться. Жилище одинокого аскета. Красный цвет стен — слишком кричащий. Что-то наверняка не в порядке во внутреннем мире человека, который выбирает красные стены. О чем-то он сигнализирует. Квартира обустроена минималистски — ни единого мягкого угла, куда хотелось бы окунуться. Присесть можно на кожаный диван кремового цвета. Именно присесть, а не расположиться, очень уж он неудобен и неуютен, с прямой жесткой спинкой, расположенной под углом 90 градусов. В комплект к стеклянному столу — тяжелые стеклянные разноцветные дизайнерские стулья. Чтобы поднять такой стул, требуется недюжинная мужская сила и две руки. Вместо телевизора — широкий жесткий подоконник с видом на Пятую авеню. Для совмещения приятного с полезным лицом к окну стоит велотренажер.

Они поднялись на крышу. Прямо над головой Катя увидела плывущий небоскреб Эмпайр-стейт. Иллюзию скольжения по воде создавали парящие

облака. Шпиль здания скрывался в небе, напичканном звездами. Если обычно в Манхэттене из-за яркого света огней разглядеть звезды невозможно, то сегодня все звезды сошлись в одной точке купола неба.

— Ты останешься? — спросил Том и взял ее руку в свою. Не дав ей возможности ответить, смущаясь, он добавил: — Если не хочешь, ты не должна этого делать. С тех пор как год назад я расстался со своей русской подругой, у меня не было ни одной женщины. Была одна встреча, но на следующее свидание она не явилась, хоть мы и договорились.

— Она что, идиотка? — вырвалось у Кати, и она аккуратно высвободила свою ладонь из его руки.

— Да, — улыбнулся Том.

«Всё повторяется. Только что ты выскочила из одних отношений — коротких, ярких, ни к чему не приведших — и тут же вляпываешься в другие. Хотя, как можно их сравнивать? Стюарт — неадекватный, несерьезный, пьющий, бегущий от стабильности как от огня и предсказуемый в своей непредсказуемости. И его полная противоположность — Том: уравновешенный, вдумчивый, непьющий, мечтающий о серьезных, гармоничных отношениях. Неужели я вытянула лотерейный билет? — думала Катя, не отрывая взгляда от звездного шатра над головой. — Если мужчина может дать спокойствие, я буду с ним. Если он притягивает сексуально, я буду с ним. Если же в нем есть и то и другое, я буду только с ним».

Да, Том спокоен, не суетен, приятен в общении, но совсем не нравится ей как мужчина. Эдакий типаж «отца», у которого многому можно

научиться. Ее разум был «за», сердце — «против». Если сердце считать личностью, то оно всегда сражается с разумом. А разум тем временем делает сердцу подставы, и между ними — вечный спор: кто главнее. Часто выигрывает ум, даже если он... неумный.

Минуло семь недель с первого путешествия на катере с Брюсом. В эти выходные они должны были встретиться вновь. Минули и семь недель непросто-го счастья со Стюартом. Реанимировать чувства им так и не удалось — никудышными они оказались реаниматологами. Бразилец, словно по расписанию, объявился тоже спустя семь недель. «Как режиссер, я представляю себе утро, которого у нас с тобой не было, но на которое очень надеюсь, — писал он в электронном письме из Рио-де-Жанейро, куда поехал снимать свой фильм, — ты выходишь из спальни, красивая, похожая на булгаковскую Маргариту, в прозрачном домашнем коротком платье. Ты говоришь с кем-то по телефону по-русски и смеешься. А мне так хочется целовать тебя. Но я ухожу, чтобы ты не опоздала на работу. У меня это утро — перед глазами, словно оно было на самом деле. Я обязательно включу эту сцену в свой фильм. И еще, ты можешь превратить любую драму в комедию». «Мы всегда можем проверить: драма это или комедия, — написала Катя в ответ, — а может, вообще и то и другое. В конце концов, любая драма — это прелюдия к комедии». «Понимаю, ты хочешь снять философское кино, чтобы получить “Оскара”, а я хочу снять романтическую комедию,

чтобы заработать денег», — ответил он. «Точно, — написала она, — а когда заработаешь, тоже начнешь снимать философские фильмы, с моим участием».

Потом он позвонил, и Катя услышала в трубке свой голос, но не как эхо, а себя, поющую. Разговаривая с ней, Джон зашел на ее сайт и включил одну из ее песен.

— Я подожду, пока ты дослушаешь, — проговорила она недовольно.

Та, которую он слушал, для Кати была другой, чужой. В эту минуту ей показалось, что поющая на другом конце телефона нагло вмешалась в их диалог и отрывает Джона от нее, реальной. Она, которая там, в компьютере, к нему гораздо ближе, чем эта, реальная. Ту, нереальную, он и видит, и слышит, а эту, настоящую, — только слышит.

Вскоре Джон вернется в Нью-Йорк. Они встретятся, будто и не расставались. Он преподнесет ей обещанный, давно приготовленный сюрприз: подарочное издание «Мастера и Маргариты» на английском языке. С Джоном она будет делиться своими историями про мужчин. Когда не любишь, не страшно быть честной. Увидев, что ее больше нет на сайте знакомств, он тоже удалит оттуда свой профиль.

— Тебя не было всего несколько секунд, а я уже успел соскучиться, — скажет он однажды, во время телефонного разговора, когда Катя попросит его подождать минуту, чтобы ответить на другой звонок.

Потом он представит ее своей съемочной группе. Они поедут в гости к Дагу — известному голливудскому актеру. Из окон небольшой кварти-

ры Дага на тридцатом этаже в восточной части Манхэттена, открывается захватывающий дух вид на Нью-Йоркскую галактику. Катя сразу найдет общий язык со всеми. Смешной и веселый Даг с собранными в небольшой хвостик волосами, из которого выбиваются седые пряди, приготовит простой вегетарианский обед — макароны с овощами. За столом, по левую руку от Кати, расположится очаровательная Чаша — двадцатичетырехлетняя актриса из Любляны, одного из Катиных любимых городов бывшей Югославии, в который она приезжала задолго до появления этой девушки на свет. Как и подобает режиссеру, Джон займет самую выгодную позицию — в торце стола, откуда удобнее всего наблюдать за развитием сюжета. Напротив Кати сядет фотограф из Канады Стейси — худощавая женщина лет пятидесяти с небольшим. На каждое Катино слово она будет реагировать высшей степенью удивления — расширяя до предела глаза. Она ни разу не улыбнется, даже, когда все будут задыхаться от хохота, слушая актерские байки Дага. Похоже, что не так давно Стейси омолодилась — сделала подтяжку лица, вернее, перетяжку, отчего у нее перестали двигаться все лицевые мышцы. Глаза ее не моргали, а губы от натяжения лопались. Стейси работала на картине Джона фотографом. На стенах квартиры Дага висит множество черно-белых снимков ее авторства — портреты, натюрморты, ландшафты и эротические фотографии обнаженных, переплетающихся тел.

Чаша, обладательница звонкого голоса, говорящая по-английски без акцента, встанет из-за стола и отправится на кухню. Оттуда раздастся звук

вылетающей из бутылки пробки. Через несколько секунд рука Чаши разольет по бокалам вино. Сама она будет уже изрядно пьяна, но весела и чертовски обаятельна. Собственно, войдя в дом и с порога выпив залпом бокал вина, эта большеглазая блондинка с пластмассовой заколкой в растрепанных крашенных волосах, моментально достигнет нужного ей градуса и станет громко делиться со всеми слишком откровенными подробностями из своего богатого опыта сексуального общения с различными мужчинами. Катю поразит ее раскованность. Если бы Чаша была американкой, Катя, скорее всего, сказала бы, что именно этот типаж ей неприятен — громкоговорящие девицы с пронзительными голосами. Но почему-то к ней, югославке, Катя станет присматриваться. Чаша разольет по бокалам вино и обнимет ее.

— Какая ты клёвая, — скажет она по-сербски, — жаль, что не пьешь. Мы бы с тобой загуляли.

— Мы и так можем загулять, — откликнется Катя на родном языке Чаши, обнимет ее в ответ и поймает на себе удивленный взгляд Джона.

Он уже долгое время изучает Катино поведение применительно к новой для нее компании. Раньше он с Катей встречался только наедине. А сейчас пошел на ответственный шаг — представил ее своей команде. Джон придвинет свой стул к ней и будет неумело и робко класть руку то на ее плечо, то на колено, то, гладить обе ее руки. Так он будет подчеркивать ее принадлежность себе. Катя в ответ спокойно, но уверенно высвободит свою руку из рук Джона.

Она поймет, что Чаша потому не раздражает ее, что она — эта хулиганская девчонка — Катино

запоздалое отражение, оттуда, из четверти века назад! Так же, как когда-то и Катя, эта девчонка гуляет на полную катушку, живет сейчас, выпивает всё находящееся в пределах ее досягаемости и даже от больших доз алкоголя не теряет самоконтроль. Она такая же компанейская и тоже не фильтрует речь.

Чаша выпьет ровно столько, чтобы фонтан ее энергии не переставал бить ключом. Ей нужно будет чем-то заняться, и она начнет убирать со стола — сгребет с других тарелок в свою остатки макарон. Следовало ожидать, что сейчас она выбросит объедки в мусор, но Катя недооценила женщину. Чаша запустит собранное ею блюдо в рот, допьет из горла оставшееся в бутылке вино и выйдет на кухню. Оттуда донесется «чпок» — звук выскакивающей из бутылки пробки. Катю бросит в жар. Она помнит, как когда-то тоже брала на себя инициативу по открыванию бутылок и разливу.

В начале второго ночи гости начнут расходиться, Чаша останется ночевать у Дага. Катя с Джоном выйдут на улицу и направятся к машине.

— Сразу видно, что ты попала в свою среду, — скажет Джон.

— Конечно, я ведь соскучилась по актерским компаниям. Каждый тянет одеяло на себя, зато весело и интересно.

— А эта актерская компания отличается от российской?

— Нет, актер — он и в Африке актер.

— Как ты точно подметила, — рассмеется он, — а ты не заметила ничего странного?

— Заметила. Чаша — это я в молодости.

— Это меня и потрясло, я смотрел на вас обеих и не мог отделаться от мысли, что она — это ты, но тогда. Только ты — гораздо лучше. Ты лучше всех.

— Просто такой же отвязной, какая она сейчас, ты меня не знал. А знал бы, наверняка не влюбился. Я очень изменилась. Знаешь, мы с ней могли бы сыграть отражение друг друга.

— Между прочим, в мае, когда мы с тобой познакомились, я занимался подбором актеров и на эту роль взял ее потому, что она напомнила мне тебя.

— И как она справилась?

Кате очень захочется услышать, что Чаша — хорошая актриса.

— Очень здорово сыграла, — ответит Джон. — А можно тебя о чем-то спросить? Ты не обидишься?

— Я же тебе говорила, что разучилась обижаться.

— Ты любишь женщин?

— В каком смысле? А, если ты имеешь в виду, была ли я когда-то с женщиной, то нет. Я слишком люблю мужчин, чтобы променять их даже на самую лучшую женщину.

— Ну слава Богу, отлегло, — выдохнет Джон, — представляешь, до чего я дошел?! Я приревновал тебя не к Дагу, не к мужчине, а к девчонке. Особенно после того, как она очень недвусмысленно тебя обняла.

— Я не почувствовала, — ответит Катя и заведет мотор, — это было по-дружески. Но я тоже хороша — умудрилась почти приревновать тебя к себе самой, когда мы говорили по телефону. Помнишь?

— Да, я тогда даже не понял, как на это реагировать, — засмеется Джон, — неужели ты меня ревнуешь?

— Только к себе самой.

— О чем вы с Чашей говорили по-сербски?

— Признались друг другу в любви, — рассмеется Катя, — по-дружески.

— Знаешь, что мне одновременно сказали Даг и Чаша, когда ты вышла на балкон? Впрочем, нет, я не могу тебе этого озвучить.

— Зачем тогда начал?

— Ну хорошо, — он замялся, — они сказали, чтобы я не упустил тебя.

Джон будет пьян, но речь его останется прежней, лишь прибавится раскованности. Там, в доме Дага, он нервничал: не знал, какое впечатление на его друзей произведет Катя и какое впечатление они произведут на нее. Похоже, все остались довольны и от вечера, и друг от друга. Джон попытается обнять Катю, но она увернется.

— Тебе что, неприятно, что я выпил? — спросит он. — Тогда почему ты не остановила меня?

— Я не должна этого делать, я тебе не мама и не жена.

— Ты имеешь на это полное право.

— Не думаю, что я буду пользоваться этим правом.

Он посмотрит на нее пристально.

— Могу я тебе кое-что сказать? — спросит он.

— Конечно.

— Ты меня после этого не ударишь?

— Надеюсь, что нет.

— И не высадишь из машины?

— Не знаю. Говори уже.

— Я тебя обманул. Мне не сорок три года, а сорок один.

— Это плохо.

— Что плохо? Мой возраст?

— То, что обманул. Боялся, что я откажусь встретиться с тобой, узнав, что ты еще моложе?

— Именно.

— В таком случае я должна тебя успокоить. Самые длительные отношения в моей жизни были с мужчиной, на десять лет моложе меня.

— Ты никогда об этом не говорила, — оживится Джон.

— Мне казалось, что в самую первую встречу я тебе всё рассказала.

— Всё, кроме этого. Я бы запомнил.

— Тоже верно. Но ты и не спрашивал.

— Ты права. Знаешь, пока я пьян, ты можешь спрашивать у меня всё что угодно, я сознаюсь во всём.

— Жаль, что я не умею пользоваться ситуацией. Я не знаю, что хотела бы выведать у тебя.

— Тогда можно я спрошу? Ты встречаешься с кем-то еще?

— Какой ты хочешь ответ?

— Правду.

— Уверен, что она тебе нужна?

— Уверен.

— Хорошо, но заметь, не я этого хотела. Ответ «да».

— Он тебе нравится?

— Ты же не можешь представить, чтобы я была с кем-то, кто мне не нравится. Так что вновь ответ «да».

— Ты делаешь меня счастливым, королева, — скажет он после долгой паузы.

Опять дежавю. Они что, сговорились со Стюартом и Брюсом?

— Если я твоя королева, докажи, что ты — единственный, достойный звания короля.

— Я понял. Я докажу, — твердо скажет Джон.

Катя остановит машину возле его дома, он поцелует ее на прощание, выйдет и будет стоять у дороги, пока она не скроется из виду. Всё же Джон для нее — не больше, чем коллега.

Но всё это будет гораздо позже, когда на шахматной доске ее жизни произойдут стремительные рокировки.

О женщина бальзаковского возраста,
Ты слишком независима, мадам.
Тебя пугай хоть федеральным розыском,
Хоть ток пускай по голым проводам,

Ты не сдаешься в плен ни взгляду долгому,
Ни клятвам пылким, что дает плейбой,
Ты согласишься с принятыми догмами,
Когда они проверены тобой.

Каблук французский да в обтяжку юбочки,
И слово крепкое, и легкая рука.
Мужчин насквозь ты видишь, как на блю-
дечке,
А лет тебе — чуть больше сорока.

Ты считаешь ложь, как на детекторе,
Тебя не сокрушит хмельная дурь,
Ты движешься по курсу в нужном векторе,
Воздерживаясь от душевных бурь.

Друзья твои советы конспектируют,
Стоишь ты у послушного руля.

Но отчего ж мужчины дезертируют,
Швартуясь у другого корабля?

...Ты — дома. Зеркало. Темна прихожая.
Струится свет из тонких жалюзи.
Да, на тебя глядят еще прохожие,
И вслед гудят водители такси.

Ты сильная, мадам, ты независима,
Ты смотришь так, что телу горячо:
Давно «пиано» ты, а не «фортиссимо».
Так для чего тебе его плечо?

Он чувствует себя как на экзамене.
Он видит, что изба твоя в дыму,
И хочет сам спасти тебя из пламени,
Но ты сопротивляешься ему

И смотришь, как сгорают ветви хвороста,
Садится солнце — раскаленный шар.
О женщина бальзаковского возраста,
И этот возраст стихнет, как пожар.

Вот и с «капитаном» Брюсом подошло к семи неделям. Катя с интересом ждала дальнейших событий и в глубине души надеялась, что поездка на катере отменится сама собой, хоть шансы на это были крайне малы. Но судьба всегда улыбается ей зеркально, если она улыбается судьбе.

— Прости меня, пожалуйста, — сказал в трубку виноватым голосом Брюс, — прости, если можешь, но моя мужская компания с работы попросила, чтобы на выходные я повез их на рыбалку на ка-

тере. Если тебе будет интересно, присоединяйся. Ты ведь знаешь, что я гораздо больше хочу быть с тобой, чем с ними.

— Ну что ты? Ты не должен оправдываться. Я уверена, что ты прекрасно проведешь время с друзьями, — вздохнула она с облегчением.

Невероятно, но заданная программа сработала. Теперь она освобождена от мучительных объяснений. Ей хотелось, чтобы и Стюарт больше не объявлялся. Катя просила об этом высшие силы, зная, что, стоит ему возникнуть на горизонте, она выбросит белый флаг.

Катя с Томом ловили такси на Пятой авеню, они отправлялись на прогулку в Центральный парк. По улице беспорядочно двигались толпы людей. Взгляд Кати упал на девчущку лет пяти. Малышка сидела на корточках на тротуаре и цветными мелками рисовала на асфальте большой цветок, размером с себя. Молодая женщина, стоявшая рядом, говорила по телефону. По ее щекам текли слезы. Возле урны, метрах в пяти от юной художницы и ее мамы, отдыхал крупногабаритный полицейский. Он жевал бублик, набив им сразу обе щеки. В руке у него был огромный стакан с кофе. Страж порядка смотрел на рисующую малышку и умиленно улыбался. Набитые бубличным тестом щеки полицейского раздувались, как дирижабли.

— Непривычно видеть в Нью-Йорке улыбающегося полицейского, — сказала Катя Тому и тоже улыбнулась.

Женщина закончила телефонный разговор, наклонилась к девочке и, глядя на нее полными тревоги глазами, взяла ее за руку. Потом остановилась в замешательстве, словно не понимая, что делать дальше. Полицейский поспешно выбросил в мусорную корзину стакан от кофе, снял с лица улыбку и, переваливаясь с боку на бок, тяжело дыша, направился в сторону женщины. Дожевывая бублик, он что-то выговаривал ей, укоризненно показывая пальцем на нарисованный мелом цветок. Его взгляд выражал то, что обычно бывает на лицах блюстителей закона, когда они осознают собственную важность и общественную нужность. Женщина плакала, пыталась что-то объяснить.

Остановилось такси. Катя с Томом нырнули внутрь. Катя оглянулась и увидела, как полицейский вручает женщине штрафную квитанцию за рисунок ребенка на асфальте!

Как только тебе кажется, что у кого-то из эшелона власти появляется шанс стать человеком, он тут же на корню уничтожает все твои иллюзии, не оставляя себе ни малейшей возможности воспользоваться этим шансом, словно боится, как бы его не заподозрили в наличии человеческих качеств.

Водителем такси оказался пакистанец. Том расплылся в улыбке и заговорил с таксистом не просто на его родном языке, а на его родном наречии. С продавцами воды, торгующими на улице с лотков, большинство которых родом из Бангладеш, он тоже общался на их языке, интересуясь историями их жизней. Он расспрашивал таксиста о жизни в Пакистане, остались ли у него там родственники, и переводил их диалог Кате.

— Разве ж там жизнь? — качал головой таксист. — Вся жизнь здесь. Я всех своих перевез сюда. И работу нашел. В газетных киосках или за банкой.

Катя поймала себя на том, что не сразу пришла в себя от этого киношного кадра — девочки с нарисованным цветком и ее оштрафованной матери. За те несколько часов, что они провели в парке, Кате ни разу не стало скучно. Том умел слушать и сам был интересным рассказчиком. Он объездил большое число стран, исколесил всю Африку — отсюда его знание многих языков — от пигмейского банту до нило-сахарских языков, на которых говорит лишь шесть процентов жителей тропической Африки. Он разбирался в африканской культуре и мог отличить танец бушменов от танца намибийских готтентотов. Катя, например, не видела разницы в форме черепа жителя Эритреи и сомалийца, даже если бы очень вглядывалась, а Том по одному лишь внешнему виду человека мог определить, откуда он родом. В Нью-Йорке встречаются представители всех народов, так что в качестве наглядного пособия для объяснения Кате этой разницы, он использовал прогуливающих по парку людей. Ей оставалось кивать и пытаться хоть что-то запомнить. Раздался звук африканских барабанов, и через минуту их взору предстал ансамбль в ярких национальных костюмах. Одна группа отбивала ритм и пела, другая — танцевала.

— Вот они! — радостно воскликнул Том и двинулся в их сторону.

— Кто это? Твои знакомые? — недоуменно спросила Катя, глядя на артистов в огромных

разноцветных чалмах на головах и широких шароварах с манжетами.

— Нет, но сейчас познакомлюсь. Это марабуты из Судана.

— Марабуты так марабуты, — сказала Катя и поплелась следом.

В течение получаса она слушала тарабарский язык, на котором Том разговаривал с марабутами, и улыбалась, как идиотка. Поглощенный общением с ними, он напрочь забыл о своей спутнице.

Том, безусловно, человек незаурядный, но для нее он всего лишь учитель. Осознание этого помогло Кате продолжать поиски «своего единственного». С каждой новой встречей надежды на успех таяли. Где же тот, что в «одном флаконе» — и друг, и любовник, и опора? «Если уж такой разносторонний и неординарный человек, как Том, тебе не подходит, кто же тогда сможет завоевать твое сердце?» — спрашивала она себя.

Один из кандидатов, классический музыкант Питер, свою автобиографию на сайте написал лаконично, без эмоций, по телефону произвел впечатление человека скромного и образованного. Он настойчиво уговаривал Катю увидеться и убеждал, что обязательно ей понравится. Она сдалась. Договорились встретиться у входа в тот же Центральный парк.

В назначенное время она увидела направляющегося в ее сторону худощавого мужчину среднего роста, с редящими русыми волосами. Даже издали было видно, что глаза его сияют. Он подошел и поцеловал ее руку.

— До чего же хороша, — сказал он галантно, — не желаете ли кофе?

Катя желала. Кафе с кофе располагалось через дорогу. Они остановились на перекрестке в ожидании зеленого сигнала светофора. Перед ними пританцовывал негр, явно под воздействием наркотиков. Он пребывал в своем мире, разговаривал сам с собой, был безобиден и улыбался во весь рот. Он ни к кому не приставал, а просто двигался в такт музыке, звучащей в его голове. Питер, который еще минуту назад был приветлив и улыбочив, злобно кивнул в сторону негра и раздраженно заметил:

— Ненавижу. Вот во что превратился Нью-Йорк.

— По крайней мере, у него хорошее настроение. Имеет право, — Катя постаралась снивелировать недовольный тон Питера.

Слово «ненавижу» давно уже вызывает у нее неприятные эмоции. Она перестала его употреблять несколько лет назад и сразу почувствовала, как сняла с себя груз негатива. Если она слышит это слово из уст других, ее невольно передергивает. Она вообще больше не использует выражения с негативным оттенком. Даже сочетание «не люблю» старается не произносить. Питер удивленно посмотрел на нее и промолчал. Они зашли в кафе, сели за столик. Официантка принесла меню.

— Какой десерт к кофе ты хочешь? — спросил Питер.

— Только кофе, спасибо.

Для большинства осторожных мужчин вполне нормально — на первое свидание вслепую пригласить не в ресторан, а в кафе. В случае малоинтересной спутницы в кафе можно быстрее свернуть беседу и распрощаться, а из ресторана так просто не уйти.

Катя спрашивала Питера о его жизни. Отвечал он скучно, тривиально, фразы казались заученными и произносились словно не его устами. В числе прочего Катя поинтересовалась, какую женщину он ищет.

— Она должна соблюдать традиции, — уверенно сказал Питер.

— А что значит, с твоей точки зрения, «традиции»?

— Традиции — это когда так принято, — ответил он и, хлопая ресницами, испуганно посмотрел на нее темно-кариими глазами.

— Кем принято? — не отставала Катя.

— Принято, и всё, — он опустил глаза.

— А ты когда-нибудь задумывался, что произойдет, если традиции не будут соблюдены?

— Будет очень плохо, — сказал он тихо, как на уроке.

— Плохо кому?

— Это грех, — Питер сглотнул слюну, взял чашку с кофе, оставил мизинец и, прихлебнув, сделал глоток, — нельзя не соблюдать традиций.

Катя была в потрясении. Перед ней сидел начитанный, трезвомыслящий, разбирающийся в мировой литературе человек, классический гитарист по образованию — и без собственных мыслей. Разве так бывает? Они вышли на улицу. Питер подвел ее к одному из домов и остановился.

— Здесь жил мой преподаватель, педагог по классу гитары, между прочим, русский, из первой волны эмиграции, — сказал он.

После этого полчаса Питер детально и скучно рассказывал малозапоминающиеся истории из жиз-

ни педагога. Он посвящал Катю в чужие жизни из разных энциклопедий, он говорил о чьих угодно судьбах, только не о своей. Он цитировал Гёте, Канта и Ницше, произносил несколько слов по-русски и названия произведений Достоевского и Тургенева.

— Я знаю стихотворение Пушкина на русском, — выдал Питер свой главный козырь, — Морос и солнце, дъень чудьесный! Есчѣ ты дремишь, друк прельесный. Пора, красавьвица, просньис.

— Bravo, — выпалила Катя, не дав ему продолжить.

Любая другая на ее месте испытала бы восторг от столь сногшибательного мужчины: вовсе не идиот, на гитаре играет не какой-то там рок, а классику, воспитанный, серьезный, приятной внешности, без вредных привычек, Пушкина наизусть читает. Мечта! Но Катя не могла отделаться от мысли, что он говорит не от себя, словно живет не свою жизнь. Ее ноги сами направились в сторону машины.

— А ты где запарковался? — спросила она.

— У меня нет машины, — ответил Питер.

— Как можно в наше время, живя в Бруклине, не иметь машины? Это же такие сложности в передвижении.

— Я справляюсь общественным транспортом. Давай зайдем еще в одно кафе.

«Пробует еще раз, сначала? Вторым дублем?» С одной стороны, неловко его обижать, с другой — с ним всё понятно. Лишь на мгновение ей показалось, что еще немного — и ей удастся его растормошить. Неизвестно зачем, но Катя дала ему еще один шанс — захотела увидеть, как он будет исправлять ситуацию. Они вошли в кафе и сели за

столик. Официант принес меню, Питер отложил его в сторону.

— Я читал Толстого «Воскресение». Катюша Маслова — настоящая русская женщина, но ставшая проституткой, — вдруг сказал он.

«При чем тут Катюша Маслова и проститутка?» — подумала Катя и поняла, что ужасно голодна. Она не ела с раннего утра, если считать завтраком пару чашек кофе.

Ответила она не то, что подумала:

— В том-то и дело, что у Толстого за весь роман героини меняются, проходят свои уроки, а ты так ничего и не понял.

— Я не понимаю, что я должен понять, — чуть не плача, сказал Питер.

— К счастью, мы с тобой не на интервью по трудоустройству и тем более не на сдаче экзамена по русской литературе. А ты словно сдаешь мне экзамен. Я уже выяснила, что ты — ходячая энциклопедия. Но энциклопедию я могу и дома читать. От мужчины хочется слышать его собственные мысли, а не цитаты великих.

Но Питер ее не слышал.

— Ага, теперь мне понятна загадочность русской души. Так и Раскольников у Достоевского долго мучился, прежде чем сознался в убийстве. Правда ведь?

«К чему это он?» Но ее ответ Питеру был не нужен. Он заходил в кураже.

— Нужно время, чтобы узнать человека. Все русские классики писали об этом, — продолжал он в экстазе.

— Питер, какие классики? Живи сейчас, — зачем-то пыталась вразумить его Катя.

— Я стараюсь открыть для тебя двери в свою жизнь, — сказал он, и на его глазах выступили слезы.

— С каждым словом ты закрываешь свои двери всё плотнее, как это меню, — сказала Катя и медленно закрыла папку с меню.

— Я знаю сказку про репку, — отчаянно выкрикнул Питер.

Катя в ужасе оглянулась по сторонам, пристально посмотрела на Питера — нет ли признаков невменяемости. Вроде выглядел нормально, без симптомов шизофрении и прочих нервных недугов. Она стала лихорадочно вспоминать сюжет «Репки» и не нашла никаких аналогий с сегодняшним вечером.

— При чем здесь репка? — на всякий случай осторожно спросила она.

— Там же все вместе тянули — внучка за бабу, — сказал Питер, чуть не плача.

— Нет, внучка за бабушки, — ответила Катя.

— Там разве были две бабушки? — не понял юмора Питер. — Ну, пусть будет так, — обрадовался он продолжению диалога, — они же все вместе вытянули. Может, и мы вместе что-нибудь сможем?

Катя встала из-за стола.

— В моей библиотеке четыре тысячи книг, — прокричал Питер, тоже вставая.

— И как ты применяешь знания из этих книг к себе? — выдохнула Катя.

— Никак, — растерянно сказал он.

— Ты говоришь о ком угодно, только не о себе, — она двигалась к выходу.

— А зачем говорить о себе? — спросил он удивленно и совершенно искренне.

Всё. Это была последняя капля. Больше аргументов у нее не было. Она посмотрела на него как на безнадежного.

— Мне пора, — Катя открыла входную дверь и быстрым шагом двинулась к машине.

— Есть ли у меня надежда встретиться с тобой еще раз? — семенил за ней Питер.

Катя села в машину, бормоча:

— Но знаешь: не велеть ли в санки

Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,

Друг милый, предадимся бегу...

На этих словах она завела мотор и уехала.

Декольте

Я так была неповторима в этом
В обтяжку платье с щедрым декольте.
Я спорила с талантливым поэтом,
Прибывшим «скорым». Из Улан-Удэ.

Я говорила: в каждом человеке —
Загадочная русская душа,
Неважно: он француз в библиотеке
Иль у него повадки торговца.

Он может ненавидеть и влюбляться,
Быть трусом и балдеть от скоростей,
Он может никогда не улыбаться
И умиляться, глядя на детей.

Он может быть борцом за справедливость
И выносить с завода не спеша.
В нем доброта, и глупость, и хвастливость.
И это тоже — русская душа.

...Была в ударе я в тот званый вечер.
Поэт на декольте смотрел, чуть вниз.
— Я рад, — сказал, — приятной нашей встрече, —
Вот телефончик, позвоните, плиз.

Домой вернулась за полночь, без силы,
Ни слова не могла произнести.
...Зачем я это платье нацепила?
А ведь могла б за умную сойти.

В электронной почте томилось сообщение от Тома. «Не могу забыть встречу с тобой, очень надеюсь на следующую в ближайшее время. Я счастлив, что ты повстречалась в моей жизни». Дальше была приписка по-русски, сделанная с помощью переводчика Google: «Ты лучшая на свете женщина и очень красивая, Катерина».

Следом — еще одно сообщение, короткое, от «капитана» Брюса. Прошло семь недель их необщения. «Ты навсегда останешься моей любимой Кошкой», — написал он и в тот же вечер позвонил.

— Кошка, ты самая лучшая на свете женщина, — сказал он.

— Не уверена, — ответила Катя.

Они проговорили больше двух часов, словно старые друзья. Брюс рассказал, что за это время у него была женщина.

— Она напивалась до такой степени, что падала лицом на асфальт, — сказал он.

— Как же ты мог так вляпаться? — искренне удивилась Катя. — Я же тебе говорила, что от алкоголиков надо бежать не раздумывая.

— Должен тебе признаться, что это та женщина, с которой у меня когда-то были отношения. Я думал, что она больше не пьет, хотя всегда помнил твои слова о том, что алкоголизм — не прыщ, сам по себе не проходит.

Брюс рассказал, что уже к двадцати пяти годам он стал алкоголиком и наркоманом со стажем с соответствующей средой общения. У него была подруга, к которой он очень привязался с подросткового возраста. Однажды он обнаружил ее в ванной мертвой от передозировки кокаина. Эта первая смерть близкого человека стала для него потрясением. Он впал в депрессию и еще больше подсел на кокаин с алкоголем. Однажды он вел машину в состоянии невменяемости и был остановлен полицией. Загрел под суд. Это испугало его не на шутку, и он решил раз и навсегда завязать с наркотиками и собутыльниками.

— И еще, — сказал он, сменив тему, — мои друзья и родители не могут тебя забыть. — Я всегда буду рад видеть тебя, если только ты захочешь... Какой же я дурак.

Дурак или нет, не Кате судить. Она уже в другом измерении, она ждет среды — встречи с Томом. В ее жизни были бурные романы с бессонными ночами, горькими слезами разочарований и обид, разбитыми на мелкие осколки зеркалами и сорванными с петель дверями, расколовшимися о стены телефонами и летящими из окон, вместе с хрустальными вазами, букетами цветов. Свою настоящую любовь она искала извилистым путем. Она

теряла или уходила сама. А вскоре ее накрывало состояние эмоционального голода, она задыхалась от отчаяния и нехватки любви, от надежды на то, что эта взаимная любовь, которую она всю жизнь ищет и в которой каждый раз ошибается, что эта любовь — близко. И в следующий раз она обязательно встретит ее.

Но наступал момент прозрения, и она решала, что от мужчины ей ничего не надо, в том числе и его постоянного общества. В конце концов, и в одиночестве вполне комфортно. Если в одиночество вливать любовь, тогда не будет времени сокрушаться.

Когда-то она хотела предложить Стюарту один эксперимент, к которому, как ей показалось, он был готов. Единственное, что для этого требовалось, — отсутствие страха. Уже немало. Суть эксперимента проста: надо быть честными друг с другом, в абсолютной свободе, в каждом слове. Это не так легко, как кажется на первый взгляд. Даже друзьям это непросто. У двоих не должно быть зацепок и страха оказаться отвергнутым, непонятым, обиженным, уязвленным или опозоренным. Отношения должны складываться по принципу: как перед собой.

Если мы обманываем сами себя, как же быть с другим человеком? Человек — обманщик по своей сути, единственное из живых существ, умеющее врать. Для этого ему дана речь. Слова — пособники обмана. Глаза лгать не умеют. Если обманывает животное, скорее всего, оно научилось этому у человека.

В Китае панда наловчилась симулировать беременность ради сдобных булочек и лучших условий

проживания. Она даже умудрилась изменить свой гормональный фон, каким-то образом сделав его идентичным фону беременных панд. Очаровательной аферистке предоставили более комфортные условия по сравнению с ее сородичами. Это длилось до тех пор, пока коварный обман не раскрылся. После этого прецедента — недалеко и до пандовой эволюции... или революции. Впрочем, эта панда живет не в дикой природе, где подобные штучки не проканоют, а в специальном центре. Значит, научилась у людей.

Катя же свой эксперимент хотела провести не ради выгоды и булочек. Он мог бы стать уникальной закалкой духа, когда ты не боишься не только обидеть, но и быть обиженным. Своим сокровенным поделиться легко, но сказать в лицо самому близкому тебе человеку, твоему отражению, то, что думаешь о нем, трудно. Кате хотелось проверить себя, прозондировать свои возможности в умении выслушать о себе любую правду. Она любит разные способы укрепления воли: то длительное голодание — по три недели, то полный отказ от сна на четырнадцать дней, то закаливание холодом, то выключение тумблерочков «хочу» и многое другое. Даже если бы в ее отношениях со Стюартом ничего не получилось, они вдвоем могли бы сделать гигантский шаг вперед, пусть даже параллельными дорогами. Бояться нечего, когда нечего терять. Когда всё потеряно, со дна всплывать легко — есть от чего оттолкнуться. Но была одна загвоздка: Катю прошлое не держит, а Стюарта оно тянет назад. Он настолько привязан к своему прошлому, что и не подозре-

вает, что оно — всего лишь плод его воображения. Однажды Катя сказала ему, что прошлое можно изменить, стоит только заменить старую картинку на экране своего внутреннего компьютера на новую. Он был потрясен.

— Что ты такое говоришь? Прошлое в прошлом. Ты не можешь туда вернуться и исправить его.

— Смотри, ты же сам сказал, что прошлое — в прошлом, а значит, иллюзорно. Оно такое, каким ты его видишь. Поменяй его в своем воображении, и оно изменится в реальности, раз уж ты носишь его с собой, как ненужный чемодан. Ты хотел бы другой финал — так переиграй его. Это, как и бросить курить, в твоих руках.

Катя так и не предложила ему этот «правдивый» эксперимент. Стюарт не был к нему готов. На ее вопросы он научился отвечать без страха, но о ее жизни не спрашивал. Если поначалу это сходило за тактичность и импонировало ей, то со временем она поняла его правило: меньше спросишь — легче дышишь. Осознание этого причинило ей боль. В тот день родилась песня:

Ты никогда не сделаешь мне больно

Не обещай любви мне неземной,
ведь я сдалась, любимый, добровольно.
Пообещай, любимый, мне одно:
что никогда не сделаешь мне больно.

Ты не проси у неба рассветать,
ты не проси его разбогатеть.
Проси того, с кем хочется летать,
не от которого захочешь улететь.

Я всё приму, как будет и как есть,
с тобой — любимым — и в жару, и в холод,
успеть бы только всё, что есть, прочесть,
пока весь мир надвое не расколот.

Ты не проси у неба рассветать,
ты не проси его разбогатеть.
Проси того, с кем хочется летать,
не от которого захочешь улететь.

Я не боюсь ни высоты, ни скоростей,
когда есть ты, и наяву, и ночью,
успеть дожить до лучших новостей
и зачеркнуть две точки в многоточье.

Ты не проси у неба рассветать,
ты не проси его разбогатеть.
Проси того, с кем хочется летать,
не от которого захочешь улететь.

Не обещай любви мне неземной,
ведь я сдалась, любимый, добровольно.
Пообещай, любимый, мне одно:
что никогда не сделаешь мне больно.

Ты не проси у неба рассветать,
ты не проси его разбогатеть.
Проси того, с кем хочется летать,
не от которого захочешь улететь.

Катя упрекала себя в том, что подходит к любви с холодным рассудком. Это так, но, когда в последний раз она бросилась в любовь с голо-

вой, рассудок отключился на целых девять лет. Только теперь она осознала, что прожила эти годы в пустоте. В них не было ни содержания, ни наполненности. Да, она впитывала, созерцала, познавала себя, но зачем так долго? Для чего? Конечно, каждый встречается с кем-то для чего-то. В том числе и для того, чтобы всю жизнь сравнивать.

Она мерила общим аршином Стюарта, живущего в страхе и огне, и Тома, у которого ни страха, ни огня. Поражало ее то, что Том умудрился прожить богатую событиями жизнь, ничего не зная о любви и даже не употребляя это слово.

— А ты вообще когда-то любил? — спросила Катя.

— А что такое любовь? — наивно спросил он в ответ.

— Ну, чтобы тебе было понятней, для меня любовь — это картинка с движущейся кинолентой на заднем плане. Ее кадры, помимо твоей воли, всё время выскакивают на передний план.

Он посчитал такое определение любви слишком поэтичным.

— Я тебе очень благодарен за то, что заставила меня задуматься о том, что раньше мне и в голову не приходило. Ты открываешь для меня неожиданный мир.

Это было обоюдно. Он тоже открывал для нее новый мир. Ей казалось, что его мир очень высоко, таких вершин она еще не брала. С большой высоты и падать больнее, но она уже столько раз падала с самых разных высот, что научилась правильно приземляться — на подушечки лап.

Чем дальше, тем очевиднее становилось, что Том с его рациональным умом не способен подарить Кате радость и сам не способен ощутить ее. Рано или поздно ее начнет это раздражать, что потянет за собой паровозом состав претензий и проблем. Катя нашла, как ей показалось, выход — проводить с ним время в философских беседах. Несколько раз Том попытался ее поцеловать, но она отстранялась. «Как бы сказать ему, чтобы он не рассчитывал на большее, чем дружба? И как при этом не обидеть?» — думала Катя и никак не могла решиться на этот разговор. Случай представился сам собой.

— Что тебе во мне не нравится? — спросила она однажды.

— Мне всё в тебе нравится. — И через паузу, смущаясь, он добавил: — Ну, может, за исключением... загара. Ты — самая черная из всех немногих женщин, которые были в моей жизни.

— Даже несмотря на то, что ты объездил все африканские страны?

— Ну да.

— Так это поправимо, — сказала Катя, — загар через пару месяцев сойдет.

— И еще, — сказал он, чуть увереннее, — мне нравится, когда женщина использует больше макияжа.

— ?

Подобное она слышала впервые. В большинстве своем мужчины предпочитают естественный вид женщин. Но зная неординарность Тома, удивлялась Катя недолго, пока не поняла, в чем истоки этой «странности». У него была русская подру-

га, с которой он прожил десять лет и разошелся, но дружеские и рабочие отношения между ними остались. Он купил ей квартиру у себя за стенкой. Русская подруга занимается восточными танцами, а Том — ее менеджер. Их тандем выпускает танцевальные видео, которыми Том непрерывно восторгается.

— Это лучшие восточные танцы, которые только могут быть, я горжусь тем, что продюсирую такой уникальный проект, — говорит он, вскидывая руки.

Бывшая дама его сердца, сценический псевдоним которой Аргон (настоящее имя они оба скрывали), интересуется в жизни только двумя вещами: своей профессией и алкоголем. Том рассказывал, что она не посещает ни выставки, ни театры, ни музеи, никуда не ездит, а всё свободное от танцев время проводит в барах и ресторанах.

— Как же вы жили десять лет? — искренне удивилась Катя. — Ты так много знаешь, читаешь, смотришь, не пьешь. Неужели ты никуда не ходил и ничего за эти годы не видел?

— Нет, — сказал он.

Катя не разделяла его любви к восточным танцам: это не ее жанр. Восточные сценические танцы предполагают яркий грим и костюм с блестящими аксессуарами и сверкающими деталями. Бывшая подруга Тома использует кричащий макияж не только на сцене, но и в жизни. Поэтому он хотел, чтобы и Катя гримировалась, как перед выходом на сцену в образе восточной танцовщицы. Безусловно, она не могла удовлетворить эти желания и уверяла, что косметики ей хватает на работе, конечно, не

столь колоритной, как у Аргон, но вполне достаточно. Тома ее ответ не удовлетворил.

— Ведь мы же с тобой вместе, — сказал он.

— В каком смысле? — не поняла Катя. — Ты имеешь в виду, что мы — пара?

— А разве нет? — удивился он.

— Между нами ничего не было, кроме поцелуя на крыше дома, — сказала Катя, — но раз уж ты сам заговорил на эту тему, я хочу быть с тобой предельно честной, чтобы ты понимал: я могу с тобой дружить, проводить вместе время, но не думаю, что между нами может быть нечто большее.

Том взглянул на нее, снисходительно улыбаясь, словно имеет дело с глупой девочкой, которая сама не понимает, какой счастливый билет вытянула.

— Ты нравишься мне как женщина, и ты это знаешь, — спокойно и уверенно сказал он, — и я постараюсь сделать всё возможное, чтобы понравиться и тебе как мужчина.

Она ожидала какой угодно реакции, только не этой. Катя думала, что ее слова ударят по его самолюбию, он развернется и уйдет или в крайнем случае скажет что-то типа «Ну и черт с тобой». «А что, если он прав и в конце концов ему удастся завоевать мое сердце? Как человек — он открытый и порядочный. И города берут измором», — подумала она.

На очередном свидании Том спросил:

— Хочешь, пойдём сегодня по магазинам, за покупками?

Катя не сразу поняла, что он имеет в виду. Раньше ей никто не предлагал отправиться на «шо-

пинг». Не в смысле купить продукты для дома, а ей — вещи. Поэтому она машинально ответила:

— Нет, не хочу, пойдем гулять по городу.

Женщина за такой ответ может жестоко поплатиться. В тот момент Катя об этом не догадывалась.

Они часами беседовали по телефону, подолгу переписывались. Если были рядом — говорили на любые темы. Кате было интересно всё, о чем он рассказывал. Ее поражало, с каким вниманием и уважением он умеет слушать, как поглощает каждое ее слово, восторгается ее внешностью и, как он говорил, ее нетривиальным взглядом на многие вещи. Он просил, чтобы она переводила ему свои стихи и песни, а сам закрывал глаза и вслушивался в мелодику речи, не понимая ни слова по-русски. В их первую встречу он сказал:

— Я должен тебе признаться: я солгал. Мне не 55 лет, как я указал в анкете на сайте, а 61. Моя бывшая гёрлфренд посоветовала уменьшить возраст. Она сказала, что иначе на меня никто не клюнет.

— Меня это не смущает, — ответила тогда Катя.

Уже потом, с одной стороны, в шутку, а с другой — намекая, что не забыла о его обмане, она припомнила ему это и заметила, что из них двоих комплексует по поводу тринадцатилетней разницы в возрасте только он. Особенно его подкосило то, что Катин бывший моложе ее на десять лет. Том быстро подсчитал в уме разницу.

— Как ты можешь быть сейчас с женщиной, который чуть ли не на четверть века старше твоего предыдущего молодого человека? — удивленно спросил он.

— А разнообразие? — рассмеялась она в ответ. — А что, если я всю жизнь мечтала о мужчине, у которого смогу сама чему-то научиться?

— Это я у тебя учусь, Катерина, поэтому больше не захожу на сайт знакомств, мне там нечего делать. У меня есть ты.

Странно, но желание заходить туда пропало и у нее. Она очень хотела встретить свою любовь, но, наверное, на сайтах знакомств она не водится. Катя смирилась. Том — интересный человек, и даже если их отношения не будут длиться вечно — ведь ничего вечного не бывает, — она будет счастлива от того, что они были.

Ребенком Катя думала, что наши мамы любили только наших пап или в крайнем случае новых мужей, которые появлялись после пап. Повзрослев, она выяснила, что «мама плюс папа» не обязательно означает «любовь» и уж тем более не значит, что, кроме друг друга, в их жизнях никого не было. Со временем для нее открылся огромный мир тайн чужих родителей. Этим миром делились подружки, с которыми, в свою очередь, откровенничали их стареющие мамы. Людкина мама сказала уже взрослой дочери о своем муже, Людкином отчине:

— После операции он больше не может заниматься любовью. Это не его вина. Я же не могла остаться без секса, но и его обидеть тоже не могла. Нельзя обижать любимого мужчину, с которым прошла жизнь. Поэтому я научилась разделять любовь и секс, раз уж не было возможности их со-

единить, и завела любовника. Муж об этом никогда не должен знать.

Катя долго и с трудом переваривала услышанное, но так и не смогла переварить. Людкина мама в одну секунду выбила почву из-под ее ног, разбила все устоявшиеся взгляды на то, чему ее учили с детства. Она не имела права осуждать Людкину маму. Катя понимала, что в какой-то момент жизни, особенно ближе к ее закату, секс для двух любящих людей перестает быть важной частью отношений. Остается что-то другое, более важное, наверное, нежность и желание отдавать и касаться.

Этот разговор Катя вспомнила, когда Том рассказал, что все десять лет совместной жизни с русской танцовщицей они очень редко бывали сексуально близки, а если это и случалось, то без любви и страсти.

— Как такое может быть? — спросила Катя. — Я понимаю — день, два, ну месяц, ну год. Но не десять лет. Неужели между вами не было страсти даже в самом начале?

— Нет, а зачем? — ответил Том.

Мера любви

Я не знаю, в чем ты измеряешь любовь. Есть ли мера любви? Покажи эту книжку. Может, мера ее — в количестве сказанных слов тем, давно позабытым, из детства, мальчишкой? Или, может, она ослепляет, как лазерный луч или солнечный диск, из-за туч выходящий? Может быть, ты сдаешь то, что любишь, под ключ и уходишь к другой, более подходящей?

Может, ты измеряешь любовь звездным небом и его глубиной — бесконечной и вечной? Но ученый, пусть даже на небе он не был, очень просто докажет тебе, что и небо — конечно. Может, ты измеряешь любовь полем белых ромашек? Ты нырял в это поле, в нем было тепло и светло. Или чисто житейски — числом отутюженных чистых рубашек? Если так, значит, точно с любовью тебе повезло. Пирожками, борщами, котлетами, праздничным домом можешь мерить любовь или как ты ее назовешь. Кто-то вспомнит о том, как от смерти спасал незнакомый — чем не мера любви, если к телу привязана дрожь?

Может, ты измеряешь ее в соболях и лисицах, царских шубах и платьях с камнями и декором? Может, к ней прилагаются томные взгляды и лица, словно взяли их скопом в аренду в одном варьете?

Мне с тобою тогда может быть по пути (пусть у меры любви нет весов и названия), если ты измеряешь любовь тихим словом «прости» и неспешным, едва уловимым касанием.

Катю поражало сочетание в Томе чистоты, наивной любознательности и пугающего холода. Он был внимателен по отношению к ней — во время дождя мог нести зонт над ее головой, словно небо над королевой, чтобы оно не задело ее своими острыми звездами. Он не произносил слово «хочу», прежде чем не выяснит, что хотела бы его «королева». В свой дом Катя его не приглашала, но он настоял на том, чтобы побывать у нее под предлогом «хочу посмотреть, как ты живешь, что-

бы лучше тебя узнать». Провалившись в мягкие диваны ■ ее квартире, он загорелся идеей приобрести и для себя нечто подобное.

— А то ведь ни одного уютного места в моем доме нет, — с сожалением сказал он, — как мне раньше не приходило это в голову?

Катя пыталась разгадать загадку по имени Том. Абсолютно счастливый, самодостаточный, без видимых комплексов, ни на кого не держащий зла или обиды, умеющий восторгаться и восхищаться простыми вещами, но ему даже в голову не приходило, что ■ довесок ко всему этому можно еще и любить. Как-то ловко у него одно отделялось от другого. «Значит, бывает и так, раз такой цельный человек, как он, проживает свою жизнь счастливо без любви. Значит, у него можно научиться и прекратить поиски счастья или его иллюзии, прекратить бороться с жизнью, а принять ее такой, какая она есть — без обязательной любви. В конце концов, я ведь уже познала любовь».

Но Кате никогда не удавалось чувствами быть с одним мужчиной, а разумом — с другим и тем более не удавалось извлекать из этого выгоду. Любовь казалась ей единственным спектаклем, в котором нельзя играть. Полет от любви сыграть невозможно. И разве не прекрасно летать, зная, что жизнь не поле боя, а поляна удовольствий?

На ее «поляне удовольствий», в ее поисках любви было одно «но», в котором она не могла сознаться никому, и всеми силами отбрасывала от себя эти мысли. Ей многие говорили, что она прекрасно выглядит в свои «под полтинник». Но сама она понимала, что часы неумолимо тикают и мужчины

обращают внимание не только на ее внешность, наличие мозгов, дарований, но и на цифру. Эту цифру она не скрывала, даже говорила о ней с самоиронией, но всё реже и реже ей хотелось шутить на тему возраста. Казалось, что в женских шутках о старении окружающие читают неестественность, натянутость, и чем больше женщина заостряет на них внимание, тем более очевидны ее возрастные комплексы. Катя полагала, что за ее спиной не обязательно говорят то же, что ей в лицо. «Как вы так хорошо сохранились?» (Слово-то какое по отношению к человеку! Словно речь об овоще, который при перевозке и хранении остается свежим.) Людям свойственно осуждать — Катя признавала, что это факт. Наверняка кто-то сравнивает ее с нею же в молодости, и сравнение это — не в пользу прожитых лет. Она понимала, что не стоит обращать внимание на эти мысли, что это всего лишь плод ее воображения и лучше их вообще выкинуть из головы. Но звук неустанно тикающих часов преследовал ее, и теперь уже, слыша очередной комплимент в свой адрес, она пытливо и недоверчиво вглядывалась в лицо говорящего, словно хотела убедиться, что человек не лукавит.

Только теперь, спустя несколько месяцев после побега Кота, она стала задумываться о том, что проницательность и интуиция, которыми она так гордилась, оказались для нее полным пшиком, пустышкой. Она поражалась тому, до какой степени можно было любить, чтобы оказаться такой беспросветной душой. Когда раньше она слышала истории о том, что мужчины заводят любовниц, а жены годами не подозревают об этом, Катя ду-

мала: не может быть, чтобы не произошло хоть малейшего прокола у этих умных и сверхосторожных мужей. Обязательно что-то выдаст — от нестертой эсэмэски с признаниями в любви до пресловутой губной помады на воротнике рубашки. Не говоря уже о том, что женская интуиция просто не может подвести. Вариант «не хочу этого знать» Катя не рассматривала.

Наивная взрослая дура. Теперь настала ее пора отвечать на тот же недоуменный вопрос знакомых, который она задавала другим: «Неужели ты ничего не чувствовала?» Да, она вынуждена была признать, что любовь и полное доверие к Коту ослепили ее. По всей видимости, когда человеку даже в голову не может прийти коварный план по отношению к кому бы то ни было, он и предположить не может, что с ним могут так поступить, тем более самый близкий человек. Катя никогда не вынашивала коварных планов за чьей-либо спиной, не строила козней и не придумывала способы мести. Потому в ее сознании и не укладывалось это «Как он мог?». Раз сделал, значит, мог. Главнее был другой вопрос: как она могла ничего не заметить? Она считала себя умной женщиной, а на деле оказалась набитой дурой, не способной проинтуичить даже столь простую вещь, как тщательно готовящийся побег от нее любимого мужчины. Как можно было не догадаться, что он врет, когда звонил его телефон, а он не брал трубку и говорил, что это Рудик достает? Как можно было не увидеть, что каждый раз после такого «доставучего» звонка Рудика он уходил минут на двадцать в туалет и строчил оттуда послания в Киев?

Что Кошка ему недодала? Что она сделала не так? Чего ему не хватало? Эти вопросы продолжали преследовать ее, но уже не для того, чтобы разгадать загадку побега Кота, а для того, чтобы с другими мужчинами не наступить на те же грабли. Но ответы она найти не могла. Вернее, они были. Самые правильные, по ее мнению. Без вариантов. Кошка дарила ему и любовь, и ласку, и нежность, и заботу. Ничего плохого она ему не сделала — не обманывала, не изменяла. Да и хватало ему всего.

Вот на этот последний вопрос: чего ему не хватало? — ответ будет найден неожиданно. Вернее, он придет сам, но гораздо позже, четыре года спустя, в феврале 2014-го. Вдруг раздастся звонок от Рудика.

— Мадам, здравствуйте, как ваши дела? — в присущей ему манере спросит Рудик. Она сразу узнает его голос. Рудик никогда не звонит просто так.

— Всё в порядке, спасибо.

— Вы ничего не знаете? — Рудик будет звучать несколько удивленно.

— Ты о чем?

— Я не знаю, интересно ли вам это, но подумал, что рассказать — было бы правильно с моей стороны. Если, конечно, вы не против.

— Говори уже.

— Дело в том, что мне сегодня позвонил Витькин отец и сказал, что Витьку ранили на Майдане.

— Ранили?! — кольнуло в ее сердце. — А что он делал на Майдане? У него странное отношение было к тому, что происходит дома и в России. Я бы сказала, флюгерное отношение.

— Он снимал в Киеве. Приехал с камерой к отелю «Украина», когда узнал, что там засели снайперы. У него на куртке и камере были опознавательные знаки местного телеканала. Он уже входил в холл гостиницы, когда в него выстрелил снайпер и попал в плечо. Знаете, что его спасло? Камера. Он держал ее на этом плече. Иначе пуля попала бы в голову... Сейчас в больнице. Пулю вытащили. Жить будет.

Катя выслушает Рудика внимательно, не перебивая. Потом выдержит паузу и скажет:

— Ну и хорошо. Хорошо, что жить будет... И еще, Рудик, давно хотела тебе сказать: ты настоящий друг. Он может тобой гордиться.

Она положит трубку и подумает о том, что, наверное, за все годы совместной жизни не разглядела в Коте что-то очень важное: его сильное желание хоть немножко быть героем в чьих-то глазах, хоть как-то доказать свою нужность. Наконец, теперь он и есть герой и, выписавшись из больницы, наверняка начнет испытывать судьбу оператора на передовой. Быть может, это и будет его настоящей жизнью. Пусть хоть так он себя немного реабилитирует, там,

Километром ниже

Где-то там, в облаках, от щедрот раздавали медали,

Самый главный апостол в кресло впечатал тело.

А внизу, километром ниже, — то ли стреляли,
То ли девочка песню в заснеженном поле свистела.

И верховный сказал, награждая того, кто умный:

«Молодец, что раздвинул эфирные горизонты». А внизу, километром ниже, — танк полз бесшумно.

Двадцать первый век, в телевизоре — «Всё для фронта».

Патриотам-апостолам с чувством вручали цацки,

И лоснились от гордости лбы, и краснели затылки.

Километром ниже — жевали паёк солдатский, Кока-колою запивая из пластиковой бутылки.

Наверху обсуждали ставки, рубли и цены — Сколько стоит нынче вывести из запоя.

Километром ниже палили в своих прицельно, На одном языке — страшнее на поле боя.

Затоптали небо апостолы каблуками.

Лица те же, что раньше, но губы пышней и караты.

Километром ниже заклятыми стали врагами, Кто рыдал на плече друг у друга тогда, в сорок пятом.

Наверху стреляли глазами, крича в микрофоны,

И сверкали кресты апостолов на банкете.

Километром ниже стреляли затворы айфонов И спеша целовали крестик вчерашние дети.

Статуэтку вручили — слеза на щеке заблестела,

И любовь — напоказ, и куплет о любви — на потребу.

Километром ниже — прикладом — удар по телу,

И глаза что-то просят у синей лазури неба.

С высоты облаков — презирая, глядят на челядь,

Быть с толпой наравне — не апостолов это работа.

Километром ниже — мать не может поверить,
Что вчера улыбался ей сын не только с фото.

Наверху допивали вино, и близка развязка,
Завершался элитный вечер «Гала-апостол».

А внизу, километром ниже, — слетала каска,
И медаль вмерзала в снежный ковёр блок-поста.

Ранним утром жаркого нью-йоркского августа, когда асфальт еще не успел остыть за ночь и дышал паром, Катя сидела перед ноутбуком со своим ритуальным кофе и отвечала на сообщения в почте. Взгляд ее упал на папку в компьютере под названием «Мой мужчина». Эту папку она завела незадолго до регистрации на сайте знакомств, скорее в качестве проверки материальности мысли, нежели веры в то, что мечта может превратиться в реальность. Тогда в списке положительных качеств, которые она хотела бы видеть в своем спутнике, в числе прочих она написала: русскоговорящий, непьющий, некурящий. Вскоре она внесла коррективы, убрав пункт «русскоговорящий», и получила Стюарта.

Не подпадал он лишь под два пункта: курил, пытаюсь бросить, и пил, не пытаюсь бросить. В скобках рядом со словом «непьющий» ею было написано: «знающий меру», а возле «некурящий» значилось: «пытающийся бросить». Только сейчас Катя увидела, что и в том и в другом случае — нечетко сформулированный заказ. Как раз в эти две прорехи и попал пьющий и курящий Стюарт. Нельзя же на полном серьезе пытаться бросить, это можно только сделать. Что заказала, то и получила.

Теперь, перечитывая свой список, Катя вдруг поняла, что в нем нет ни слова о сексуальной стороне отношений. Как она раньше об этом не задумывалась? Эта область в ее понимании всегда шла в связке со всем остальным. И наличие именно этого пункта казалось ей само собой разумеющимся. Теперь она получила Тома — без этого пункта, но со всеми остальными, а Стюарта — только с этим, но без остальных. Всё как заказывала. Да, Стюарта больше не было в ее жизни, но он не выходил из ее головы, она вела с ним постоянный внутренний диалог. Катя боялась, что, если он объявится, она не выдержит и вновь поддастся его гипнотическому притяжению. «Ну уж нет, иначе всё начнется сначала, — твердо говорила она себе, — не поддамся. Чем, в конце концов, он может меня удивить?»

Приближалась седьмая неделя со дня их разрыва. Субботним вечером она с Томом сидела в небольшом корейском ресторане. Их телефоны лежали на столе. Практически с первого дня, не стовариваясь, оба стали класть свои телефоны на стол, как бы подчеркивая, что скрывать друг от друга им нечего. Она вновь подняла тему любви.

— Я не верю, что ты никогда не испытывал состояние влюбленности, вернее, сумасшедшей любви, от которой съезжает крыша, — сказала Катя.

— Это как?

— Так, чтобы с утра перед глазами возникал образ этого человека и весь день оставался перед тобой, как киноплёнка. Чтобы последним кадром перед отходом ко сну тоже был этот образ. Чтобы он врвался в твои сны и будил тебя среди ночи.

— Я никогда даже не предполагал, что такое бывает. Не думаю, что испытывал это, даже не помню, когда употреблял слово «любовь» и тем более чтобы думал о любви так же часто, как ты. Ты ведь поэт, а поэты мыслят особенно.

— Возможно, поэтами становятся те, кому дано познать любовь. Для нелюбивших любовь недоказуема.

— Убеди меня, что любовь — это хорошо, — сказал Том, подавшись корпусом вперед и приготовившись слушать.

— Одна женщина, тоже, кстати, поэт, сказала об этом так: «Любовь — это другая реальность, когда твоя жизнь и весь ее смысл фокусируется на любимом человеке. Он становится тобой, продолжением тебя, твоим целым. Через него раскрывается новый для тебя мир. Любовь настолько преображает любящего человека, расширяет его сознание и возможности, что даже после трагической любви человек становится неизмеримо богаче».

— У меня и без любви возможности сознания не ограничены, — Том расплылся в улыбке и дотронулся до ее руки, — вот тебя же я встретил.

В эту секунду загорелся экран ее телефона — пришло сообщение. Она невольно отдернула руку. Где-то внутри всё оборвалось. Спустя мучительную минуту, выждав до логической точки в разговоре, она извинилась перед Томом и вышла из-за стола, прихватив телефон.

«Привет, как дела?» — прочитала она. Некоторое время она всматривалась в эти три слова, пытаясь угадать, есть ли в них скрытый смысл. Что имел в виду Стюарт? Он явно что-то чувствует, каждый раз появляясь в самый правильный момент. Убедившись, что это не галлюцинация, и не найдя подтекста, дрожащими от волнения пальцами она напечатала: «Привет, какой сюрприз! Всё в порядке. Как ты?» «Постоянно думаю о тебе. Мы можем увидеться?» — написал он. «Завтра. Двенадцать дня», — ответила Катя. К столу она возвращалась с мечтательной улыбкой.

— Если бы ты знала, как приятно находиться рядом со счастливой красивой женщиной, — засиял Том, когда она села за стол.

На комплименты он не скупился. Кате было многовато такого безоговорочного приятия. Она заулыбалась еще ярче, еще лучезарнее. Не ему. Здесь, в этом уютном ресторане, в этот миг не было ни его, ни ее. Она была в завтра.

В два часа ночи она проснулась с чувством, будто Стюарт рядом. Телефон мигал сообщением. «Не могу дождаться завтрашнего дня. Ты удивительная женщина, лучшая на свете. Я не смог тебя забыть», — писал Стюарт. До утра она ворочалась, хватала телефон, проверяла, не писал ли он еще.

Том рассчитывал провести завтрашний воскресный день с ней, но Катя сослалась на неотложные дела. Успокоила она его тем, что очень скоро они всё равно будут вместе целых двенадцать дней. Это была его идея, которую он озвучил всего через пару недель после знакомства, — вместе поехать в отпуск в Италию и Испанию. До отъезда оставалось чуть больше трех недель.

В полдень на обочине дороги стоял улыбающийся во весь рот Стюарт. Бронзовый загар придавал его глазам небесно-синий цвет, зубы сверкали белоснежным, как отфотошопленные для обложек модных журналов. Он сел в машину и коснулся губами ее губ. Катя ощутила в теле ту же дрожь, как и три месяца назад, в день их знакомства. Она хотела сказать, как соскучилась, как всё это время думала о нем, но промолчала, испугавшись банальности, пафоса и того, что он неправильно ее поймет.

— У тебя кто-то появился? Тебя больше нет на сайте, — спросил он.

— Да, появился, так что волноваться тебе не о чем, — она старалась звучать как можно безразличнее и веселее, — не этого ли ты хотел?

— Ну да, — неопределенно сказал он.

— Хочешь, мы можем быть сексуальными игрушками друг друга? — еще безразличнее сказала она. — Если ты готов на роль просто любовника, а не мужчины навсегда, тебе нечего бояться.

— Хорошо, — вздохнул он.

Катя поняла по его тону, что у него гора свалилась с плеч и теперь он свободен от ответственности.

Она удивилась, что индифферентная реакция Стюарта не обидела и даже не задела ее. С еще большим удивлением она заметила, что у нее не щемит от мысли, что они не могут быть вместе. Наоборот, ей стало легче. «Это, наверное, и есть безусловная любовь. — К ней осторожно подкрадывалось какое-то новое знание. — Любовь без условий, как есть. Любовь, которая не осуждает и не обижается. Любовь, которая улыбается, выпуская из рук, которой ничего не надо в ответ. Это и есть та самая зрелая любовь, свободная от привязанности и зависимости. Я же с первого дня знала, какой он. В нем ничего не изменилось. Изменилась картинка, которую я нарисовала в своем воображении. Если ситуацию не изменить — измени свое отношение к ней?»

— Ты когда-нибудь определял, кто я для тебя? — спросила она, улыбнувшись.

— Конечно, ты для меня особенная... Но я должен об этом подумать.

— Ты слишком много думаешь и, кажется, никогда не додумываешься. Например, ты можешь ответить, не думая, что означают твои исчезновения, когда ни звонков, ни сообщений? — она не переставала удивляться тому, что говорит об этом легко и спокойно.

— Ты же знаешь, что здесь ничего личного. Всё это из-за моих перепадов настроения, депрессии, проблем и неприятностей.

— Если бы я этого не понимала, меня бы с тобой давно не было, — она положила голову на его плечо.

— Я тебе очень благодарен за понимание, за то, что ты видишь: я не играю с тобой в игры, а при-

нимаешь меня таким, какой я есть, — он гладил ее волосы и лицо.

— Почему ты так боишься любви? — тихо спросила Катя. — Чего тут бояться? Неизвестно, что может случиться завтра. Ты же не собираешься жить вечно, чтобы оставить любовь на потом. Неужели не хочется, чтобы заколотилось сердце?

— Я об этом не думал, — сказал он и что-то записал в телефон. Катя давно заметила, что он конспектирует ее мысли. — С одной стороны, мне хотелось бы испытать подобное чувство, а с другой — у меня столько проблем, что любовь — еще одна, совсем лишняя проблема.

«Неужели обязательно скандалить и расходиться навсегда, чтобы испытать всю гамму эмоций и чувств? — спрашивала она себя пару часов спустя, когда они сидели на ее кухне. Стюарт курил и увлеченно рассказывал о проекте, в котором ему предложили временную работу. — Неужели нельзя всё то же самое, только без нервов?»

Ранним утром он стал собираться домой. Пребывая в хорошем настроении, Катя напевала свою любимую Yesterday. Нет, она не была счастлива оттого, что он уезжает. Она впервые отпускала легко. Ничего другого в их отношениях не будет. Если им и суждено продолжаться, то именно так, до тех пор, пока они потихоньку не сойдут на нет. Будут редкие встречи, еще реже — телефонные звонки, и то, когда ему понадобится помощь Кати как психотерапевта. Она открывает перед ним дверь своей квартиры и улыбается. Он идет к лифту. «Что ты делаешь? — вдруг выстреливает в ее голове, и улыбка сползает с лица. — Хоть

с собой ты можешь быть честной? Что ты хочешь на самом деле?» «Что я хочу? Броситься ему на шею, повиснуть на ней и не размыкать рук. Хочу разрыдаться от убивающей меня любви и кричать о том, как он мне дорог и как я боюсь потерять его навсегда». «Я не могу без тебя ни минуты, — кричит она молча в его уходящую спину, — я не хочу без тебя. Я хочу быть с тобой всегда, сколько отпущено. Мне неважно, какое у тебя материальное положение, мне всё равно, что с тобой живут трое детей, мне без разницы, пьешь ты или нет, меня не волнует, что ты никак не можешь бросить курить. Эти мелочи — ничто по сравнению с тем, что мы можем дать друг другу!» Он подходит к лифту, нажимает кнопку и оборачивается. Она снова приклеивает улыбку и уже не знает, чего боится больше: того, что он заметит ее боль и останется к ней безразличен или что не заметит вовсе. «Держать хорошую мину при плохой игре», «сохранить достоинство» — крутятся в ее голове пустые фразы. Неважно, что тебе плохо, важно, чтобы об этом никто не догадался.

Какое, к черту, достоинство?! От тебя уходит любовь и будет еще неоднократно уходить, выскользывая из твоей горячей постели. И пока он ждет лифта, ты, счастливая идиотка, так и будешь стоять в дверях и натянуто улыбаться, играя в сильную женщину. А потом скулить в подушку. Так будет до тех пор, пока не появится любящий тебя мужчина. Только с ним ты сможешь забыть о том, что сильная.

Стюарт вошел в лифт и... пропал. Он не звонил неделю, две недели, месяц. Он не звонил вечность.

Она тоже не звонила. Она спасалась вопросами к себе, на которые сама же и отвечала. Всё было против нее. Семь недель спустя, в его день рождения, она напишет ему электронное письмо: «С днем рождения, Стюртик. Я желаю тебе найти себя, тогда ты сможешь найти и любовь в себе. Ты — прекрасный, но запутавшийся в жизни и в себе самом человек. Я благодарна тебе за то, что ты дал мне возможность впервые в жизни познать безусловную любовь. Теперь ее у меня никому не отнять. У тебя своя жизнь. Если в неё постучится любовь, желаю тебе летать вместе с ней, если страсть, желаю не пойти с ней ко дну. Если я обидела тебя, предложив быть только моим любовником, прости. Это была глупая бравада. Я подумала, что так тебе будет легче, это снимет с тебя обязательства. Конечно же, мне от тебя был нужен не только секс. Я уверена, что мы могли бы дать друг другу гораздо больше. Я желаю тебе силы духа, чтобы использовать свои возможности и никогда не упускать их. С годами у тебя возможностей больше, чем потребностей.

Мне было хорошо с тобой. Лучшего я не могу и желать. Если тебе есть чем поделиться, я никогда не стану тебя осуждать. И еще, самыми яркими и счастливыми моментами моего недавнего прошлого были те, когда я летела на машине в Манхэттен, на свидание с тобой, а по правую руку от меня, даже в отсутствие солнца, сверкал и переливался Гудзон. Какая разница, есть солнце или нет? У меня оно было, и я летела к нему навстречу. Теперь я знаю, как это здорово — уметь летать. Желаю тебе того же. В любом случае мы всё еще можем летать вместе».

Без ожиданий и надежд на ответ Катя нажала кнопку отправки. Первая реакция от него последует в пятом часу утра. «Вот это да! Великолепно сказано! Обнимаю», — напишет он лаконично. Спустя восемь часов придет второе послание. «Прекрасные слова и добрые пожелания! Спасибо тебе за это. Знай, что ты никогда не сделала ничего неправильного. Мы будем летать вместе. Я это точно знаю». Вечером он позвонит из ресторана, в котором будет сидеть с тем самым другом — именно ему он с гордостью отправлял Катины фотографии. Она будет уверена, что сейчас он пригласит ее присоединиться к ним.

— У меня сильная депрессия, — скажет Стюарт, — я всё еще в поисках работы, денег нет, проект, о котором я тебе говорил, не состоялся. В честь моего дня рождения хозяин ресторана угощает нас за счет заведения. Ты — лучшая на свете женщина.

— Я это уже слышала, до тебя, — ответит Катя и положит трубку.

Она перестанет отвечать на его звонки, которые пойдут плотной чередой. Перестанет, потому что в ее сердце отойдет наркоз по имени «Стюарт» и она вдруг осознает, что больше не хочет быть рядом с мужчиной-жертвой. Она вылечится и успокоит себя тем, что избавилась от всех страхов и больше не боится потерять. Даже любовь. Не ту, безусловную любовь, которая живет внутри, а самую обыкновенную, условную, уходящую в свой день, из которого она может и не захотеть вернуться. За такой любовью всегда громко захлопывается дверь лифта и гаснет кнопка вызова. Этой любви прощается всё. И этой любви посвящается всё. Какая же ты была

Идиотка

Давай мы с тобой заварим клубничного чая, откроем печенья коробку, разделим на части. Я просто идиоткой себя иногда ощущаю, как будто живу на планете с названием «счастье». Я даже тебя провожаю глубокою ночью счастливой улыбкой, легко, в состоянии покоя. Твой чай недопитый, окурки, конечно, не очень, но к ним всё же ты прикасался своею рукою. Всё это потом, а сейчас вместе с чаем — варенье из черной смородины, густо, на масло с печеньем. Конечно, идиотка, тебе свое стихотворенье читаю и думаю: «Нет никакого значенья».

Ты пьешь теплый чай, внимая моим переводам. Нет, точно идиотка, ведь ты же по-русски — ни слова. Ну как я могла полюбить иностранной породы и с каждым мгновеньем влюбляться сначала и снова? Ты даже гитару мою перестраивать начал. Тебе так удобней петь блюз середины столетья. Конечно, идиотка, под эту я музыку плачу. Ну точно, попалась в твои синеглазые сети.

Всё это потом, когда солнце завалится набок и место уступит луне на велюровом небе. Пусть сами собой все одежды бросаются на пол, я счастлива даже, когда ты зовешь меня «бэби». Конечно же, чай под варенье — предлог и не больше, прелюдия к ночи любви и тотальному счастью, я буду, наверно, идиоткой, коль вдруг тебя брошу, четыре сезона — четыре картежные масти.

Всё это потом, после чая, зимою холодной, когда отпадут междометья, как желтые листья,

и пусть за спиной засмеются: «Счастливей быть модно, но только безумцы рисуют счастливую кистью».

И снова тебя отпускаю, не ёкает сердце, я чаем клубничным с печеньем тебя напоила, вареньем приправила счастье, куда ему деться от этой идиотки, что только тебя и любила?

Он будет звонить, писать, снова звонить, но она не будет отвечать. Спустя три недели всё же ответит на его звонок.

— Что с тобой случилось? — впервые за всё время она услышит в его голосе волнение.

— Я хотела, чтобы ты прочувствовал то, что чувствую я, когда ты молчишь. Больно? — спросит она.

— Больно, — скажет он.

Они встретятся в Манхэттене, будут долго целоваться в машине.

— Я подумал и решил, если ты, конечно, хочешь. Давай купим что-нибудь поесть и поедим к тебе, — скажет он.

— Я так понимаю, что это — моя награда за терпение, — ответит она.

Вдруг из ее глаз польются горькие, тяжелые слезы, которые она даже не попытается остановить.

— Всё, что я хочу, — не просто знать, а слышать от тебя, что ты думаешь обо мне, что я в твоей жизни хоть что-то значу. Нет, не так. Я хочу знать, что занимаю в ней особое место. Я не требую ежедневных бесед. Мне вполне достаточно «Привет, как дела? Всё ли у тебя в порядке?».

«Господи, что я делаю? Зачем? Мужчины ненавидят, когда им вывинчивают мозг». Но она не

может остановиться, она делает последний шаг и, расправив крылья, летит в пропасть. Ничего нельзя вернуть.

— Я обещаю звонить и говорить «привет», — ответит он и прижмет ее к себе. Потом, выйдя из душа в холодную квартиру, он скажет:

— Купи мне, пожалуйста, банный халат, чтобы он был здесь, у тебя дома.

— Я и сама думала об этом, но не осмелилась предложить, чтобы это не выглядело как намек.

Она купит халат, но он так его никогда и не наденет. Он снова пропадет и уйдет с сайта знакомств. Для нее это будет означать, что у него кто-то появился. Эта мысль не будет давать ей покоя, пока всё не разрешится само собой.

На третий день после Нового года он позвонит и скажет:

— Приезжай ко мне в гости. Я приготовил обед.

В свой дом он пригласит ее впервые. Он встретит ее с улыбкой, пока она будет идти по коридору от лифта, он будет стоять, прижимаясь к косяку открытой двери. Он проведет ее экскурсией по своей скромной квартире. Она увидит на стенах картины, написанные им и его дочкой. Его работы — в основном пейзажи, тихие, пастельные и спокойные. Живопись дочки — более экспрессивна, в ярких тонах. К Кате тихонько подкрадет кошка Дженни, обнюхает ее и тихо устроится рядом с ними, когда они сядут на кровать, снимок которой он когда-то прислал со словами: «Она тебя ждет».

— Первый раз вижу, чтобы Дженни вела себя так спокойно, — удивленно скажет Стюарт, — обычно

она набрасывается на незнакомцев. Она никого не любит, кроме меня и Джона (младший сын Стюарта). Это она так реагирует на твой голос. Значит, он успокаивает не только людей, но и кошек.

Его сыновья в это время будут на каникулах в Швеции, а дочка — в кино с молодым человеком.

— Нехорошо, если Эмили застанет меня, — скажет Катя.

— Это вполне нормально, если ты с ней познакомишься.

— Лучше не сейчас.

— Как скажешь.

— Как ты встретил Новый год? — спросит она.

— Здесь, дома, один, — он покажет рукой в сторону стоящей на столе миниатюрной, размером с ладонь, серебристой искусственной елочки, с нелепо висящей на ней единственной игрушкой от большой елки.

— Почему же ты не позвонил? Я бы взяла тебя с собой и познакомила со своими друзьями.

Она не сможет признаться ему, что Новый год тоже встречала одна. Всем друзьям, которые хотели видеть ее в новогоднюю ночь, она сказала, что приглашена в другое место.

Настроения у нее не было, праздника она не хотела. До рассвета она писала, сидя за столом, украшенным несколькими сортами сыра и бокалом воды.

— Я хотел позвонить, но, когда надумал, мне показалось, что уже поздно и у тебя свои планы. И еще, я ушел с сайта знакомств.

— Ты кого-то нашел?

— Нет, конечно, о чем ты говоришь? Надоело. Мне, собственно, и в барах надоело проводить

время. Это всё пустое, никаких знаний я там не получаю. Это тебе не надоедает встречаться с новыми мужчинами.

— Откуда ты знаешь? И вообще, разве тебя это волнует? — она пристально посмотрит ему в глаза.

Он, как обычно, попытается уйти от ответа и будет отводить взгляд. Но она будет упорна.

— Смотри мне в глаза и отвечай. Раз в жизни ты можешь прямо ответить на мой вопрос? Тебя это волнует?

— Да, — скажет он, посмотрев на нее испуганно.

В то же мгновение она словно окажется в его голове, превратится в него, Стюарта. Она почувствует неловкость из-за отсутствия элементарных средств к существованию, от того, что не может позволить себе ухаживать за женщиной, которая ему нравится, дарить ей цветы и подарки, что не уделяет достаточно времени детям.

— Ты — прекрасный мужчина, — скажет она, вернувшись в свою голову, — я в тебя верю, твое время обязательно наступит.

Он позвонит своему ближайшему другу, чтобы поделиться с ним радостью — встречей с Катей. Друг в это время будет находиться в Испании. Он закричит в телефон: «Я же давно говорил тебе, чтобы ты никуда ее не отпускал».

Жарятся гренки в соседней квартире, запах сквозь стены ко мне проникает. Дети, родители. В целом — четыре члена семьи их на завтрак съедают. Жарятся гренки. Идут разговоры. Школа. Каникулы. Отпуск. Дорога. В доме моем занавешены шторы, и чемоданы

твои у порога. Жарятся гренки. Последнюю почту папа соседский небрежно читает. Я безнадежно всё снова испорчу, не предлагая ни гренок, ни чая. Жарятся гренки. Готовится завтрак. Все за столом. Подается посуда. Скатерти край на моем столе задран. Мне всё равно. Ты уходишь отсюда. Взглядом окинул две полочки в ванной, пару подушек на смятой постели. Завтрак за стенкой. Не правда ли, странно? Нас было двое, а гренки сгорели.

— Эврика! Я нашел определение любви, — радостно сказал Том, когда они сели за столик в ресторане восточной кухни. Он знает и любит кухни самых разных стран и неприхотлив в еде, — я долго думал над этим и всё понял. Любовь — это привязанность, зацепка, такая же, как гнев, обида и другие неконтролируемые чувства. Так считает буддизм, к которому я отношусь уважительно не как к религии, а как к учению.

Том отрицал любую религию, но действительно признавал всякое учение как имеющее право на существование. От рождения он не испытывал ни гнев, ни раздражение, ни обиду, ни любовь. По мнению Кати, это было уникальным явлением, лично она не знает аналогов этому. От первых трех качеств многие хотели бы избавиться, да не знают как. И многие немало отдали бы, чтобы познать любовь. Многие, только не Том. Жизнь не подарила ему любви, да он и не хотел ее, эту привязанность и зацепку. Кате было искренне жаль его — дожить до шестидесяти лет и никогда не любить.

В подростковом возрасте ему понравилась одна девочка. Будучи от природы открытым и честным, он решил сказать ей об этом. Он подошел к девочке и, улыбаясь, сказал: «Ты мне нравишься».

— Посмотри на себя, — девочка подняла его на смех при всех, — ты — черствый, бессердечный сухарь, никто и никогда тебя не полюбит.

Эти слова ранили Тома. Он до сих пор уверен, что тогда, от той девочки, имени которой он сейчас и не вспомнит, он получил установку: любовь — это боль, приносящая разочарование. Больше он никогда не влюблялся.

Он попросил Катю, чтобы она перевела ему на английский небольшую заметку, написанную ею по-русски.

«Любовь незрелая, как боль, уйдет, оставив страх на месте той, себя. А зрелая любовь — дар. Она уходит — ты благодаришь. Она забудет прошлые обиды, она живет в том сердце, которое не гонит и не судит. Ей благодарность не нужна, она попросит об одном: “Не прогоняй, но если будет мне пора — как птицу, отпусти и помоги расправить крылья”».

— Только я не собираюсь никуда тебя отпускать, — сказал он деловым тоном после долгой паузы и решительно добавил: — Было бы хорошо, если бы мы жили вместе.

Катя ужаснулась. Только не это. Она не готова. Она не видит себя рядом с ним. Она честно уговаривала себя, что его положительных качеств с лихвой хватит на нее. А то, что с ее стороны нет любви, не страшно. Есть уважение и понимание — это главное. Она была уверена, что, когда они будут

в отпуске, Том сделает ей предложение. Она боялась этого и продумывала, как бы интеллигентно отказать под предлогом «пока еще слишком рано».

— Почему ты молчишь? — спросил он, — тебе что, не нравится такой вариант?

— А как насчет любви?

— Можно ведь жить и без нее, — спокойно ответил Том.

— Может, и можно... но не со мной.

— Тогда скажи, как ее узнать, если вдруг она придет? — спросил он тем же дружелюбным тоном. — Может, и я любил когда-то, просто не знал, что это любовь.

— Если бы это была любовь, ты бы сразу узнал ее.

— Как она выглядит? — не унимался он.

— По-разному. Она может быть красавицей и уродцем, воплощением доброты и кладезем злобы.

— Таких вокруг много. Как же узнать, кто из них любовь?

— А она выстрелит в тебя, и ты всё поймешь.

— Она что, вооружена?

— Да, но не пулями и не стрелами.

— А чем?

— Ее оружие — она сама.

— А как стать ее объектом?

— Надо не бояться ее, а верить, ждать и быть для нее открытым.

— Чтобы не бояться, я должен знать, какая она. Чтобы верить, я должен знать, во что. Чтобы ждать, я должен знать — кого именно. Да и как я могу открыть двери, не зная, кто за ними?

— Так же, как ты держишь их открытыми в своей квартире. Это же неразумно, верно? Вот и в лю-

бви нет разума. Она не материальна. В ней есть только чувства... которых нет в тебе, — неожиданно для себя самой заключила Катя.

Ему не мог понравиться столь категоричный вывод.

— Ха-ха, — Том изобразил свое самое сильное выражение чувств, подняв обе руки ладонями вперед и улыбаясь во весь рот, — ладно, завтра продолжим в самолете. Тема интересная.

Двухнедельная поездка в Рим и Барселону совпала с днем ее рождения. Это было джентльменское предложение со стороны Тома. Катя не могла объяснить, но что-то ей сигналило, что это путешествие не предвещает ничего хорошего и она напрасно согласилась. Но ожидание было сильнее — день рождения в Риме, городе, о котором можно только мечтать. Когда еще такое может быть? Том настаивал на совместной поездке, говорил, что это ни к чему ее не обязывает, она ничего ему не должна, что он заказал номера в отелях с двумя кроватями, что он не только ей хочет сделать приятное, но и себе. Он никогда не был ни в Италии, ни в Испании. Вдвоем, в конце концов, веселее.

В день вылета, с момента прибытия в аэропорт Кеннеди в Нью-Йорке, события развивались в ускоренном режиме, словно киноплёнку включили на сверхбыстрые обороты. Не так давно Катя вдруг, нежданно для себя самой, стала остро чувствовать время, вплоть до пятиминутной разницы, точно в ее мозг вмонтировали электронные часы. Она видела цифры внутренним зрением, на каком-то особом

экране и перестала носить часы. Но всё же в Европу решила их взять, из-за разницы во времени.

Они с Томом встали в хвост очереди к регистрационной стойке. Катя взглянула на свое запястье и не увидела часов, которые только что, пять минут назад, еще в такси, были на ее руке. Несколько кругов по зданию терминала ничего не дали.

— Вот я и потеряла время, — сказала она, улыбаясь, — что бы это значило?

— Ничего страшного, — ответил Том, тоже с улыбкой, — это не время, а всего лишь часы. Купим новые.

Они приземлились в Риме, вышли из самолета и отправились на таможенный досмотр. Том начал рыться в сумке.

— Что ты ищешь? — спросила она.

— Я потерял телефон, наверное, где-то выпал.

— Ты потерял связь, — ответила она.

— Не связь, — весело подхватил Том, — а телефон, который застрахован, ха-ха, — и выставил ладошки вперед.

«Это уже интересно. Какой-то знак. Но какой и что дальше?» — подумала Катя. Они сели в такси. Их отель находился прямо на площади Пьяцца-делла-Ротонда, напротив Пантеона. Молодой шустрый таксист забросил их чемоданы в багажник и тронулся с места.

— Это будет стоить двадцать евро, — бегло сказал он по-английски, ныряя машиной в узкую улочку.

— А в моем путеводителе написано десять, — невозмутимо ответил Том.

Таксист недовольно замолк и надавил на газ. Он мчался по тесным проулкам с такой скоро-

стью, словно едет по пустой автостраде. Катя невольно схватилась за дверную ручку. Выдохнула она, только когда они подъехали к отелю. Том вышел из машины, и таксист, воспользовавшись тем, что Катя осталась в салоне одна, быстро спросил:

— Это твой папа?

Она покраснела и ничего не ответила. Том протянул таксисту десять евро.

— Non prendero, — замотал тот головой. Не взяв деньги, он одним рывком впрыгнул в машину и уехал.

— Вот это да! — восторженно всплеснул руками Том, вновь выставив их ладошками вперед, как в самодеятельном кукольном театре. — Такого в моей жизни еще не было, чтобы таксист не взял денег. Представляешь, как я его напугал? Он побоялся, что я заявлю в полицию, что он хотел нас обмануть.

Для Тома отдых начался как нельзя лучше. Он был потрясен своей удачной экономией. Кате стало неловко и стыдно, хотя, кроме нее, этот монолог никто не слышал. Они шли к стойке портье в гостинице, а Том, как заведенный, повторял, каким, мол, трусом оказался таксист, а сам он — до чего сообразительный и умный. Кате было противно, но... необыкновенно красивый Рим затмил собой всё лишнее. Они зашли в номер. Катя поставила чемодан, высунулась в открытое окно, обвитое плющом, и обомлела.

Прямо на нее смотрел величественный Пантеон, на гигантские, четырнадцатиметровой высоты колонны которого падали лучи заходящего солнца.

А под окном, у фонтана играло джазовое трио — гитара, саксофон и аккордеон. Музыканты закончили очередную композицию. Катя села на широкий подоконник и зааплодировала.

— Привет, Джульетта, а где твой Ромео? — помахал ей рукой саксофонист, похожий на бразильца Джона.

— Здесь Ромео, — радостно ответил ему из-за Катиной спины Том.

Саксофонист, резко погрузнев и понутив голову, заиграл вступление к «Бесаме мучо» в джазовой обработке.

— Хочешь знать, во сколько мне обошелся этот номер? — спросил Том, обнимая ее со спины. Она увернулась, но не успела сказать, что нет, не хочет она этого знать, как он продолжил: — Несколько тысяч долларов.

Ей вновь неловко. Ей и раньше бывало неловко за мужчину, который рядом. Это щемящее чувство рано или поздно переходит в стойкое раздражение, а потом, кроме самого раздражения, не остается ничего. Пропадут те отношения, в которых женщине неловко за мужчину. Или потеряет себя такая женщина. Нет, она не хочет знать, сколько он потратил на поездку, о которой она его не просила, на которой настаивал он сам. «Всё хорошо, всё хорошо», — повторила она про себя несколько раз, как заклинание. Именно так, а не «всё будет хорошо», всё есть хорошо. «Там» нет будущего времени, есть только сегодня и сейчас. И сейчас она — в Риме, а завтра — ее день рождения. Том сумеет устроить ей праздник. Она уверена.

Спала она крепко, не просыпаясь, на большой, удобной кровати. Уснула сразу — сказался длительный перелет и новые яркие впечатления. Том расположился на раскладном диване.

Наступило утро — ее первое римское утро и ее римский день рождения.

— С днем рождения, — весело сказал Том, встал с дивана и отправился в ванную комнату.

«Ничего, — подумала именинница, улыбаясь и потягиваясь, — до вечера далеко. Позже обязательно будут цветы и праздничный ужин, но сначала, может, не менее праздничный завтрак». Они завтракают, но совсем обыденно, потом — так же обыденно гуляют по городу, закидывают головы к верхушкам архитектурных достопримечательностей, заходят в музеи и присаживаются у знаменитых фонтанов. День стремительно движется вперед, недоумение Кати нарастает.

Наступает вечер. При помощи своего друга-путеводителя Том находит ресторан, в котором он зарезервировал столик. С книженцией-путеводителем он не расстается ни на минуту. Большую часть времени он не движется, а стоит, поднося страницу вплотную к близоруким глазам и пытаясь поверх очков разглядеть карту города. Катя несколько раз говорила ему:

— Отвлекись ты уже от карты, посмотри, какая красота вокруг. Не заблудимся, в конце концов.

Но он не реагировал. Наконец они в ресторане. Катя знает, что сейчас в ее честь будет тост. «Наверное, он приготовил какой-то сюрприз, раз весь день молчит», — думает она.

— Мне нужен белок, — торжественно и громко объявляет Том, открывая меню, — я буду мясо. После него я хорошо себя чувствую.

— Лишь бы на здоровье, — говорит Катя. Он знает, что она мясо не ест, но сам к вегетарианству относится с уважением.

— Пойду помою руки, — говорит он так же торжественно и встает из-за стола.

К Кате подбегает приткий молодой официант, горящий желанием пообщаться по-английски.

— Это твой папа? — нагло и весело спрашивает он. Ее кидает в жар. Второй раз за сутки! Она и раньше замечала, что прохожие смотрят на них с недоумением. Сейчас все эти удивленные взгляды одним махом всплывают перед ее глазами. Несмотря на высокий рост и отсутствие живота, Том действительно выглядит намного старше.

День рождения подходит к концу. Ни одного тоста! Ни одного слова в честь именинницы! Катя расстроена и подавлена. Только сейчас она понимает, что Том не разговаривает, а толкает спич, чеканя каждое слово, как радиоведущий начала эры вещания. Собственно, так оно и было. Он, как и Катя, начинал свою карьеру ведущим на радио. Они даже в радиоэфире оказались в одном возрасте, в тринадцать лет, только в разные годы и на разных континентах. А ведь еще совсем недавно ее завораживала четкость его речи. Теперь же она словно очнулась от летаргического сна и слышит, что Том говорит о себе исключительно в превосходной степени: «Я — лучший в своей профессии, я — наилучший ведущий, я — самый успешный продюсер, я — самый потрясающий мужчина».

В связи с этим Катя вспомнила историю одной своей знакомой. Пару лет она была замужем за американцем. У него напрочь отсутствовало чувство юмора при минимальном присутствии органа мужской гордости. То есть сама по себе мужская гордость была, но до такой степени микроскопическая, что иногда не прощупывалась. Тем не менее каждый раз, вставая с постели, муж на полном серьезе обращался к жене:

— Как тебе нравится мой большой пенис?

Катин день рождения подошел к концу. Они вернулись в гостиницу пешком. Всю дорогу они молчали. Никогда ранее она не была в подобной ситуации.

— Я что-то не так сделал? — широко улыбаясь, спрашивает Том. — Почему ты не смотришь мне в глаза?

— Ты действительно не понимаешь или прикидываешься? — она старается оставаться спокойной.

— Нет, а что? Ты можешь сказать мне правду.

— Правду так правду, — говорит она и набирает в легкие воздуха. — Ни одного тоста, ни единого цветка женщине в день рождения! И ты собираешься с этой женщиной жить вместе? Ты думаешь, это нормально?

— Я не знал, что для тебя это так важно, — он улыбается еще шире и чеканит каждое слово, — в моей семье традиция: каждый день — особенный, а день рождения для меня и моей бывшей жены — такой же, как и все остальные дни.

— Какое мне дело до твоих семейных традиций? Я, слава Богу, не твоя жена и не член твоей семьи, —

заводится Катя. — И это говорит мне мужчина, претендующий на то, чтобы быть со мной! Спроси у девяноста девяти процентов женщин: хотели бы они в свой день рождения получить хоть один цветок? Все ответят: «Да».

— А в моей семье такие разговоры даже не возникали, — еще лучезарнее улыбается Том.

— Несчастные женщины: что твоя бывшая жена, что гёрлфренд. Надо же было так приучить их, чтобы они в собственный день рождения даже цветка не захотели.

Том подходит к своему чемодану, залезает в него по локоть и, словно факир, вытаскивает со дна коробочку, перевязанную золотистым бантиком.

— У меня для тебя подарок и... предложение, — он торжественно протягивает коробочку Кате, разрезая лицо улыбкой, словно лезвием.

Она ошеломенела. Только человек не в своем уме может найти настолько неподходящий момент для вручения подарка и... чего? Предложения?

— Мой день рождения уже прошел, мне не нужны от тебя ни подарки, ни предложения, — она отстраняет протянутую коробочку и, облачиваясь на подоконник, высовывается в окно.

Поразительно, но он понимает ее слова буквально и, даже не попытавшись настоять на своем, прячет подарок-предложение в чемодан и укладывается на диван. Она потрясена. Она ошеломлена. Она не верит, что так бывает. Она хочет забыться и... засыпает.

В четыре утра ее будит Его Величество Рим. Как и подобает Его Величеству, он просыпается тихо,

потягиваясь и позевывая. Катя встает, приоткрывает шторы и замирает. К Пантеону неспешно крадется рассвет. Под окном — несколько маленьких, словно игрушечных, грузовичков с выключенными моторами. В полной тишине, чтобы не разбудить раньше времени город, грузчики выгружают продукты для магазинов и ресторанов. Работают они быстро и молча, словно иллюзионисты немого кино, едва шурша по мостовой. Завороженная, Катя наблюдает картину свежего римского утра.

В Нью-Йорке ничего не делается тихо. Фуры, пахнущие соляжкой, часами тарахтят под окнами невыключенными моторами, грузчики в любое время суток громяхают ящиками и орут всей силой своих голосовых связок, соседи в шесть утра горланят и топают на лестничной клетке, как на армейском плацу. В асфальт круглые сутки впиваются отбойные молотки, чугунные крышки колодцев подпрыгивают после каждого проезжающего автомобиля, мусороуборочные машины истошно скрипят, когда их металлические детали трутся друг о друга, полицейские автомобили завывают, такси гудят.

Но сейчас Катя — в другом мире. Она смотрит за окно, в глаза утреннему Риму, и ей хочется, чтобы эта шаркающая тишина не заканчивалась. Но у города свои планы — он пробуждается. На улицах появляются первые прохожие. Откуда-то издалека начинают доноситься глухие звуки — это по булыжной мостовой выстукивают ритм женские каблучки. Дамы тянут за собой маленькие чемоданчики-портфельчики на колесиках. Они цокают по булыжнику, как копыта

миниатюрных лошадей. Перед фонтаном появляется утренняя группа музыкантов. Они молча подключают аппаратуру. Официанты покрывают столы на воздухе ослепительно-белыми скатертями. И вот за столики этого живого римского театра, в котором никогда не повторяется действие спектакля, усаживаются первые зрители. Город не спеша делает пробный глоток утреннего кофе, раскрывает свежий номер газеты, откидывается на спинку стула и начинает новый день.

— Доброе утро, — улыбаясь, говорит Катя ожившему Риму.

За ее спиной раздается голос Тома:

— Доброе утро.

И вновь он полоснул по ней улыбкой из двух белых лезвий. Она вздрагивает от этого оскала, как Мальвина — от взгляда Карабаса-Барабаса. Вскоре они выходят на улицу. На Катином плече — большая глубокая сумка из мягкой кожи, на дне которой — видеокамера, телефон, кошелек и, отдельно, в закрытом на молнию кармашке, паспорт. Катя плотно прижимает сумку к себе. В Риме надо быть начеку. Многие рассказывали ей, что в этом городе воруют всё и везде. Мотоциклисты прямо из рук туристов вырывают сумки, срывают с шей фотоаппараты и протаскивают их владельцев волоком, пока или не оторвется шея или не соскочит фотоаппарат. Затем грабители, как змеи, ныряют в узкие улочки. По-цыгански искусно они опустошают сумки от их содержимого, незаметно разрезая лезвием стенки и виртуозно залезая юркими пальцами внутрь.

В одном из соборов Катя вытаскивает из кошелька несколько монет и бросает их в ящичек

для пожертвований. Через двадцать минут они садятся за столик ресторана на улице, напротив их гостиницы, выпить чашку кофе. Разговаривать ей не хочется, она смотрит по сторонам, изучая происходящее вокруг. Ей нравится всё, что она видит, она очарована этим необыкновенным городом. Они молча выпивают кофе и встают из-за стола. Катя берет со спинки стула сумку и чувствует ее подозрительную легкость. Она запускает руку вглубь. Кошелек нет. Паспорт — на месте, видеокамера с телефоном — на дне, но нет кошелька. Внутри у нее всё холодеет. Большая сумма денег, кредитные карты, водительские права, другие документы — всё украдено. Не веря в этот кошмар, она шарит под столом и осматривает пространство вокруг. На помощь приходит Том, к поискам подключаются официанты. Конечно же, они ничего не находят. Кате кажется, что сейчас она проснется и кошелек окажется на месте.

— Главное, что паспорт при тебе, — доносится до нее голос Тома. Она смотрит на него и видит широченный Карабасно-Барабасный оскал. — Насчет денег не беспокойся, я тебе дам. А для тебя это будет уроком. Ты же сильная женщина.

И оскал во весь рот, и слова про урок настолько сейчас неуместны, что из Катиных глаз фонтаном брызжут слезы.

— Какой, к черту, урок? Вчера был урок, и до этого, семь месяцев назад, я прошла через такие уроки и такое говно, что экстерном одолела все классы школы. У меня каникулы. Я не хочу уро-о-о-ков! — кричит она. — Я всю жизнь была сильной, хочу быть слабой.

Проходящие мимо люди начинают обращать на них внимание.

— Прости, — чуть тише говорит она и тут же, без паузы: — Я взяла с собой деньги, чтобы купить что-то необычное. Я ведь в Риме.

— Ты говорила, что не любишь покупать одежду и не любишь подарки, — Том вновь идиотски улыбается.

Ее глаза округляются.

— Когда это я такое говорила?

— В одну из наших встреч ты сказала, что не хочешь на «шопинг».

Как ему объяснить, что она не согласилась по причине интеллигентного (будь оно неладно!) воспитания и потому, что не привыкла к таким предложениям от мужчин? Она даже не поняла, что он имеет в виду, когда предложил ей пойти в магазины. Том привык иметь дело с женщинами, которые его использовали. Катя так не умеет. Свобода дороже. И сейчас для нее главное — быть не правой, а свободной.

— Я хочу домой, — говорит она железным тоном, останавливая поток слез.

Кто бы мог подумать, что он и это воспримет буквально?!

— О'кей, — улыбается Том и протягивает ей двадцать долларов.

— Вот, можешь поесть пиццу, если хочешь.

— Ты не понял, я хочу домой, а не в гостиницу с тобой, — говорит она, швыряет его двадцатку на булыжную мостовую и бежит в гостиницу.

В номере она долго сидит у окна и смотрит на счастливые лица туристов, которые снимают на

фото и видео римские красоты. Вскоре перебирается на кровать и проваливается в сон.

Ее вновь будит рассвет. Она садится на подоконник. В окне, как на сцене из ложи для почетных гостей, только для нее одной играют второй акт просыпающегося Рима. Она не может не написать об этом:

Рим из окна — серый, утренний и дождливый. Спит Пантеона сфера, голубь сидит сонливый. Цокают чемоданы по мостовой, как кони, шпильки вбивают дамы, город не беспокоя. Он бесконечный, словно жизни моей страницы. Я в это окно врисована, будто в лицо — глазница. Я в это окно впечатана, ставнями заколочена, кожаными перчатками будто бы обесточена. Утро вырастает римское в это окно черное застывшею невидимкою, пририсовав плечо мое.

Чуть не забыла главное: рядом не тот, с кем солнечно, ночи истерты гравием от тишины проселочной. Рядом — случайным выстрелом, словно забыв прицелиться, просто взяла у пристани то, что нигде не ценится, и поддалась течению, переплывя столетия. Что, как не заточение, — то, чем живу на свете я? Римские ожидания, как с кошельком ворованным, даже без «до свидания», став пустотой дарованной, не омрачили праздника, острыми встретив шпильками, будто словами классика, я на века пришпиlena. В Рим хорошо — с любимыми, кофе на старых улицах, а с нелюбимым — спинами ночью глухой сутулиться.

Вот — короли разложены, время — бояться холода. В Рим все дороги хожены, и ни одной — из города.

Первое, что она услышит поутру, будет отчетливый голос Карабаса-Барабаса.

— Сегодня ты улетаешь в Нью-Йорк. У тебя час на сборы.

Она молча соберет чемодан.

— Я иду завтракать, ни в чем себе не отказывай, — он положит на стол ту же мятую двадцатку и выйдет из номера.

Деньги так и останутся лежать на столе нетронутыми. Через полчаса он вернется.

— Вылет переносится на завтра. На сегодня билетов нет. Вот тебе еще двадцать долларов, — он бросит на стол еще одну двадцатку и билет на самолет.

— Ты что, шутишь? — она смахнет со стола на пол обе купюры. — Это всё, что ты можешь мне дать, зная, что я осталась без копейки? Думаешь, я тебе не верну?

— Я сделал тебе подарок — привез в Рим, а ты за последние два дня ни разу мне не улыбнулась.

— О какой улыбке ты говоришь? Ты даже не посочувствовал мне, — завопит она, и вдруг, шипя, добавит: — Впрочем, как ты можешь посочувствовать? Для этого должны быть чувства, а где они у тебя, в каком месте? Покажи.

— Это как ты можешь так ко мне относиться, когда я для тебя делаю всё, а ты даже не улыбаешься? — выходя из себя, заорет он.

— Хочешь знать, что тебя больше всего бесит? — прерывисто прошипит она по-русски и повторит по-английски.

— Говори, — громогласно скажет он и вскинет руки.

— То, что я от тебя не завишу, даже сейчас, даже в чужой стране, даже без копейки денег. А тебя бесит, что ты попал в зависимость от меня.

— Я не думал, что ты так жестока, — он будет театрально артикулировать и раскидывать в стороны ладони.

— А я не думала, что ты так смешон, нелеп и стар, — она перейдет на зловещий шепот. Она нанесет точечный, последний, змеиный удар. — Посмотри на себя, ты выглядишь скупым стариком. Ты хоть раз в жизни сделал что-то неожиданное? Хоть одну женщину приятно удивил?

Она насмехается над ним, издевается, на ее лице расползается такая же, как у него, улыбка Карабаса-Барабаса. Пусть он видит себя со стороны. Таков финал и *c'est la vie*. Ей больше терять нечего. Она потеряла часы — время с ним, он потерял телефон — их связь, и в довершение у нее украли кошелек — деньги. Всё закольцевалось. Она больше не может его видеть. Она не хочет его видеть. Ей отвратительно в нем всё — речь, манеры, взгляд, фигура, походка. Она знает, что нет никого хуже мстительного мужчины, особенно если он нелюбим. Хотя нет, может быть и хуже — мстительная женщина. Но она не даст ему возможности убедиться в этом. Не дождется.

— Я потерял часы.

— Ты потерял время.

— У черной стою полосы.
— Временный сбой в системе.

— Я потерял деньги.
— Значит, любовь близко.
— Всё потерял, до копейки.
— Просто конец списка.

— Снова кошмарный сон.
— Ты в неудачной фазе.
— Пятый разбил телефон.
— Просто конец связи.

— Я написал стих.
— Это не стих, проза.
— Ветер совсем стих.
— Значит, вот-вот — грозы.

— Я потерял страх.
— Это хороший признак.
— Вижу: чужой в зеркалах.
— Это твоя пристань.

— Выхода нет — вход.
— Значит, иди дальше.
«...Боже, какой идиот,
Знать бы об этом раньше».

Она поднимет с пола деньги. Что же, для Рима — вполне хватит. Сейчас она — самая богатая. Она свободна и может позволить себе пять главных итальянских лакомств: пиццу, кофе, пасту, пирожное канноли и мороженое — джелато. Еще останется на сувениры и на поезд до аэропорта.

Допоздна она будет бродить по улочкам города, купит у уличного торговца колечко, внутри которого — картинка всего Рима в миниатюре, и наденет его на палец. Она будет задирать голову к дождливому небу и безмятежно улыбаться. В сумке пусто — бояться ей нечего. Она будет садиться к подножиям фонтанов, наблюдать за людьми, снимать их на видео, есть мороженое и по-кошачьи облизываться. Будет капать дождь, но ей не страшно. Ей нравится римский дождь. В какой-то момент она увидит, как из дорогого ресторана, тоже облизываясь после плотного обеда, выходит Том.

Она проснулась среди ночи, почувствовав справа от себя шевеление. Спросонья она не сразу поняла, что происходит, и даже не успела испугаться. Но когда сообразила, пришлось поверить. Рядом с ней, на ее кровати лежал Том и аккуратно, чтобы не разбудить ее, вытаскивал из-под нее одеяло, в которое она упаковалась, как в спальный мешок.

В детстве у нее было оружие. Называлось оно «Катькин локоть». С его помощью Катя отвечала на попытки мальчишек заигрывания с ней посредством дергания за косички. Она не могла понять, зачем ухаживать грубо, когда можно по-другому. «Катькин локоть» был оружием неожиданным, болезненным и всегда под рукой. Срабатывало это оружие беспроблемно. Получив отпор, кавалер навсегда забывал о том, что косички предназначены для дергания за них, и включал фантазию — приходилось придумывать другие, более действенные способы ухаживания.

Свое оружие за ненадобностью она не использовала с детства, и сейчас было самое время освежить

детскую закалку. Не поворачиваясь, она нанесла молниеносный удар локтем в ту область, откуда доносилось дыхание. Раздался дикий вопль:

— Блвать, ты что, совсем рехнулась?

Первое слово своего возмущения он произнес по-русски, почти без акцента. Остальное — на родном языке. Значит, десять лет проживания с русской танцовщицей не прошли даром.

— О, браво, пригодился богатый русский язык, — захохотала в ответ Катя, — а кто из нас рехнулся — большой вопрос.

Она вскочила с кровати и стала лихорадочно одеваться. Том держался за нос.

— Это же были твои слова, что для женщины надо делать что-то неожиданное, — голосил он.

— Так ты, оказывается, полный идиот, — вновь захохотала она, — как же я сразу не догадалась?

На простыню закапала кровь.

— Ой, Боже, кошмар, — лицо Тома выражало ужас, — у меня идет алая кровь. Я сейчас упаду в обморок, я не переношу вида крови. Я умираю. Надо врача!

— Ага, позвони в скорую, 911, а лучше закрой глаза и помедитируй, Будда, — издевательски сказала Катя.

Он театрально закинул голову вверх и, держа одной рукой нос, словно он сейчас отвалится, а второй размахивая, как флагом, побежал в ванную.

— Ты сломала мне нос, — заорал он оттуда, перекивая звук льющейся воды.

— Скажи спасибо, что не выцарапала глаза. И радуйся, что я не американка, иначе ты бы уже выходил отсюда в наручниках в сопровожде-

нии полиции. И в таком же виде был доставлен в Нью-Йорк.

Она застегнула чемодан на молнию и схватила со стола билет на самолет.

— Спасибо за Рим, — крикнула она и выскочила из номера.

Потом, прилетев домой, она вышлет ему по почте чек и поспорит с подругами — обналичит он его или нет. Подруги будут уверять, что да, обналичит, а Катя будет утверждать, что на это он не пойдет. Конверт с чеком — сам по себе — уже пощечина. Она окажется права.

«Какая же ты идиотка, — ругала она себя, сидя в поезде, по дороге в аэропорт, — как ты, взрослая тетка, могла поверить, что с его стороны эта поездка — жест бескорыстия по отношению к тебе? С какой стати? Дура набитая, еще думала: как бы отказать ему поинтеллигентнее, когда он будет делать тебе предложение. Если уж такой приличный с виду мужчина оказался мерзавцем, то что говорить об остальных? Всё, Катерина, на этом твой поиск “второй половинки” закончен. Ее не существует в природе. Никому ты не нужна, полувековая глупая баба». Из глаз ее покатались слезы, сначала неуверенные, крупные, как первые капли дождя, потом они потекли молчаливым водопадом. Ей стало жаль себя, жаль свою жизнь, в которой она так и не встретила настоящую, большую любовь, «на всю жизнь». Сколько там этой жизни осталось? Сколько можно надеяться, что вон там, в одном квартале, вон за тем поворотом тебя ждет он? За окном мелькали пригороды Рима. Поезд шел между домами, на высоте нескольких метров над землей.

«Сколько можно говорить себе, что завтра ты обязательно встретишь того, кто сделает тебя счастливой? Да, ты знаешь, что счастье — внутри тебя, что оно — твой выбор. Ты смирилась с тем, что и в одиночестве можно прожить счастливо. Смирилась или уговорила себя? Что ты знаешь о счастье? Кто тебе сказал, что один рецепт годится для всех? Да и кто сказал, что завтра ты будешь думать так же? Может, завтра ты проснешься в холодном поту от осознания того, что обречена на пожизненное одиночество? Может, ты просто упустила свою любовь где-нибудь, на той остановке, когда открылось окно, и он крикнул: “Вас подвезти?” А ты, дура, что ответила? “В другой жизни”? Нет никакой другой жизни, есть эта, одна, и то не твоя. Она есть сейчас, сегодня, и нет никакого завтра».

Вот и закончилась римская осень, не начинаясь, не сбросив листву. Ветер колышет сухие колосья, напоминая немного Москву. Всё, что осталось — колечко на память, куплено мной на пути в Колизей. Я надеваю колечко на палец и пробегаю по мокрой росе. Ноги босые касаются солнца, в капельке каждой — с избытком его. Римская осень, конечно, проснется через сезон и заглянет в окно. Я же забуду три дня в центре Рима, ночь у фонтана, ступеньки к нему, сон с колесницей и оперной примой и мостовую в сигарном дыму. Всё, что осталось, — колечко и только, лучший подарок себе от себя, а остальное — прозрачно и тонко, только в ночи колесницы скрипят. Может, и ждет кто-то, может быть, поздно что-то менять. Истекают века. Я прилетаю.

Об отдыхе — после. Видишь, как жилка стучит у виска? Встретишь — не спрашивай, как я умчалась. Исповедима душа, не пути. Я улетила и не попрощалась. Можешь — люби, а не можешь — прости.

Катя в Нью-Йорке, в небольшом ресторане, в компании друзей. За соседним столом — молодая испаноязычная семья — яркой, привлекательной внешности муж с женой и двое детей. Мальчишка лет трех маленькими ручками хватает с тарелки жареную картошку и запускает ее в рот. Очаровательная девчушка с заколкой-бантиком у виска, которой, похоже, нет еще и года, восседает на высоком детском стульчике, своем троне. За столом — тишина. Родители выглядят измученными и безразличными. Мальчик, набив картошкой рот, гоняет по столу пластмассовую машинку, забирается с ней в развороченный омлет с картошкой, роняет на пол ложку, вилку, машинку, кусочки еды, залезает под стол, поднимает то, что бросает, тянет в рот, кладет в тарелку, затем вновь роняет. Родители не обращают на его действия никакого внимания.

Катя смотрит на девчушку с огромными глазами-пуговицами. Мама кормит ее из ложки, а она послушно открывает рот, позволяя вкладывать в него пищу. Не поворачивая головы, одним взглядом своих черных пуговиц малышка провожает каждый объект, попадающий в поле ее зрения, потом досматривает движение ложки до того момента, пока мама не возвращает ее на тарелку.

К столу подходит официант, убирает грязную посуду, малышка сопровождает и его взглядом, пока он не скрывается в дверях кухни. Катя, не в силах оторваться от этой настоящей жизни, улыбается малышке. Девчушка ловит Катину улыбку, еще шире раскрывает свои глазища и без тени ответной улыбки, внимательно, не моргая смотрит на Катю, как исследователь, который не хочет пропустить в своем эксперименте что-то очень важное. Эта маленькая девочка смотрит в мир на все триста шестьдесят градусов. У нее нет авторитетов и правил, страхов и ожиданий, условностей и обязательств, зацепок и привязанностей. Она никому не должна улыбаться, она никому ничего не должна. У нее нет усталости от жизни. Ей некогда устать — у нее много исследовательской работы, она трудится без устали, открывая для себя все двери, все триста шестьдесят дверей своей жизни. Она не знает, что такое «нельзя», «не ходи», «не делай», «не трогай», «не люби». Она знает «льзя», «ходи», «делай», «трогай», «люби». Она еще не потеряла связь с миром. В ней еще живет любовь.

Но скоро, очень скоро ее научат навешивать ярлыки. Эти ярлыки незаметно начнут закрывать ее двери, одну за другой. В конце концов, ее жизнь обрстет таким количеством ярлыков, что, став взрослой женщиной, она будет сгибаться под их тяжестью, протискиваясь по узкому коридору сквозь ожидания и страхи. Ее глаза-пуговицы потеряют блеск и интерес ко всему, что вокруг, а зрение станет тоннельным. И кто знает, может, встреча с таким же маленьким учителем, крошечным человеком на высоком стульчике-троне, человеком, ко-

торый еще не умеет говорить, но еще умеет любить, кто знает, может эта встреча перевернет ее жизнь? Если только она увидит, что этот маленький человек-учитель везде и повсюду.

Вот же он — сидит на скамейке в ее дворе и складывает кубики в фигуру. Вот он — бегаёт в парке под дождем, не боясь замочить ноги и простудиться. Он — в отражении каждой витрины и каждой лужи. Он выглядывает из коляски, пытаясь разглядеть мир, искаженный плотным целлофаном, пока мама защищает его от свежести дождя. Он рисует цветными мелками на асфальте большие солнце, море, цветок, дом, маму с папой и рядом крошечного — себя. Он живет сегодня, не думая о «завтра», не вспоминая о «вчера». «Вчера» его не тормозит, а «завтра» — не подгоняет. Он не боится своих чувств, пусть даже ему не хватает слов. Ему не страшно быть неправильно истолкованным. Удивительно, но он совсем не умеет обижаться. Он говорит то, что думает, и думает, что говорит. Он ничего не подразумевает и не имеет в виду. У него лишь одно дно — бездонное. У него нет секретов от жизни, потому и у жизни нет секретов от него. Ему неведомо предательство, потому что его нельзя предать. В его сердце живет любовь без условий. Эта любовь открывает для него все двери, в которые он заходит без страха.

Катины мысли прерывает встающий из-за другого стола мужчина. На мгновение он отгораживает от нее девчущку с глазами-пуговицами. Катя видит только его спину. У мужчины седые волнистые волосы. За его столом остаются женщина средних лет, еще одна, лет двадцати пяти, и девочка-подросток.

«На кого-то он похож, хотя нет, показалось». Малышка с соседнего стола провожает взглядом его уходящую фигуру.

Говорят, что в жизни бывают две-три настоящие любви. Одна из них сразила Катю наповал перед самым отъездом в Америку, три семилетних цикла назад. Может, потому она и была настоящей, что не успела причинить боль? Но Катя успела сделать больно этой любви. Три месяца назад любовь из прошлого стала стучаться в ее сны. С каждой ночью — всё настойчивее. Она не сразу узнала в этих снах Пашку, от которого уехала больше двадцати лет назад. Ей снилось, что она с Пашкой летит в самолете. Ее голова лежит на его плече.

— Как хорошо, что мы встретились в лучшем городе мира, — шепчет она.

Пашка улыбается. В его кармане звонит телефон. Катя отрывается от его плеча, выскакивает из сна и... хватается телефон у изголовья своей кровати.

— Привет, Катюшка-топотушка, это я. Узнала?

Они не видели и не слышали друг друга целую жизнь, но она узнала.

— Когда ты улетела, — рассказал в тот день Пашка, — я приехал домой, лег на пол, свернулся калачиком и выл, как пес. Несколько дней выл и пил, пил и выл. Жить не хотел. Хорошо, что никто не знает, как это было. Теперь знаешь ты. Никогда — ни до, ни после — такого не было. Это был удар.

Потом у Пашки был второй удар, когда Катя кричала в трубку: «Прости». Пашка снова выл

и пил. Через какое-то время пришел к себе, женился... на пять лет. Затем — еще один брак. И вновь — развод. Восемь лет назад Пашка женился в третий раз. У них родилась дочка. Жене он доверяет и не изменяет.

Три месяца назад вдруг, впервые за двадцать лет, он увидел во сне Катю, свою «Женщину-сон».

Он видел женщину-сон, не с ним бегущую вдаль, он с нею пел в унисон, когда застал их февраль. А гладил женщину-явь под отраженьем свечи. Он, словно скульптор, ваял ее в февральской ночи. Вот только выбрать не мог он между явью и сном. Вчера сменили замок, сегодня продали дом. Он приближался к окну, стирал замерзшую вязь, к незримой женщине-сну через года торопясь.

А в дверь стучится вчера, и, снова не устояв, он ночи пьет до утра и гладит женщину-явь. Ей с ним опять хорошо, уже который сезон. И он, заласканный, шел туда, где женщина-сон. Пешком готов был и вплавь добраться сквозь времена. Таила женщина-явь его от женщины-сна.

И всё прощала, узнав, и не гнала его вон. Вторгалась женщина-явь в его предутренний сон. Была тиха и нежна, его поила вином. И притворялась она незримой женщиной-сном. Ее просил он: «Оставь», глаза скрывая рукой. Цеплялась женщина-явь, чтоб не ушел он к другой. Потом шептала, обняв: «Какой же в этом резон?» Он гладил женщину-явь, а видел женщину-сон.

Пашка звонил ей из ноябрьской заснеженной Москвы. Он сидел в салоне машины в легкой футболке и в деталях рассказывал о тех днях, которые врезались в его память глубокой, так и не зажившей раной. Пашка сохранил все ее письма, отсканировал и выслал ей по электронной почте. Катя вчитывалась в слова, написанные ее — не изменившимся за двадцать с лишним лет — почерком. Неужели это была она, которая так хотела его приезда, строила планы, была уверена, что они будут вместе, а потом так же быстро сдалась? Боль, причиненная ею Пашке, оказывается, сидела в ней жгучей занозой. Она думала, что простила себя за прошлое, но в действительности где-то внутри крепко обосновалось чувство вины.

— Видишь, стоило мне отпустить тебя всего на двадцать лет, как ты натворила делов, — сказал он.

— Так я же на минутку вышла, за хлебом.

— Молоко не забыла купить? — подхватил он. И уже серьезно добавил: — Я всю эту долгую жизнь жил тобою и ждал, когда ты вернешься из этого далекого магазина. Единственное, о чем жалею, — что тогда отпустил тебя.

— Это не ты меня отпустил, это я вырвалась.

— Ты тогда немножко умерла... на двадцать лет. Теперь у меня есть цель — дотронуться до тебя.

— Это неправильная цель. Ты не боишься осуществления желаний? Дотронешься и что дальше?

— Дальше... так и останусь, дотронувшись, — ответил Пашка и добавил: — Я так тебя недолюбил. Знаешь, что такое любовь? Это двадцать лет сравнивать, оценивать и не находить тебя в других.

Недолюбила, ушла, погасила свет, недопростила и не сберегла тогда. Выстрелом в спину любимому было «нет», а нелюбимому щедро дарила «да». Не дождалась, проводив, обещала ждать, знала: разлука была на один миг, а ведь могла и года повернуть вспять, да испугалась — всё снова на чистовик. Не причинила, уже хорошо. Стих шум за окном, самолетный ночной гул. Не дописала и не досказала стих, ветер влетел и его со стола сдул.

Не догнала исчезающий тот след, а ведь могла, словно пес, применить нюх, недорасслышала голос из дальних лет, хоть и считала, что очень неплох слух. Не поняла, не сумела забыть боль, не донизала на нитку канву бус. Шла поперек там, где надо идти вдоль, с каждым из них, недолюбленных своих муз.

Недоласкала, хоть нежности целый пуд и не открылась любви, что ломилась в дверь, не доплыла, хоть и был невелик пруд, не укротила, хоть был неопасен зверь. Неоткрыла той клетки железной вход, а ведь могла приложить хоть немного сил. Но отвернулась, трусливо сыграв уход, лишь потому, что вернуться не попросил.

Не долетела туда, где лежал снег, а ведь могла без труда растопить лед. Не повернула течение морей, рек, хоть и могла за любовью пойти вброд. Не дописала главу о любви двух не половин, а сияющих полных лун. А ведь могла, если был бы силен дух. Всё отдала бы: полнеба и блеск лагун.

Недокрутила написанный свой роман, так и не выбрав, кто будет из них герой. А ведь могла

бы, да сорвала стоп-кран, в моноспектакле сыграв небольшую роль. Только вот поздно менять то, чего уж нет. Проще, конечно, и слаще любить тех. Тех, кто оставил от прошлого след лет, недосмеявшийся, выстрелом в спину — смех.

Эпилог

— Я не хотел вас будить, вы так крепко спали, — тихий мужской голос говорил по-русски.

Она приоткрыла глаза и тут же зажмурилась — яркие лучи солнца били в лицо, шея затекла. Сон был как никогда реальным. Сейчас она вспомнит его сюжет, надо лишь ухватиться за тонкую нить, и он раскрутится. Главное, пока не включаться в реальность. Вот же он, перед глазами. Когда тебя резко выхватывают из сновидения, каким бы очевидным оно ни казалось, картинка в ту же секунду распадается на мелкие детали. Ты пытаешься соединить их в одно целое, но, увы, будто кто-то стремится обнулить матрицу твоей памяти, чтобы писать на ней с чистого листа. Ты сопротивляешься, думаешь: вот-вот поймашь этот ускользающий сон, сейчас он предстанет перед тобой целиком, кадр за кадром. Ты стараешься его нащупать, но тщетно — обрывки кадров, один за одним, крошатся и вскоре от сновидения не остается ни единого кусочка. Всё, что она поняла, — в ее жизни сейчас происходит что-то очень важное, возможно, самое важное. И еще в голове крутилась незавершенная строка. «В Рим надо ехать...» «Не знаю насчет ехать, но записать точно надо, пока не забыла, только достать бы из сумки ручку», — подумала она и вновь открыла глаза.

Только теперь, увидев перед собой ряды кресел самолета, Катя поняла, где находится и что ее голова покоится на чужом плече.

— Простите, ради Бога, — она оторвала голову от плеча незнакомца, покрутила затекшей шеей и выглянула в иллюминатор.

Самолет шел на снижение, но пока за плотными грядками облаков земли видно не было.

— Вы что-то сказали во сне, — прозвучал тот же голос.

— Мало ли что может сказать спящая женщина, — отшутилась она.

Стоп. Ее сердце заметалось, перебегая от груди к темечку и обратно. Она узнала его. Она не ошиблась. Этот, с легкой хрипотцой, голос дважды звонил в ресторан и попадал к ней. А недавно она услышала его в магазине, у кассы, за своей спиной.

Катя осторожно повернула голову в его сторону. Ее щеки пылали, сердце подпрыгивало. Мужчина смотрел на нее не отрываясь. На ее внутреннем экране в один миг на много лет назад отмоталась пленка: Москва, вагон метро, монотонно бегущие за окном провода, в отражении, в стекле — на нее смотрит мужчина с темными вьющимися волосами.

Опять Москва, перед самым ее отъездом. Дождь, она, промокшая, босиком, на автобусной остановке. Подъехавшая машина, открывшееся окно, те же волнистые темные волосы, тот же голос с хрипотцой: «Девушка, вас подвезти?» И ее ответ: «Как-нибудь в другой жизни».

И вот она — другая жизнь: Нью-Йорк, Манхэттен, витрина магазина, в отражении — их встретившиеся взгляды и уносящая его толпа. И наконец, совсем недавно — ресторан, он, встающий из-за соседнего стола, опять его спина и волнистые, теперь уже седые волосы.

— Что я сказала во сне? — пересохшими губами спрашивает она.

— Вы сказали, что в Рим надо ехать только с любимыми.

Лайнер мягко коснулся земли.

— Наш самолет рейсом Рим — Нью-Йорк совершил посадку в международном аэропорту имени Кеннеди, — прозвучал голос капитана.

— Вы знаете, что я сейчас хочу? — застенчиво улыбается незнакомец.

— Молчите. Я попробую угадать. Назад, в Рим? — улыбается она в ответ.

Лицо незнакомца внезапно становится серьезным, слишком серьезным.

— Как вы догадались?

— Потому что я тоже этого хочу.

Она должна ущипнуть себя — ей это снится. «Нет, такое присниться не может. Такое случается раз в жизни. Я его узнала».

— А я вас узнал, — говорит он.

«Нет, только не это, — в ужасе думает она. — Сейчас именно тот случай, когда не надо меня узнавать. Я не в телевизоре, я здесь, живая».

— Вы еще тогда, в Москве, обещали мне встретиться в другой жизни. Я поверил и ждал этой, другой, жизни... всю жизнь.

— Значит, я сдержала обещание.

Они не заметили, как оказались в зале регистрации на рейсы.

— Два билета до Рима, — сказал он и коснулся ее руки.

Оглавление

Часть I. Держись, взлетаем!	5
Часть II. Отражение.....	157
Эпилог.....	393

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение или иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную или гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

ИСТОРИЯ О НАС

Валерия Коренная

ЗАВТРА БЫЛА ЛЮБОВЬ

Директор редакции *Е. Капьев*
Ответственный редактор *И. Воеводин*
Художественный редактор *С. Власов*
Верстка *А. Барцевич*

Во внутреннем оформлении использованы фотографии:

Halfpoint / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86.

Тауар белгісі: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 09.01.2017. Формат 84x108¹/₃₂.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,0.

Тираж 1000 экз. Заказ 3998.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

www.oaompk.ru, www.oaompk.rf тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ISBN 978-5-699-91694-8

9 785699 916948 >

Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:

142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.

По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж
International Sales: International wholesale customers should contact Foreign Sales Department for their orders.

По вопросам приобретения книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.:
+7 (495) 411-68-59, доб. 2261.

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса:

142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

Полный ассортимент книг издательства для покупателей:

■ **Санкт-Петербурге:** ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел.: (812) 365-46-03/04.

■ **Нижнем Новгороде:** 603094, г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д. 29,
бизнес-парк «Грин Плаза». Тел.: (831) 216-15-91 (92/93/94).

■ **Ростове-на-Дону:** ООО «РДЦ-Ростов», 344023, г. Ростов-на-Дону,
ул. Страны Советов, 44 А. Тел.: (863) 303-62-10.

■ **Самаре:** ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел.: (846) 269-66-70.

■ **Екатеринбурге:** ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел.: +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

■ **Новосибирске:** ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел.: +7 (383) 289-91-42.

■ **Киеве:** ООО «Форс Украина», г. Киев, пр. Московский, 9 БЦ «Форум».
Тел.: +38-044-2909944.

Полный ассортимент продукции Издательства «Э»

можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».

Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.

Звонок по России бесплатный.

■ **Санкт-Петербурге:** в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД»,
Невский пр-т, д.46. Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.

Тел.: +7 (495) 745-89-14.

BOOK24.RU

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН

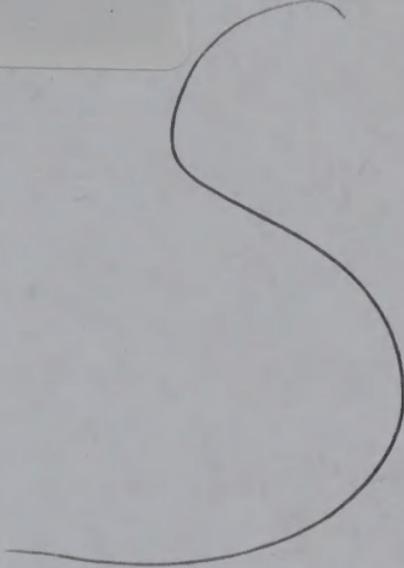
ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН

BOOK24.RU

BCPL

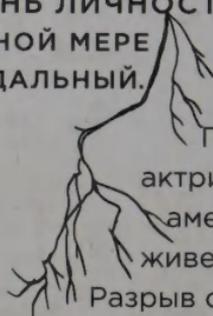
Baltimore County
Public Library

3 1183 18601 1695

**ТАКОЙ РОМАН
МОГЛА НАПИСАТЬ ТОЛЬКО ЖЕНЩИНА.
ОН ОЧЕНЬ ЛИЧНОСТНЫЙ,
В ИЗВЕСТНОЙ МЕРЕ
ИСПОВЕДАЛЬНЫЙ.**

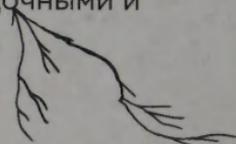
Героиня, в прошлом московская актриса, а ныне ведущая на русско-американском телевидении, живет в Нью-Йорке двадцать лет.

Разрыв с любимым, внезапно вернувшимся на родину, мучителен.

Оставшись в одиночестве, Катя думает, что больше никогда не найдет любовь, без которой не мыслит существования. Тем не менее по совету подруги регистрируется на сайте знакомств. Она начинает встречаться

с разными мужчинами-американцами — творческими и умными, порядочными и самоуверенными, смешными и трогательными.

Она видит, что мужчины влюбляются в нее, у нее появляется надежда. Встретит ли она настоящую, главную, безусловную любовь, будет ли эта любовь говорить с ней на одном языке?

